

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
ЧАСТЬ III
2025

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Марагбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюоань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Джеффри Хинтон* (1947), британский и канадский ученый.

Джеффри Хинтон родился в Лондоне (Великобритания). Он вырос в семье, где наука занимала центральное место — его отец был инженером, а дед, Джордж Буль, был математиком, известным своими работами, которые заложили основы для цифровой логики в компьютерах. Это окружение, несомненно, повлияло на его интерес к научным исследованиям и математике.

Хинтон начал свое образование в Великобритании, где он изучал экспериментальную психологию в Кембриджском университете. В 1970 году он получил степень бакалавра в Эдинбургском университете, где углубил свои знания в области искусственного интеллекта и психологии.

Он продолжил свою учебу в США, в Университете Калифорнии в Сан-Диего и получил докторскую степень за исследования искусственного интеллекта и когнитивной психологии. Во время своей работы в аспирантуре Хинтон сосредоточился на моделировании восприятия и памяти, что в дальнейшем сыграло ключевую роль в его исследованиях машинного обучения и нейронных сетей. Он также продолжил работу в академической сфере, преподавая в различных университетах, включая Карнеги-Меллон и Торонтский университет. С 2013 по 2023 год Джеффри Хинтон являлся сотрудником компании Google.

Хинтон сделал революционный вклад в развитие алгоритма обратного распространения ошибок. Этот метод позволил ученым эффективно обучать глубокие нейронные сети, что было критически важно для прогресса в области машинного обучения. Благодаря этому открытию стало возможным обучение сетей выполнению сложных задач, таких как распознавание речи и обработка изображений.

Ранние исследования Хинтона в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта заложили ос-

нову для его более поздних теорий и алгоритмов в области глубокого машинного обучения. Он экспериментировал с различными моделями нейронных сетей, пытаясь имитировать процессы человеческого мозга. Эти эксперименты были критически важны для понимания того, как можно обучать компьютерные системы распознавать образы, обрабатывать речь и выполнять другие сложные задачи.

Исследования Джеффри Хинтона в области обратного распространения ошибок и глубоких нейронных сетей стали основополагающими для последующих прорывов в разработке искусственного интеллекта.

В 2012 году команда, в которой работал Хинтон, представила нейронную сеть под названием AlexNet. Эта сеть выиграла соревнование по компьютерному зрению ImageNet, значительно опередив конкурентов. AlexNet продемонстрировала потенциал глубоких нейронных сетей в области обработки изображений и стала вехой в истории развития ИИ.

В 2018 году Джеффри Хинтон стал одним из трех лауреатов премии Тьюринга. Среди прочих его наград — Королевская медаль от Королевского общества, Канадская золотая медаль Герхарда Херцберга Канадского совета по исследованиям в области естественных и инженерных наук, а также Нобелевская премия по физике за 2024 год. Хинтон был избран членом Американской академии искусств и наук. Ученый удостоен нескольких почетных степеней от ведущих университетов мира за его вклад в область искусственного интеллекта и компьютерных наук.

В 2024 году Хинтон снялся (без указания в титрах) в роли самого себя в научно-фантастическом боевике-тинонтиллере «Атлас».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Абакаров А. А.

Конституционные гарантии самостоятельности и ответственности органов местного самоуправления 145

Амахин Д. В., Одинцова О. В.

Проблемы трудоустройства и реализации права на образование для людей с сахарным диабетом в Российской Федерации 147

Аношкина И. В.

Правовой режим ограничений и обязанностей для лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации 150

Афанасьев Н. И.

Правовое регулирование государственной службы: проблемные аспекты и направления модернизации 151

Бабаев А. Ф.

Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений 154

Баранова М. Д.

Основные направления совершенствования проблем правового регулирования распределения бюджетных средств в рамках программы обязательного медицинского страхования 156

Блинцов С. В.

Органы публичной власти как субъекты правоотношений в жилищно-коммунальной сфере 159

Блинцов С. В.

Лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в системе правоохранительной деятельности в жилищно-коммунальной сфере 162

Бондаренко А. Р., Ляликова М. А.

Замена или отмена обеспечительных мер 164

Борилова А. Е.

Актуальные вопросы защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности 165

Бучаева З. А.

Цифровые платформы как инфраструктура автоматизации договорных отношений в современном гражданском праве 167

Валиева А. Р.

Рекомендации по внесению изменений в законодательство РФ, регулирующее правовые нормы об административной ответственности за нарушение безопасности дорожного движения, и практика их применения 171

Васильева С. Н., Маташкова Ю. Ю.

Финансово-правовое регулирование цифровых активов и инновационных финансовых технологий 174

Волженцев Н. С.

Актуальные проблемы квалификации государственной измены и шпионажа 176

Волженцев Н. С.

Основания и условия проведения различных оперативно-розыскных мероприятий: общая характеристика и проблемные вопросы 178

Гурина Д. Е.

Особенности тактики допроса матери новорожденного ребенка 180

Драчук Р. В.

Карл Маркс и его концепция гражданского общества: теоретическое наследие 181

Егорова А. Г.

Правовое регулирование агентского договора в РФ 183

Егорова А. Г.

Проблемы правового регулирования агентского договора в российском правопорядке: квалификация и прекращение 186

Есин Н. М., Торба А. А.

Влияние технологического развития и цифровизации на административное право 187

Загалаева С. З.

Меры процессуальной ответственности за нарушения, допускаемые присяжными заседателями 190

Закураев М. А.	
Квалификация административных правонарушений в области защиты государственной границы РФ.....	192
Захаров Д. С.	
Теоретические аспекты договора аренды в гражданском праве РФ	194
Захаров Д. С.	
Правоприменительная практика договора аренды: проблемы и тенденции	196
Казанова С. А.	
Становление и развитие принципа презумпции невиновности	197
Канайкина Т. С.	
Социальное обеспечение как форма социальной защиты и обеспечения достойного существования граждан в Российской Федерации.....	202
Канайкина Т. С.	
Благотворительные организации как учреждения социальной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (на примере отделения Российского фонда милосердия и здоровья в Мордовии)	204
Кецба В. А.	
Вещно-правовые способы защиты прав в системе гражданско-правовых способов защиты права собственности	206
Кецба В. А.	
Практика применения гражданско-правовых способов защиты права собственности: актуальные вопросы	208
Кирильчук И. Д.	
Современные вызовы и недостатки правового регулирования административной ответственности в дорожном движении	210
Кирильчук И. Д.	
Профилактические меры в административном праве: анализ эффективности на примере дорожного движения.....	212
Клейменова В. А.	
Гарантии и проблемы сохранения адвокатской тайны	214
Козырев О. С.	
К вопросу о профилактических мерах прокурорского реагирования в сфере теплоснабжения	215
Колесниченко В. А.	
Реализация воинской обязанности в контексте конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации ...	218

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Конституционные гарантии самостоятельности и ответственности органов местного самоуправления

Абакаров Абакар Арсенович, студент магистратуры

Научный руководитель: Хижняк Вероника Сергеевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

Настоящая научная статья посвящена вопросу конституционных гарантий самостоятельности и ответственности органов местного самоуправления в Российской Федерации. Автором проводится анализ основных конституционных положений, закрепляющих местное самоуправление, как самостоятельную форму осуществления принадлежащей ему власти. Особое внимание уделяется содержанию организационной, финансово-экономической и функциональной самостоятельности муниципальных органов. По результатам исследования делаются последовательные выводы о том, что гарантированные местным органам управления гарантии обеспечивают эффективное осуществление поставленных перед ними задач.

Ключевые слова: местное самоуправление, органы местного самоуправления, конституционные гарантии, ответственность муниципальных органов, единая система публичной власти, вопросы местного значения.

Constitutional guarantees of independence and responsibility of local government bodies

Abakarov Abakar Arsenovich, master's student

Scientific advisor: Khizhnyak Veronika Sergeevna, doctor of law, professor
Saratov State Law Academy

This scientific article is devoted to the issue of constitutional guarantees for the independence and responsibility of local self-government bodies in the Russian Federation. The author analyzes the main constitutional provisions that establish local self-government as an independent form of exercising its authority. Special attention is paid to the content of the organizational, financial, economic, and functional independence of municipal bodies. Based on the results of the study, the author concludes that the guarantees provided to local government bodies ensure the effective implementation of their tasks.

Keywords: local self-government, local self-government bodies, constitutional guarantees, responsibility of municipal bodies, unified system of public authority, issues of local importance.

Конституция Российской Федерации 1993 года впервые в отечественной истории закрепила местное самоуправление в качестве самостоятельного уровня публичной власти, одновременно отделив его от системы органов государственной власти и возложив на него обязанность решать вопросы местного значения. В то же время, конституционные поправки 2020 года и последующая модернизация федерального законодательства ввели понятие «единой системы публичной власти», что вызвало ряд дискуссий о сохранении автономности муниципалитетов.

Первоначально следует отметить, что конституционные гарантии самостоятельности и ответственности

органов местного самоуправления создают необходимый баланс между автономией муниципальных образований и их подотчетностью в единой системе публичной власти. Самостоятельность органов МСУ выступает как конституционная ценность, позволяющая населению решать вопросы местного значения без вмешательства государства, в то время как ответственность гарантирует эффективность и законность муниципального управления.

Гарантии самостоятельности органов местного самоуправления, прежде всего, находятся отражение в ст. 12 Конституции РФ. Данная норма, сохраненная в неизменном виде после внесения поправок в Основной закон,

подчеркивает независимость муниципалитетов от органов государственной власти в решении вопросов местного значения. Разумеется, что предоставленная органам МСУ самостоятельность выступает не только правом, но и обязанностью действовать в интересах населения [1, С. 90].

Стоит отметить, что конституционные гарантии самостоятельности закреплены на нескольких уровнях. Во-первых, это организационная самостоятельность: население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления. Во-вторых, финансовая и имущественная самостоятельность: местное самоуправление обладает собственной муниципальной собственностью, местными бюджетами и правом устанавливать местные налоги и сборы. В-третьих, функциональная самостоятельность, которая выражается в праве самостоятельно решать вопросы местного значения и осуществлять отдельные государственные полномочия, переданные им федеральными законами и законами субъектов РФ.

Однако, самостоятельность неразрывно связана с ответственностью. Конституция прямо устанавливает, что органы местного самоуправления несут ответственность перед населением, государством и физическими и юридическими лицами. Ответственность перед населением реализуется посредством институтов прямой демократии (среди прочего, речь идет о местном референдуме, отзыве депутата и выборного должностного лица, собраниях и сходах граждан) и через выборность представительных органов [3, С. 30].

Ответственность перед государством возникает при осуществлении делегированных полномочий и выражается в возможности судебного контроля, прокурорского надзора и, в крайних случаях, временного осуществления отдельных полномочий органами государственной власти субъекта РФ. Кроме прочего, имущественная и гражданско-правовая ответственность наступает при причинении вреда действиями (бездействием) органов и должностных лиц местного самоуправления.

Стоит отметить, что несмотря на закрепление системы конституционных гарантий местного самоуправления, их практическая реализация сталкивается с целым рядом проблем, которые подрывают как самостоятельность муниципалитетов, так и эффективность механизмов ответственности. Они отличаются не столько правовым, сколько управлеченческим и финансовым характером.

Так, одной из центральных проблем является хроническая финансовая зависимость муниципалитетов от региональных и федеральных бюджетов, которая фактически нивелирует гарантии экономической самостоятельности. Большинство муниципальных образований не способны сформировать достаточный объём собственных доходов за счёт местных налогов и неналоговых поступлений. В юридическом сообществе неоднократно отмечалось, что на протяжении всего периода восстановления и развития местного самоуправления в постсоветской России одной из главных его проблем является финансовая не-

обеспеченность — очевидное несоответствие доходной базы местных бюджетов объемам их расходных обязательств [5].

По замечанию А. А. Шахова, совокупное влияние субъектов РФ на финансовую самостоятельность местного самоуправления усиливается в условиях относительной незначительности доступных муниципальным образованиям финансовых средств. В этом отношении оперирование ставками нормативов не просто оказывает воздействие на инвестиционное планирование местного самоуправления, но ставит вопрос о функциональности муниципального образования в части исполнения вопросов местного значения и иных обязательств в каждом отдельном случае [4, С. 151].

Подобное положение дел создает ситуацию, при которой муниципальные органы власти, формально обладая правом самостоятельно решать вопросы местного значения, на практике подстраивают свои решения под приоритеты региональных властей. Такая зависимость, безусловно, приводит к «размыванию» ответственности.

Ещё одной острой проблемой выступает слабость кадрового потенциала и профессионализма муниципальных служащих. В малых муниципальных образованиях, особенно в сельской местности, должности глав администраций и специалистов часто занимают лица без соответствующего образования и опыта. Это приводит к ошибкам в управлении, неэффективному расходованию средств и, как следствие, к росту нарушений, за которые муниципалитеты несут ответственность [2, С. 171].

Следующей весомой проблемой является формализация механизмов общественного участия и ответственности перед населением. Несмотря на наличие инструментов прямой демократии — местных референдумов, публичных слушаний, отчётов должностных лиц — их использование остаётся крайне низким. Население зачастую не информировано о своих правах, а муниципальные органы не заинтересованы в активизации гражданского контроля.

Кроме того, на практике субъекты Российской Федерации часто используют механизмы координации и контроля как инструмент подчинения муниципалитетов. Это проявляется в навязывании «рекомендаций» по кадровым назначениям, бюджетированию, приоритетам развития. В условиях финансовой зависимости муниципальные органы вынуждены следовать этим рекомендациям, что фактически превращает местное самоуправление в низовое звено региональной администрации.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что отечественная конституционная модель сочетает в себе гарантии самостоятельности органов местного самоуправления с развитыми механизмами ответственности и контроля. Баланс между этими началами достигается не столько через полную автономию, сколько через чёткое разграничение компетенции, судебный контроль и институты народовластия на местном уровне. Дальнейшее

развитие правового регулирования должно идти по пути реального наполнения финансово-экономической самостоятельности муниципалитетов, совершенствования ме-

ханизмов общественного контроля и недопущения произвольного вмешательства органов региональной власти в их деятельность.

Литература:

- Долматов И. А. Система юридических гарантий местного самоуправления в Российской Федерации // Молодой ученый. 2025. № 13 (564). С. 90–93.
- Масилова М. Г., Лобов В. Е. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления и пути их решения // Территория новых возможностей. 2019. № 4. С. 170–179.
- Николаев М. Ю. К вопросу о возможности реализации конституционного принципа самостоятельности местного самоуправления // Проблемы экономики и юридической практики. 2012. № 1. С. 29–32.
- Шахов А. А. Местное самоуправление в условиях современного российского федерализма: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 201 с.
- Проблемы финансового обеспечения расходных полномочий органов местного самоуправления и пути их решения // АкционПраво. URL: <https://www.law.ru/article/24228> (дата обращения 15.11.2025).

Проблемы трудоустройства и реализации права на образование для людей с сахарным диабетом в Российской Федерации

Амахин Даниил Валерьевич, студент;

Одинцова Ольга Валентиновна, преподаватель

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена анализу двух ключевых аспектов социальной интеграции людей с сахарным диабетом (СД) в России: обеспечения их прав в сфере труда и образования. На основе данных социологических опросов, судебной практики и статистики раскрываются системные барьеры, с которыми сталкиваются пациенты с СД и родители детей с этим заболеванием. Особое внимание уделяется правовым коллизиям и правоприменимым проблемам, ведущим к дискриминации и социальной эксклюзии. В заключении рассматривается потенциал применения норм Конвенции о правах инвалидов для совершенствования национального законодательства и правоприменимой практики.

Ключевые слова: сахарный диабет, дискриминация, трудоустройство, право на образование, инклюзия, дети-инвалиды, трудовые права, социальная адаптация, российское законодательство.

Problems of employment and the right to education for people with diabetes in Russian Federation

The article analyzes two key aspects of the social integration of people with diabetes mellitus (DM) in Russia: ensuring their rights in the fields of employment and education. Based on sociological survey data, court cases, and statistics, the article reveals the systemic barriers faced by patients with DM and parents of children with this condition. Special attention is given to legal conflicts and enforcement issues that lead to discrimination and social exclusion. The article concludes by exploring the potential of applying the Convention on the Rights of Persons with Disabilities to improve national legislation and enforcement practices.

Keywords: diabetes mellitus, discrimination, employment, right to education, inclusion, disabled children, labor rights, social adaptation, Russian legislation.

Введение

Социально-правовая защита людей с сахарным диабетом выходит далеко за рамки сугубо медицинского обеспечения. Успешность их интеграции в общество напрямую зависит от возможности реализовать фундаментальные права: получить профессию, трудиться без дис-

криминации, а для детей — доступное и качественное образование в условиях, учитывающих особенности здоровья. Несмотря на декларируемые государством гарантии, реализация этих прав в России сопряжена с комплексом проблем, имеющих как правовой, так и социально-психологический характер. Настоящая статья ставит целью выявить и проанализировать основные пре-

пятствия в сфере труда и образования для людей с СД, а также оценить соответствие сложившейся практики международным стандартам.

1. Дискриминационные барьеры на рынке труда.

Проблема трудоустройства для людей с сахарным диабетом остается одной из наиболее острых. Формально статья 3 Трудового кодекса РФ запрещает дискриминацию в сфере труда. [1]. Однако на практике работодатели зачастую руководствуются не положениями закона, а устоявшимися стереотипами относительно трудоспособности и надежности сотрудников с хроническими заболеваниями.

Результаты опроса, проведенного рекрутинговым порталом HeadHunter в 2024 году, красноречиво свидетельствуют о масштабах проблемы: каждый четвертый соискатель с СД сталкивался с отказом в трудоустройстве, напрямую связанным с его диагнозом [5]. Работодатели открыто заявляют о неготовности «брать на себя ответственность» за здоровье такого сотрудника, опасаясь возможных осложнений, необходимости предоставления дополнительных перерывов или больничных листов. Подобные действия представляют собой классический пример прямой дискриминации.

Проблема усугубляется сложностью процедуры доказывания факта дискриминации в суде. Как показывает судебная практика, работодатель практически всегда может найти формально легальное обоснование для отказа, не связанное с состоянием здоровья соискателя — недостаточный опыт, неполное соответствие квалификационным требованиям и т. д. [6]. Даже в тех случаях, когда суд становится на сторону истца, сама необходимость судебного разбирательства становится серьезным препятствием для большинства граждан.

Отдельным барьером является процедура обязательного медицинского осмотра. Медицинские работники, руководствуясь устаревшими или избыточно жесткими ведомственными рекомендациями, необоснованно ограничивают доступ людей с компенсированным диабетом к широкому кругу профессий, где заболевание не является объективным противопоказанием. Это приводит к тому, что уровень занятости среди людей с СД, по данным Федеральной службы по труду и занятости, остается значительно ниже среднего [7].

2. Реализация права на образование для детей с диабетом: между законом и реальностью.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» гарантирует создание специальных условий для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья. [2]. Для ребенка с диабетом эти условия не ограничиваются пандусами; они включают возможность своевременно и безопасно провести контроль уровня глюкозы, ввести инсулин, принять пищу в строго определенное время, а также получить неотложную помощь в случае гипогликемии.

Однако на деле администрации образовательных учреждений часто игнорируют эти потребности. Типичной является ситуация, описанная в исходном тексте: школа отказывает в создании специальных условий, ссылаясь на

отсутствие финансирования и кадров. Отказ выделить отдельное помещение для инъекций инсулина или обеспечить соблюдение режима питания — это прямое нарушение права ребенка на образование, гарантированного законом. Без этих условий посещение школы становится небезопасным, что вынуждает родителей переходить на домашнее обучение, ограничивая тем самым социальное развитие ребенка.

Ключевой проблемой является катастрофическая нехватка квалифицированного медицинского персонала в школах. По данным Министерства просвещения за 2023 год, лишь 30 % образовательных организаций имеют медработника, прошедшего специальную подготовку по помощи детям с диабетом. [8]. В остальных школах ответственность ложится на учителей или самого ребенка, что недопустимо с точки зрения безопасности.

Социально-психологический аспект проблемы не менее важен. Непонимание со стороны сверстников и педагогов, насмешки из-за необходимости измерять сахар или делать уколы — все это формы стигматизации и буллинга. Подобные случаи, как пример с ребенком из города N, который замкнулся и перестал ходить в школу, демонстрируют, что школа не выполняет свою воспитательную функцию. Отсутствие просветительских программ среди учеников и педагогов об особенностях хронических заболеваний ведет к социальной изоляции детей с диабетом, повышая риски развития у них тревожных и депрессивных расстройств [9].

3. Конвенция о правах инвалидов как вектор для развития национального законодательства.

Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция о правах инвалидов предлагает концептуальные подходы для решения описанных проблем. [3]. Ее ключевые принципы могут служить ориентиром для реформирования сложившейся в России практики.

Принципы Статьи 3 Конвенции — это уважение достоинства, недискриминация, полное и эффективное вовлечение в общество и равенство возможностей, что напрямую соотносится с выявленными барьерами в труде и образовании. Отказы в приеме на работу и нежелание школ создавать условия является игнорированием принципа полного вовлечения и равенства возможностей.

Статья 5 Конвенции провозглашает равенство перед законом и прямо запрещает любую дискриминацию по признаку инвалидности. Более того, она обязывает государства принимать все разумные меры для обеспечения разумного приспособления. В контексте труда для человека с СД это может означать гибкий график, перерывы для измерения сахара, наличие холодильника для инсулина. В школе — тот самый отдельный кабинет и соблюдение режима питания. Отсутствие в российском трудовом и образовательном законодательстве детализированного понятия «разумного приспособления» и механизма его реализации является существенным пробелом, не позволяющим эффективно применять принципы Конвенции на практике. В результате, вместо создания инклю-

зивной среды по умолчанию, люди вынуждены в каждом отдельном случае доказывать свою правоту через суд.

Статья 7 Конвенции требует, чтобы во всех действиях в отношении детей-инвалидов первоочередное внимание уделялось высшим интересам ребенка. Отказ в создании условий для обучения ребенка с диабетом, ставящий под угрозу его здоровье и безопасность, является прямым нарушением этой нормы. Высший интерес ребенка в данном случае — это получение образования в безопасной и поддерживающей среде.

Наконец, Статья 8 обязывает государства вести просветительскую работу для воспитания уважения к правам инвалидов и борьбы со стереотипами. Ситуации с буллингом и стигматизацией в школах ярко демонстрируют острую необходимость таких программ в России, направленных как на учеников, так и на педагогов и административный персонал.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что правовое регулирование в сфере труда и образования для людей

с сахарным диабетом в России нуждается в системной доработке. Существующих законодательных норм недостаточно для преодоления глубоко укоренившихся стереотипов и административных барьеров. Для создания инклюзивной среды необходимы следующие шаги:

1. Четкое законодательное закрепление понятия «разумного приспособления» в трудовой и образовательной сферах с детализацией механизма его реализации.

2. Реализация масштабных просветительских программ для работодателей и педагогического сообщества, направленных на преодоление стереотипов и разъяснение реальных возможностей людей с СД.

3. Обеспечение образовательных учреждений необходимыми ресурсами и кадрами для создания безопасных условий для детей с диабетом, что соответствует принципу высшего интереса ребенка.

Международные стандарты, закрепленные в Конвенции о правах инвалидов, предоставляют четкий ориентир для проведения этих реформ. [3]. Их последовательная имплементация в национальную практику будет способствовать не только защите прав людей с диабетом, но и созданию по-настоящему инклюзивного общества.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://lic8-krasnoyarsk-r04.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/32/50/Trudovoy_kodex_Rossiyskoy_Federatsii_ot_30_12_2001_N_197_FZ.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.11.2025).
3. Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13 декабря 2006 года) URL:https://ggimho.gosuslugi.ru/netcat_files/173/2804/Konvensiya_o_pravah_invalidov.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
4. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» URL: <https://cszn.admlr.lipetsk.ru/wp-content/uploads/sites/17/doc/dokuments/fz/zakoni/fz-181-29.10.2024-izm-01.03.2025.pdf> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Исследование HeadHunter: Трудоустройство людей с хроническими заболеваниями в России 2024. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/09/2025/68d161559a7947cc4670b9e6> (дата обращения: 15.11.2025).
6. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с реализацией прав граждан с инвалидностью. Верховный Суд РФ 2023 URL: https://www.kadroviapraktik.ru/MatKadr/PismaRostruda/obzor_sudebnaya_praktiki_rassmotreniya_sudami_del_po_sporam_svyazannym_trudovymi_otnosheniymi_3_2023/ (дата обращения 15.11.2025).
7. Занятость и безработица в Российской Федерации в 2024 году: Росстат URL: http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Rab_sila_2024.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
8. Отчет о реализации государственной программы «Доступная среда» за 2023 год Минпросвещения России URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2579> (дата обращения: 15.11.2025).
9. Петрова Е. А., Смирнов В. И. Психологическое состояние и качество жизни детей с сахарным диабетом 1 типа Педиатрия. Consilium Medicum. — 2023. — № 2. — С. 112–118. (дата обращения: 15.11.2025).

Правовой режим ограничений и обязанностей для лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации

Аношкина Ирина Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Князева Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

Статья анализирует правовой режим ограничений и обязанностей лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ. Основной целью исследования является выявление проблем, вызванных разрозненным законодательным регулированием. В результате обоснована необходимость консолидации норм в единый закон, что и составляет научную новизну работы.

Ключевые слова: государство, служба, законодательство, субъект, ограничения, обязанности.

Эффективное функционирование и репутация публичной власти в субъектах Российской Федерации находятся в непосредственной зависимости от уровня правовой регламентации деятельности лиц, ее осуществляющих. Особое место в данной системе занимают лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации, чья деятельность оказывает непосредственное влияние на социально-экономическое развитие регионов и реализацию прав граждан. В целях обеспечения добросовестности, предотвращения коррупции и конфликта интересов, для указанной категории лиц законодателем установлен специальный правовой режим, выражющийся в системе юридических ограничений и обязанностей.

Однако формирование данной системы носило эволюционный и фрагментарный характер, что привело к её рассредоточению по множеству нормативных правовых актов. На современном этапе российского законодательства ключевые предписания содержатся не только в профильном федеральном законодательстве о противодействии коррупции, но и в таких нормативных актах, как: «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Подобная дисперсность создает затруднения как для правоприменителя, так и для самих должностных лиц, порождая риски правовой неопределенности, коллизий и снижения эффективности установленных запретов.

Указанные проблемные аспекты правового регулирования обуславливают актуальность настоящего исследования, в рамках которого проводится анализ всей совокупности норм, формирующих рассматриваемый правовой режим.

Запреты для лиц, замещающие государственные должности Российской Федерации, лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации (далее — лица, замещающие госдолжности), муниципальные должности и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, если федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлено иное, перечислены в пункте 3 статьи 12.1

Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1, с. 26].

Об этом также говорится в пункте 3 статьи 5 Федерального закона № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — № 414-ФЗ) на лица, замещающие госдолжности, распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, федеральными законами [4, с. 8].

Однако данная статья содержит неполный перечень запретов для лиц, замещающих госдолжности. Законодатель выделил в отдельную статью 5 № 414-ФЗ норму о том, что лицом, замещающим госдолжность, может быть гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства [4, с. 8].

Кроме того, Федеральный закон № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» установил норму, в соответствии с которой, глава муниципального образования одновременно замещает государственную должность субъекта Российской Федерации и муниципальную должность [3, с. 21].

Приводя в сравнение ограничения и запреты для замещения должности государственной гражданской службы, согласно статье 16 Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случае осуждения его к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости [2, с. 17–19].

Наряду с этим, для лица, замещающего госдолжность субъекта РФ, законодательство РФ такой нормы не предусматривает, что вызывает вопросы к целесообразности

введения такой нормы наравне с требованиями к государственным гражданским служащим.

По мнению автора, ключевое различие между государственными гражданскими служащими и лицами, замещающими госдолжности субъекта РФ, в контексте их влияния и власти заключается в характере их полномочий и уровне важности принимаемых решений.

В силу того, что государственные гражданские служащие осуществляют служебную деятельность, направленную на реализацию функций государственных органов власти. Основное отличие заключается в том, что гражданский служащий действует в строго установленных должностным регламентом рамках, исполняет поручения непосредственного руководителя (представителя нанимателя) и обеспечивает функционирование органа власти. Их функциональность носит, как правило, процедурный, надзорный и обеспечительный характер. Служащие занимаются подготовкой, экспертизой и организацией выполнения уже принятых властных и административных решений. Они несут ответственность за процесс, а не за конечный результат решения, принимаемого руководителем.

В отличие от гражданских служащих, лица, замещающие госдолжности, наделены правом принимать окончательные политические и стратегические решения, обязательные для исполнения на всей территории субъекта РФ. Власть лиц, замещающих госдолжности субъекта, носит

распорядительный и нормотворческий характер, именно они определяют направления развития субъекта, занимаются утверждением бюджетных средств, изданием нормативных правовых актов, а также несут персональную ответственность за результаты деятельности вверенного им субъекта власти.

Таким образом, полномочия государственных гражданских служащих являются производной от власти лиц, замещающих госдолжности субъекта, и реализуется в рамках делегированных им административных функций.

По мнению автора, именно это различие в масштабе и характере власти обуславливает необходимость издания отдельного нормативно-правового акта, регулирующего правовой статус, ограничения и обязанности для лиц, замещающих госдолжности субъектов Российской Федерации.

Такие меры позволили бы точно определить правовой статус, установить для лиц, замещающих госдолжности субъекта, более строгий и детализированный правовой режим ограничений и обязанностей, включающий в себя, в том числе, требование к отсутствию судимости у лица, замещающего (претендующего на замещение) госдолжности субъекта. Данное требование позволило бы минимизировать риски и создать единые требования к замещению госдолжности субъекта РФ.

Литература:

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ», 29.12.2008, N 52 (ч. 1), ст. 6228;
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // «Российская газета», N 162, 31.07.2004;
3. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // «Российская газета», № 65–66, 26.03.2025;
4. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) «Парламентская газета», № 48сс, 28.12.2021.

Правовое регулирование государственной службы: проблемные аспекты и направления модернизации

Афанасьев Николай Игоревич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Актуальность настоящей статьи обусловлена непрекращающимся реформированием института государственной службы в Российской Федерации и необходимостью повышения эффективности его деятельности. В статье анализируются ключевые проблемы правового регулирования государственной службы, такие как несовершенство законодательного определения, ограниченность возможностей материального стимулирования и недостаточность механизмов защиты прав госслужащих. Особое внимание уделяется проблеме низкой мотивации и снижения престижа государственной службы. Предлагаются пути решения, включающие внедрение оптимальных мотивационных практик, улучшение взаимоотношений между служащими и руководством, усиление борьбы с коррупцией и повышение профессионализма служащих.

Ключевые слова: государственная служба, правовое регулирование, реформирование, мотивация, стимулирование, государственные служащие, проблемы государственной службы, эффективность, профессионализм, коррупция, доверие граждан, культура чиновника.

Legal regulation of public service: problematic aspects and directions of modernization

Afanasyev Nikolai Igorevich, student
Moscow University of Finance and Law

The relevance of this article is due to the ongoing reform of the civil service institution in the Russian Federation and the need to improve its efficiency. The article analyzes the key issues of legal regulation of the civil service, such as the imperfections in the legislative definition, the limited opportunities for material incentives, and the insufficient mechanisms for protecting the rights of civil servants. Special attention is given to the problem of low motivation and declining prestige of the civil service. The article proposes solutions, including the implementation of optimal motivational practices, improving the relationship between employees and management, strengthening the fight against corruption, and enhancing the professionalism of civil servants.

Keywords: public service, legal regulation, reform, motivation, incentives, civil servants, problems of public service, efficiency, professionalism, corruption, public trust, and bureaucratic culture.

В контексте реорганизации института государственной службы в Российской Федерации и насущной потребности в оптимизации его функциональности, особую актуальность приобретает научное исследование проблем правового регулирования указанной сферы.

Несмотря на значительное количество научных работ, посвященных данному вопросу, продолжают существовать неразрешенные противоречия, требующие дальнейшего урегулирования и чёткой регламентации. В частности, несовершенство законодательного определения государственной службы, ограничения в применении материального стимулирования для государственных служащих и недостаточно развитые механизмы защиты их прав и интересов препятствуют формированию высокопрофессионального и мотивированного кадрового состава, способного эффективно решать задачи, стоящие перед государством и обществом. В связи с этим, целью данной статьи является анализ ключевых проблем правового регулирования государственной службы в Российской Федерации и выработка предложений по их решению.

Государственная служба является ключевым институтом современного государства, обеспечивающим реализацию его функций и задач. Эффективность государственной службы напрямую влияет на качество жизни граждан, развитие экономики и укрепление национальной безопасности.

Правовое регулирование государственной службы, в свою очередь, выступает важнейшим фактором, определяющим ее структуру, принципы организации и порядок функционирования.

Несмотря на значительные усилия, направленные на совершенствование правовой базы регламентирующей вопросы института государственной службы, предпринятые в последние годы, сохраняется ряд проблем, пре-

пятствующих его эффективному практическому функционированию [1, с. 126].

В условиях продолжающейся реформы госслужбы в Российской Федерации актуальным остается поиск путей совершенствования самого института, улучшения работы органов управления и повышения мотивации сотрудников, с целью повышения эффективности их деятельности.

Проблемными аспектами правового регулирования государственной службы на сегодняшний день, являются:

1. Недостаточная четкость и неоднозначность правовых норм. Действующее законодательство о государственной службе содержит ряд положений, которые допускают возможность их различного толкования, что создает предпосылки для возникновения коррупционных рисков, злоупотребления должностными полномочиями и снижает правовую определенность в деятельности государственных служащих.

2. Чрезмерная детализация и формализация процедур. Законодательство о государственной службе содержит множество процедурных норм, которые регулируют различные аспекты деятельности государственных служащих. Однако, избыточная детализация и формализация процедур приводят к бюрократизации, снижению оперативности принятия решений и увеличению административной нагрузки на государственных служащих.

3. Проблемы отбора и продвижения кадров. Существующая система отбора и продвижения кадров на государственной службе не всегда обеспечивает приток квалифицированных и мотивированных специалистов. Сохраняется практика назначения на должности по проtekции, что негативно сказывается на профессионализме и компетентности государственных служащих.

4. Слабая связь между результатами деятельности и системой оплаты труда. Система оплаты труда государственных служащих не стимулирует повышение эффек-

тивности и результативности их деятельности. Уровень оплаты труда не всегда соответствует уровню квалификации и ответственности государственных служащих, что приводит к демотивации и оттоку квалифицированных кадров. Премирование утратило стимулирующую функцию и превратилась в ожидаемую надбавку к зарплатной плате.

5. Недостаточная ответственность за неисполнение должностных обязанностей. Действующая система привлечения к ответственности государственных служащих за неисполнение должностных обязанностей является недостаточно эффективной. Привлечение к ответственности нередко носит длительный и формальный характер, а в отношении высокопоставленных должностных лиц привлечение к ответственности зачастую является формально невозможным.

6. Недостаточное внедрение информационных технологий в кадровое управление. Внедрение информационных технологий в кадровое управление на государственной службе происходит медленными темпами. Отсутствие единой информационной системы кадрового учета, электронного документооборота и автоматизированных систем оценки персонала затрудняет управление кадрами и снижает эффективность работы кадровых служб.

Исходя из проведенного анализа, можно выделить следующие направления модернизации правового регулирования государственной службы:

1. Совершенствование законодательной базы.

- Необходимо провести анализ действующего законодательства о государственной службе и устраниТЬ неоднозначность правовых норм [2, с.230].

- Следует сократить количество процедурных норм, регулирующих деятельность государственных служащих, и предоставить им больше самостоятельности в принятии решений.

- Необходимо разработать и принять единый кодекс этики и служебного поведения государственных служащих, который закрепит основные принципы и нравственные нормы, которыми должны руководствоваться государственные служащие в своей профессиональной деятельности.

2. Оптимизация процедур отбора и продвижения кадров.

- Необходимо разработать и внедрить систему оценки профессиональных качеств и компетенций кандидатов на должности государственной службы, основанную на объективных критериях.

- Следует расширить практику проведения открытых конкурсов на замещение вакантных должностей государственной службы с привлечением независимых экспертов.

- Необходимо создать систему подготовки и переподготовки кадров для государственной службы, ориентированную на формирование профессиональных компетенций и развитие лидерских качеств.

3. Совершенствование системы оплаты труда и стимулирования.

- Необходимо установить прямую зависимость между уровнем оплаты труда и результатами деятельности государственных служащих.

- Следует внедрить систему премирования, основанную на достижении конкретных показателей эффективности и результативности.

- Необходимо создать систему нематериального стимулирования, включающую различные формы поощрения и признания заслуг государственных служащих, например, формирование рейтинга государственных служащих, «доски почета» и др.).

4. Усиление ответственности за неисполнение должностных обязанностей.

- Необходимо ужесточить меры ответственности за коррупционные правонарушения и злоупотребления должностными полномочиями.

- Следует обеспечить неотвратимость наказания за неисполнение должностных обязанностей, независимо от занимаемой должности.

- Необходимо создать систему общественного контроля за деятельностью государственных служащих.

5. Внедрение информационных технологий в кадровое управление.

- Необходимо создать единую информационную систему кадрового учета, электронного документооборота и автоматизированных систем оценки деятельности персонала.

- Следует внедрить электронные сервисы для взаимодействия граждан и организаций с государственными органами.

- Необходимо обеспечить доступность информации о деятельности государственных органов и государственных служащих для всех граждан (в том числе, не защищенных слоев населения) и организаций.

Таким образом, несмотря на непрерывные реформы, в институте государственной службы остается ряд нерешенных вопросов. Дальнейший успех и развитие государственной службы во многом зависят от осознания существующих проблем, формулирования стратегических целей и тактических задач, а также требуют применения релевантных подходов. Формирование культуры чиновника будущего с определенными ценностями является определяющим фактором для поддержания статуса сильнейшего государства и успешного гражданского общества.

Модернизация правового регулирования государственной службы является необходимым условием повышения эффективности и результативности деятельности государственных органов и улучшения качества жизни граждан нашей страны. Предложенные в статье направления модернизации требуют комплексного подхода и последовательной реализации. Однако, их успешная реализация позволит создать современный, профессиональный и эффективный и высоко мотивированный институт государственной службы, способный решать сложные задачи, стоящие перед государством и обществом.

Литература:

1. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление». — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М.: Омега-Л, 2016.

Уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений

Бабаев Асиф Фаигович, студент
Московский университет «Синергия»

Транспорт есть важнейшая составная часть инфраструктуры российской экономики, от уровня его развития и работы в значительной мере зависит успешное осуществление экономической стратегии государства. Серьезный вред нормальной деятельности транспорта причиняют транспортные преступления.

Тема уголовная ответственность за совершение автотранспортных преступлений является актуальной, в связи с тем, что увеличилось количество транспорта у граждан, которые являются участниками дорожного движения. Также возросла интенсивность дорожного движения.

Ежегодно в России участниками дорожного движения совершается в среднем около 50 тыс. дорожно-транспортных преступлений. В целом же на автодорогах, улицах городов и населенных пунктов России в год совершается около 160 тыс. дорожно-транспортных правонарушений, гибнут около 30 тыс. человек и около 180 тыс. получают ранения. По уровню аварийности (с учетом тяжести последствий) наша страна вышла на первое место в мире. Тяжесть дорожно-транспортных происшествий в России в несколько раз выше, чем в США, Великобритании, Италии, Франции, Германии, Японии.

Основной целью, поставленной мной при написании данной статьи, является рассмотреть объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ.

Объект автотранспортных преступлений — безопасная работа транспорта в сфере его движения. Установление признаков объективной стороны при расследовании автотранспортных преступлений представляет определенную сложность. Связана она, прежде всего с тем, что диспозиция ст. 264 УК РФ носит бланкетный характер, отсылая, как это вытекает из самой нормы, к правилам дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Действие, как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, обладая всеми признаками общего понятия деяния, имеет отличительные признаки.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, предполагает, прежде всего, нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем, либо

другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ предполагает, прежде всего, нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем, либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Под субъектом любого преступления понимается физическое лицо, которое совершило общественно опасное действие. Правильное установление субъективной стороны имеет важное значение для определения объективной стороны преступления. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что преступным действием (бездействием) признается лишь такое поведение лица, которое находилось под контролем его воли и сознания. Субъективная сторона преступления характеризуется неосторожной виной в виде легкомыслия или небрежности.

Действующее законодательство предусматривает ряд мер государственного принуждения, которые могут применяться одновременно в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные статьями 264.1, 264.2, 264.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Такая необходимость вызвана существенным количеством случаев грубого нарушения Правил дорожного движения.

Помимо уголовного наказания, предусмотренного непосредственно санкцией статьи УК РФ, судом также на основании п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ применяется иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества (принудительного безвозмездного изъятия и обращения в собственность государства) в тех случаях, когда транспортное средство, принадлежащее обвиняемому, использовалось им при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ.

Норма об обязательной конфискации транспортного средства введена в действие с 14.07.2022 и с тех пор активно применяется всеми судами на территории страны. Конфискация транспортных средств — это эффективное средство в борьбе органов правопорядка со злостными нарушителями Правил дорожного движения.

Статьи 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ предусматривают уголовную ответственность следующих категорий лиц:

1) управлявших транспортным средством в состоянии опьянения, ранее подвергнутых административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, либо имеющих судимость за совершение аналогичного деяния (ст. 264.1 УК РФ);

2) нарушивших правила дорожного движения, предусмотренные ч. ч. 4, 5, ст. 12.9 либо ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ, и ранее подвергнутых административному наказанию и лишенных права управления транспортным средством за аналогичные правонарушения, либо имеющих судимость за совершение аналогичного деяния (ст. 264.2 УК РФ);

3) управлявших транспортным средством, лишенных права управления транспортным средством и подвергнутых административному наказанию или имеющих судимость за аналогичное действие (ст. 264.3 УК РФ).

Отметим, что в соответствии с действующим законодательством транспортные средства представляют собой устройства, предназначенные для перевозки физических лиц, грузов, багажа, ручной клади, личных вещей, животных или оборудования. Как правило, большинство конфискуемых транспортных средств — автомобильный транспорт.

Для применения нормы о конфискации транспортного средства при постановлении итогового судебного решения по уголовному делу необходимо наличие совокупности двух обстоятельств: его принадлежность обвиняемому и использование этого транспортного средства при совершении преступления. По смыслу закона при решении вопроса о конфискации не принимаются во внимание условия жизни и материальное положение обвиняемого.

В соответствии с требованиями действующего закона, принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супружеского.

Имеют место случаи злоупотребления со стороны обвиняемого и иных лиц, оказывающих им содействие. Как правило, такие действия выражаются в совершении лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, мнимых сделок с принадлежащим ему имуществом с целью воспрепятствования его конфискации. Нередко представляются документы, подтверждающие переход права собственности на транспортное средство к другому лицу (договор купли-продажи, дарения транспортного средства), что, однако, не препятствует обращению в доход государства транспортного средства в случае наличия доказательств его фактической принадлежности обвиняемому.

Если представленные обвиняемым сведения об отчуждении транспортного средства, использованного при совершении преступления, опровергаются исследованными

материалами дела (протоколами осмотра и выемки транспортного средства по месту его хранения обвиняемым и другие) и судом будет установлено, что транспортное средство продолжает принадлежать обвиняемому, оно также подлежит конфискации.

Принятые судом в иных видах судопроизводства в отношении транспортного средства, подлежащего конфискации по уголовному делу, обеспечительные меры (например, наложение ареста на имущество должника по гражданскому делу), как и наличие обременения (например, в виде залога), не относятся к числу причин, исключающих конфискацию данного предмета.

Наложение в ходе досудебного производства по делу ареста на имущество для обеспечения гражданского иска или исполнения наказания в виде штрафа, а не в целях обеспечения возможной его конфискации, не препятствует суду при наличии оснований, предусмотренных законом, вынести решение о конфискации такого имущества, в том числе транспортного средства.

В случае, если конфискация автомобиля невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине, то суд выносит решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного транспортного средства. В случае отсутствия либо недостаточности денежных средств, подлежащих конфискации взамен автомобиля, суд выносит решение о конфискации иного имущества, стоимость которого соответствует стоимости предмета, подлежащего конфискации, либо составляет со стоимостью этого предмета.

Таким образом, в настоящее время действующее законодательство, а также сформировавшаяся правоприменительная практика предусматривают разработанный механизм конфискации транспортного средства лица, виновного в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ, как меры уголовно-правового характера, направленной на ужесточение ответственности лиц, допустивших грубые нарушения Правил дорожного движения.

По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, конфискация транспортных средств — это мера, соразмерная общественной опасности деяния, совершенного в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения, которая носит объективно обоснованный характер. Ее применение в первую очередь направлено на обеспечение общественной безопасности и предупреждение новых преступлений.

Возможно, что ужесточение уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств является необходимой мерой в наше время. Например, в статье 264 УК РФ ч. 4 и ч. 6 переквалифицировать преступления водителей, совершивших ДТП в состоянии алкогольного опьянения, с преступлений средней тяжести на тяжкие преступления, ужесточить наказание относительно ныне используемых норм права. Это будет способствовать повышению степени ответственности водителей транспортных средств.

Литература:

1. Кудрявцев, В. Н. Причины правонарушений / В. Н. Кудрявцев. — М.: Наука, 1976. С.284.
2. Никитас, Д. А. Особенности личности виновного участника дорожно- транспортного преступления / Д. А. Никитас // Российский следователь. 2006. № 8 С. 35.
3. Федорченко М. В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой криминологический аспекты. Н. Новгород, 2004. С.251.
4. Михалева Т. И., Пахомова О. Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за преступное управление транспортным средством // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 4 (42).
5. Хорьков В. Н. Возможности и перспективы использования криминалистики в административном процессе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016.
6. Зворыгина С. А. Уголовно-правовая характеристика специального субъекта транспортного преступления: автореф. канд. юрид. наук. Екатеринбург.

Основные направления совершенствования проблем правового регулирования распределения бюджетных средств в рамках программы обязательного медицинского страхования

Баранова Марианна Дмитриевна, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Регулирование обязательного медицинского страхования (далее ОМС) в Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федерального закона от 16 июля 1999 года № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», других федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации. С годами сложившая судебная практика в области ОМС не формирует устойчивую позицию при решении споров в рамках финансирования медицинских организаций, а вносит новые прецеденты по урегулирования данного вопроса. В настоящее время остается спорным вопрос об оплате медицинской помощи, которая была оказана сверх установленного объема. Для анализа данной проблематики важно понимать права, обязанности и взаимодействие всех участников процесса, в том числе фонда обязательного медицинского страхования, территориального фонда обязательного медицинского страхования, страховых компаний, медицинской организации и пациентов. Важной задачей на данном этапе развития правовой области в сфере ОМС является создание прозрачной и эффективной системы финансирования, которая будет удовлетворять всех участников процесса, как в социальном аспекте, так и в финансовом. Также стоит отметить, что для полноценного анализа данной проблемы нужно обратить внимание не только на способы регулирования дополнительного финансирования медицинских организаций, а также и на способы финансирования федерального фонда ОМС.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, сверх выделенные объемы, федеральный фонд, медицинская организация, федеральный закон.

Одной из проблем, которая в наибольшей степени отражается на медицинских организациях, является регулирование финансирования сверх выделенных объемов. Несмотря на регулирование процессов обязательного медицинского страхования на разном уровне законодательства, можно сказать, что на данный момент отсутствует единый подход к проблеме сверхнормативного объема как на законодательном уровне, так и в судебной практике. Несмотря на актуальность данной проблемы для стейкхолдеров системы ОМС, вопрос оплаты услуг сверх распределенного объема остается нерешенным, и это становится дополнительной финансовой нагрузкой на Федеральный фонд ОМС, а также на медицинские ор-

ганизации, оказавшие данные услуги. Этот вопрос напрямую влечет за собой пересмотр доходной части ОМС, а также затрагивает проблему эффективного использования целевых средств медицинскими организациями. [6]

Сверх выделенные объемы в системе обязательного медицинского страхования — это медицинская помощь, фактически оказанная пациентам медицинской организацией, которая превышает установленные Территориальным фондом ОМС нормативы или лимиты финансирования. [7]. Это означает, что медицинская организация, участвующая в программе обязательного медицинского страхования в соответствии с Федеральным законом РФ № 323-ФЗ от 21.11.2011 «Об основах охраны здоровья гра-

ждан в РФ» статьей № 11, не вправе отказывать гражданам в бесплатной медицинской помощи или требовать за нее оплату, скорая помощь должна оказываться помощь любому гражданину бесплатно в момент обращения. Нарушение данных положений влечет ответственность медицинских работников по действующему законодательству Российской Федерации. Однако дополнительное финансирование оказанных услуг не предусмотрено.

В 2018 Верховным Судом Российской Федерации было сформулировано решение о том, что стоимость дополнительной медпомощи взыскивается со страховщиков. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций встали на сторону страховщика, и лишь ВС РФ (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18.10.2018 № 308-ЭС18-8218 по делу № А15-6379/2016) удовлетворил исковые требования санатория в полном объеме, отменив все предыдущие решения. Однако с 2021 года данное определение перестало быть актуальным, и многие суды начали не удовлетворять иски медицинских организаций, что еще раз подчёркивает недропрозрачность и неоднозначность законодательной системы в данном вопросе. Важно понять особенности и аргументы всех сторон данного процесса. Основополагающей судебной практикой для дальнейшего развития данного вопроса стало судебное решение, которое было вынесено в Верховном Суде РФ 11 ноября 2021 г. № 308-ЭС21-5947 по делу № А32-20379/2020 об отказе во взыскании в пользу медицинской организации стоимости фактически оказанных медицинских услуг, но осуществленных с превышением выделенного объема медицинской организации в рамках Территориальной программы госгарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Данный спор прошел все инстанции, и каждый раз по нему выносилось новое решение. Первая инстанция удовлетворила иск медицинской организации, в свою очередь апелляция это решение отменила, но кассация снова встала на сторону медицинского учреждения. Окончательным этапом было решение ВС РФ, который принял решение не в пользу медицинского учреждения, то есть ему так и не удалось взыскать со страховой компании 1,7 млн рублей за амбулаторную медпомощь.

При вынесении отказа были приведены следующие доводы: медицинская организация, как уже отмечалось, не имеет права отказывать застрахованным лицам в оказании медицинской помощи. При этом предоставление такой помощи не должно зависеть от установленного объема финансирования и не корректироваться в зависимости от его превышения. Важно также подчеркнуть роль и взаимодействие ТФОМС и страховых медицинских организаций в системе ОМС. [2]

Деятельность страховых компаний должна быть обеспечена ТФОМС согласно расчету за фактически оказанную медицинскую помощь. Кроме того, из федерального закона № 326-ФЗ не следует, что оказание медпомощи сверх установленного договором объема освобождает страховщика от ее оплаты. Можно сделать вывод о том,

что все эти аргументы приводят к тому, что сверхобъем должен компенсироваться медицинским организациям, однако ВС РФ поддержал отказ в иске.

Данное решение закрепило позицию в суде о том, что учреждениям в большинстве случаев не обеспечивают затраты на сверхплановые объемы, несмотря на это при аналитике судебных дел нельзя сложить однозначную позицию по данному вопросу [3]. Очень важно в этом случае закрепить ту или иную позицию на законодательном уровне, так как от принятого решения зависит дальнейшая работа всех участников процесса ОМС, а также непосредственно влияет на граждан Российской Федерации.

В системе ОМС предусмотрены различные механизмы для пересмотра и корректировки выделенных объемов финансирования, что позволяет более гибко реагировать на реальные потребности медицинских организаций.

Первым из таких механизмов является возможность обжалования объемов в судебном порядке. Медицинская организация может оспорить выделенные ей ресурсы. Однако этот путь зачастую не является эффективным из-за длительного процесса судебных разбирательств, что существенно затрудняет получение своевременного дополнительного финансирования. В результате такой механизм не всегда используется для оперативного регулирования выделенных объемов.

Второй механизм заключается в решение вопроса о пересмотре выделенных объемов непосредственно с уполномоченными органами, таким как комиссия по распределению объемов. В таких запросах необходимо обосновать фактическую потребность в определенных объемах финансирования, предоставляя соответствующие данные. Этот подход позволяет оперативно реагировать на изменения и корректировать распределение без необходимости обращения в суд, что способствует более гибкому управлению ресурсами.

Третий механизм предполагает, что территориальная комиссия, работая по итогам каждого квартала, может проводить пересмотр и перераспределение выделенных объемов. При этом учитываются текущие потребности медицинских учреждений, динамика заболеваемости, изменения в демографической ситуации и другие важные факторы. Такой подход обеспечивает возможность своевременного корректирования финансирования в рамках уже существующих нормативов и процедур, что способствует более точному соответствию выделяемых средств реальной ситуации.

Однако этот механизм не решает глобальную проблему, так как перераспределение происходит лишь между существующими организациями и не увеличивает общий ресурс. То есть сверхвыделенные объемы одной медицинской организации ограничивают возможности финансирования другой. Бюджет системы обязательного медицинского страхования лимитирован, и одна из главных задач ТФОМС — рационально возместить затраты данным организациям для выполнения обязательств перед сотрудниками.

никами и контрагентами. При данных обстоятельствах проблему финансирования дополнительных объемов можно решить двумя способами, далее рассмотрим их более подробно.

Одним из основных направлений является усовершенствование контроля по использованию медицинскими учреждениями бюджетных средств на обязательное медицинское страхование. Для этого необходимо ввести дополнительную статистику по целевому расходованию бюджетных средств, а также внедрить информационные технологии, в том числе искусственный интеллект, который мог бы обрабатывать данные всех медицинских учреждений-участников системы ОМС. Это помогло бы сократить случаи нецелевого использования бюджетных средств, так как представители ТФОМС также заявляют о том, что данные организации зачастую манипулируют статистикой для привлечения дополнительных объемов. Экономические и медицинские данные должны стать более доступными для анализа и мониторинга, что позволит органам власти не только оптимизировать распределение ресурсов, но и лучше спланировать потребности в медицине. Современные технологии, такие как системы «открытых данных», могут способствовать повышению прозрачности использования бюджетных средств и ответственности исполнителей, что, в конечном итоге, должно улучшить качество медицинского обслуживания.

Также необходимо разработать выраженную позицию государства через законодательные акты для более точного регулирования конфликта при проведении и не оплаты сверх выделенных объемов.

Счетная палата неоднократно высказывала мнение о том, что распределение объемов медицинским учреждением, участвующим в программе ОМС не имеют единого подхода из-за чего система становится непрозрачна и противоречива. При этом не всегда учитываются внешние факторы, например, заболеваемость, а финансирование складываются в зависимости от устоявшейся практики.

Как говорилось ранее, важным фактором является также формирование ФФОМС. Нехватка финансирования основного фонда является драйвером для конфликта по обеспечению сверх объемов. Это также подтверждает тот факт, что имеются неоплаченные сверх объемы медицинской помощи, которые в зависимости от региона фиксируются на уровне 13–18 %. Об этом также свидетельствует то, что бюджет ФОМС с 2024–2026 гг. сформирован с дефицитом.

Выявленные индикаторы свидетельствуют о системных недостатках финансирования территориальных программ ОМС и о неэффективности процесса планирования и исполнения установленных объемов медицинской помощи. Недостаточное финансирование в комплексе с некорректным прогнозированием потребностей и нечеткими механизмами распределения средств приводит к тому, что учреждения здравоохранения испытывают хроническую нехватку свободных средств. В результате сокращаются возможности для своевременного

обеспечения операционных расходов, что негативно сказывается на доступности и качестве медицинской помощи, повышает финансовую уязвимость медицинских организаций.

В настоящее время неоднократно поднимается вопрос о пересмотре системы ОМС в Российской Федерации, одной из дискуссионных тем является финансирования медицинской помощи для лиц, не имеющих официального дохода. Обсуждалось введение фиксированных страховых взносов в систему ОМС и НДФЛ для определённой категории неработающего населения, которые являются обеспеченными гражданами. Экономисты утверждают, что данные граждане регулярно получают теневой доход и пользуются социальными благами, при этом не перечисляют средства в бюджет. Даный вопрос является дискуссионным и имеет как положительные, так и отрицательные окраски. Основополагающим в этой идеи можно выделить принцип социальной справедливости, которые подразумевает то, что все пользователи государственной услуги должны участвовать в их финансирование. Особенно остро этот вопрос стоит в условиях дефицита трудовых ресурсов и роста нагрузки на бюджеты регионов.

Согласно данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования, на начало 2024 года число неработающих граждан, застрахованных по ОМС, составляло почти 80 миллионов человек. В прошлом году только на обеспечение этих граждан медицинскими услугами из региональных бюджетов было направлено более 1 триллиона рублей. Также стоит отметить, что эта сумма ежегодно растёт, что создаёт дополнительную финансовую нагрузку на субъекты РФ.

В заключении стоит отметить, что необходимости реформирования правового регулирования в области обязательного медицинского страхования создают возможности для научных и практических исследований, которые направлены на разработку рекомендаций по оптимизации распределения бюджета и повышению качества медицинского обслуживания населения. Это, в свою очередь, будет способствовать более сбалансированному и устойчивому развитию системы здравоохранения. К сожалению, исследование судебной практики не позволяет сформулировать однозначные выводы относительно направления развития функционирования медицинских организаций в системе ОМС. Несмотря на длительное существование нормативно правовой конструкции, предусматривающей возможность пересмотра объемов медицинской помощи, она существенно далека от той правовой и организационной модели, которая могла бы эффективно обеспечить системное развитие отрасли. В действующей форме механизм пересмотра не обеспечивает оперативного и гибкого корректирования объемов услуг в рамках ОМС без введения дополнительных условий и оговорок, что ограничивает его практическую функцию.

Не менее существенна необходимость сосредоточить внимание на текущем механизме финансирования за

счет средств Федерального фонда обязательного медицинского страхования. Требуется системный анализ параметров финансирования с акцентом на повышение эффективности и прозрачности распределения средств. Это позволит минимизировать риски возникновения и закрепления неблагоприятных тенденций, действующих на доступность и качество медицинской помощи, а также

повысит доверие со стороны пациентов и других стейххолдеров системы здравоохранения. Для достижения указанных целей целесообразно рассмотреть комплекс изменений, включая уточнение правового статуса механизмов пересмотра объемов, разработку оперативных процедур их реализации и внедрение прозрачных критериев оценки эффективности расходования средств.

Литература:

1. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс — [Электронный ресурс] –URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
2. Федеральный закон «Об основах обязательного социального страхования» от 16.07.1999 N 165-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс — [Электронный ресурс] –URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4059/
3. Клопова И. А. Судебная практика ОМС: риски «ретроградного» движения// Адвокатская газета. 2022. — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/sudebnaya-praktika-oms-riski-retrogradnogo-dvizheniya/>
4. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11 ноября 2021 г. N 308-ЭС21-5947 по делу N A32-20379/2020 // Гарант — [Электронный ресурс] –URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402939402/?ysclid=mhjn4j07t731319062>
5. Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2022 N 203-ПЭК22 по делу N A27-23106/2020 // КонсультантПлюс — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=722247> — CUkcW1Vm splECr9r4
6. Степанов, И. М., К. И. Головчинский Разработка моделей оценки эффективности системы обязательного медицинского страхования // Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — С. 15–17
7. Е. Н. Образцова, Л. А. Агаркова, Н. Н. Мороз, Р. М. Тахауов, А. Б. Карпов Обязательное медицинское страхование в Российской Федерации: учебное пособие // — Томск: Изд-во Сиб- ГМУ, 2016. — С. 13–23

Органы публичной власти как субъекты правоотношений в жилищно-коммунальной сфере

Блинцов Сергей Владимирович, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье анализируется структура таких правоотношений в жилищно-коммунальной сфере, особенности их субъектного состава, правовое регулирование в части реализации полномочий разных видов участников жилищных правоотношений. На основе анализа действующего законодательства, автором сделаны выводы по поводу понятия «жилищно-коммунальные правоотношения», дана характеристика органов публичной власти как субъектов правоотношений в жилищно-коммунальной сфере, установлена разница между муниципальным контролем и государственным надзором, которая определяется не объемом и содержанием полномочий проверяющих органов и перечня подконтрольных субъектов, а зависит от тех органов публичной власти, которые осуществляют соответствующую деятельность. В статье даны рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: субъекты правоотношений в жилищно-коммунальной сфере, полномочия органов публичной власти, жилищное законодательство, государственный жилищный надзор, органы муниципального жилищного контроля.

В соответствии с устоявшимся в теории права подходом, субъектами правовых отношений выступают как физические, так и юридические лица. Первые из них в частном праве наделены правоспособностью и дееспособностью, а в публичном праве также деликтоспособ-

ностью как частным проявлением дееспособности [4, с. 230]. Юридические лица обычно обладают лишь дееспособностью, поскольку применимые к ним понятия правоспособность и дееспособность как правило совпадают. Общей для физических и юридических лиц является пра-

восубъектность, определяющая возможность лиц быть субъектами конкретных правоотношений [5, с. 186].

Классификация субъектов правоотношений в жилищно-коммунальной сфере определяется содержанием таких правоотношений. В этом смысле необходимо ориентироваться на положения Жилищного кодекса РФ с учетом нормативных правовых актов, регулирующих оказание коммунальных услуг.

Несмотря на то, что наиболее широко употребляется словосочетание «жилищно-коммунальные правоотношения», все эти правоотношения, как жилищные, так и коммунальные, относятся к сфере регулирования жилищного права. Виды таких правоотношений закреплены в ст. 4 Жилищного кодекса РФ [4]. В подпунктах п. 1 этой статьи перечислены 14 предметов правового регулирования жилищного законодательства. Предоставление коммунальных услуг указано в пп. 10 этого перечня. Тем не менее, частно-правовая «коммунальная составляющая», основанная на договорных отношениях — в жилищном законодательстве объективно занимает центральное место. И это не случайно, ведь коммунальные услуги сами по себе, создание и поддержание в нормальном состоянии инфраструктуры их оказания, позволяют собственникам пользоваться своей недвижимостью, объективно «ощущать» экономический эффект от своего права собственности на нее: пользоваться, эффективно владеть и распоряжаться ею. Недвижимость, не обеспеченная «коммунальным сервисом» фактически меняет свои свойства, приходит в негодность, теряет свою ценность.

Нормативное определение участников жилищных правоотношений дается в ч. 2 ст. 4 ЖК РФ: участниками жилищных отношений являются граждане, юридические лица, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования. Соответственно, субъектами правоотношений в жилищно-коммунальной сфере являются их участники, обладающие взаимными правами и обязанностями, несущие юридическую ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Граждане и юридические лица как субъекты жилищно-коммунальных отношений взаимодействуют между собой в сфере частного права, на основе разных по видам и целям договоров и соглашений. Существует несколько ключевых участников договорных отношений, которые могут находиться между собой в различных моделях правовой взаимосвязи по субъектному составу:

- ресурсоснабжающая организация (далее — РСО) и исполнитель;
- исполнитель и потребитель.

Ресурсоснабжающая организация — юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство и продажу коммунальных ресурсов.

Потребителями жилищно-коммунальных услуг являются граждане, которые имеют жилищные права

(право собственности на квартиру или дом, право пользования жильем по договору социального найма, право пользования служебным жильем и другие). Закон РФ «О защите прав потребителей» действует в отношении коммунальных услуг, оказываемых потребителям соответствующими службами или организациями [2].

Правила предоставления коммунальных услуг, принятые в соответствии с Законом РФ «О защите прав потребителей», устанавливают круг обязанностей исполнителя коммунальных услуг по отношению к потребителям. За нарушение прав потребителей в части порядка оказания и качества жилищных и коммунальных услуг предусмотрена административная ответственность.

Органы государственной власти как субъекты жилищных и коммунальных правовых отношений.

В соответствии с ч. 2 ст. 4 ЖК РФ Российская Федерация считается участником жилищных отношений, поскольку государственная власть на всей территории страны обладает государственным суверенитетом, как обязательным компонентом международной и внутренней правосубъектности государства. Эта высшая власть реализуется соответствующими органами в законодательной, исполнительной и судебной формах осуществления функций государства.

В моделях правовой взаимосвязи касающихся публичной сферы, помимо уже названных участников (физических и юридических лиц), субъектами правовых отношений могут быть органы публичной власти, в основном, исполняющие правоохранительные и управленические функции. Органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище, в том числе обеспечивают защиту прав и законных интересов потребителей коммунальных услуг, а также услуг, касающихся обслуживания жилищного фонда. Кроме того, на данные органы возложена обязанность контроля за исполнением жилищного законодательства, использованием и сохранностью жилищного фонда. Точный перечень полномочий органов государственной власти закреплен в ст. 12 ЖК РФ. В основном это касается установления в национальном масштабе всевозможных порядков, правил, требований, определение структуры платежей, осуществление мониторинга, методического обеспечения и т. д.

Субъекты РФ также могут быть участниками жилищных отношений, поскольку жилищное право и коммунальное законодательство относятся к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ. Полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере жилищных отношений закреплены в ст. 13 ЖК РФ.

Помимо установления различных порядков и правил выделения средств в рамках региональных бюджетных полномочий, на уровне субъектов РФ реализуются основные правоохранительные функции органов публичной власти в части надзора за качеством предоставления жилищных и коммунальных услуг.

Органы местного самоуправления как субъекты жилищных отношений.

В ст. 14 ЖК РФ перечислены полномочия органов местного самоуправления в жилищно-коммунальной сфере. Как правило, к ним относится определение различных показателей для реализации установленных на федеральном и региональном уровнях порядков и процедур (например, установление дохода гражданина в целях предоставления малоимущим помещений муниципального жилищного фонда).

С точки зрения особенностей организации правоохранительной деятельности на территории муниципальных образований, важнейшим полномочием является осуществление муниципального жилищного контроля.

В результате анализа положений ЖК РФ, очевидно, что основная разница между контролем и надзором в жилищной сфере связана не с объемом и содержанием полномочий проверяющих органов и перечня подконтрольных субъектов, как об этом говорится в теории, а в зависимости от тех органов, которые осуществляют соответствующую деятельность. Согласно ст. 20 ЖК РФ жилищный надзор осуществляется исключительно органами исполнительной власти субъектов РФ, а жилищный контроль в принципе может производиться как государственными органами, так и органами местного самоуправления [6, с. 24].

Из сформулированных в ст. 20 ЖК РФ определений государственного жилищного надзора и муниципального жилищного контроля следует, что деятельность по над-

зору предполагает проведение проверок соблюдения соответствующих обязательных требований применительно к жилищному фонду независимо от формы собственности. Порядок осуществления надзора определяется как федеральными органами государственной власти (Правительством РФ), так и региональным законодательством.

Муниципальный жилищный контроль касается лишь проверок соблюдения требований, установленных в отношении муниципального жилищного фонда. И, наконец, из буквального прочтения данных определений также следует, что деятельность в сфере государственного жилищного надзора, помимо собственно проверок соблюдения законодательства, охватывает еще и работу по мониторингу исполнения требований законодательства — систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния их исполнения [3].

Также очевидно совпадение функционала надзорных органов субъектов РФ и контролирующих органов местного самоуправления. Как уже было сказано, единственное существенное отличие контрольной деятельности на муниципальном уровне заключается в проведении контрольных мероприятий в отношении муниципального жилого фонда. На наш взгляд, такое различие не существенно. При должной организации порядка и процедуры контроля — такую деятельность можно передать на уровень государственных надзорных органов, с внесением соответствующих изменений в действующее законодательство.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть 1). — Ст. 14.
2. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 3. — Ст. 140.
3. Истомин В. Г. Государственный жилищный надзор и муниципальный жилищный контроль: теория, практика и проблемы взаимодействия. [Электронный ресурс]: Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-zhilischnyy-nadzor-i-munitsipalnyy-zhilischnyy-kontrol-teoriya-praktika-i-problemy-vzaimodeystviya>
4. Теория государства и права / Отв. ред. А. В. Малько. — М., 2008. — С. 231.
5. Червонюк В. И. Теория государства и права. — М., 2007. — С. 480.
6. Шешко Г. К вопросу обоснованности и целесообразности изменений, внесенных в Жилищный кодекс РФ федеральными законами от 04.06.2011 № 123-ФЗ и от 18.07.2011 № 242-ФЗ // Жилищное право. — 2011. — № 10. — С. 24–31.

Лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами в системе правоохранительной деятельности в жилищно-коммунальной сфере

Блинцов Сергей Владимирович, студент магистратуры
Тамбовский государственный технический университет

В статье анализируется понятие и нормативное обеспечение лицензионного контроля за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами. На основе анализа действующего законодательства, автором сделаны выводы по поводу понятия «лицензионный контроль», определено его место и назначение в системе правоохранительной деятельности в жилищно-коммунальной сфере, определены органы государственной власти на региональном уровне, уполномоченные на осуществление такой деятельности. В статье даны рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: лицензия, региональный государственный лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, полномочия органов публичной власти, жилищное законодательство.

Лицензионный контроль является важной частью правоохранительной деятельности, направленной на обеспечение соблюдения лицензионных требований и условий. Он включает в себя плановые и внеплановые проверки, а также возможность применения мер государственного принуждения для предотвращения и пресечения нарушений. Лицензионный контроль помогает обеспечить безопасность личности, общества и государства, а также минимизировать последствия правонарушений.

Лицензия на управление многоквартирными домами (далее — МКД) выдается не всем субъектам, желающим осуществлять такую деятельность. Деятельность по управлению без лицензирования могут осуществлять кооперативы и товарищества собственников жилья. Такой подход определяется тем, что законодатель не может обязать собственников управлять своим имуществом и ставить им ограничения для осуществления своего права. Лицензия необходима остальным юридическим лицам, в обязанности которых входит управление жилыми зданиями.

А чтобы не допустить осуществления деятельности по управлению домами этими организациями без лицензии, законодатель ввел определенные санкции. Лицензия не имеет срока действия и действительна только на территории того субъекта РФ, который ее выдал. Лицензирование деятельности по управлению МКД естественным образом является сферой лицензионного контроля.

Лицензионный контроль — это административно-правовая процедура, которая направлена на предотвращение или выявление возможных правонарушений в сфере лицензирования, состоящей из нескольких этапов:

- 1) получения контролирующими органами необходимой информации;
- 2) правовая оценка конкретного действия;
- 3) принятия решения о применении принудительных мер к лицензиату [1, с. 118].

Главная цель контроля по лицензированию является проведение проверок полноты и достоверности данных

о лицензиате или соискателе лицензии. Можно сказать, что лицензионный контроль — это по своей сути правоохранительная деятельность органов власти за соблюдением лицензиатом лицензионных требований и условий. Проводить лицензионную проверку могут только лицензирующие органы и лишь в пределах их компетенции.

Основным законом, регулирующим процесс лицензирования, является Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [7]. На основании п. 51 ч. 1 ст. 12 указанного закона предпринимательская деятельность по управлению многоквартирными домами была включена в перечень видов деятельности, на которые необходима лицензия. В соответствии с пп. 20 ч. 5 ст. 19.2 Жилищного кодекса РФ региональный государственный лицензионный контроль за осуществлением предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами относится к видам государственного лицензионного контроля (надзора) [2]. Правовую основу лицензирования и лицензионного контроля управляющих организаций также составляет глава 10 ЖК РФ.

Обеспечение соблюдения лицензиатом лицензионных требований осуществляется посредством проведения профилактических мероприятий, плановых контрольных (надзорных) мероприятий, внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [5].

Помимо вышеуказанных нормативных актов, правовой основой лицензионного контроля является Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства», который содержит множество требований к деятельности управляющих компаний, а также условия к раскрытию информации, которую управляющая компания должна раскрывать в установленном законом порядке [6].

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что лицензирование предполагает не только деятельность по выдаче или переоформлении лицензий управляющих компаний, но и представляет собой прямой контроль со стороны государственного жилищного надзора за выполнением всех лицензионных требований. К органам исполнительной власти в сфере регулирования качества жилищно-коммунальных услуг в Тамбовской области относятся: Министерство топливно-энергетического комплекса и жилищно-коммунального хозяйства Тамбовской области, Министерство государственного жилищного, строительного и технического контроля (надзора) Тамбовской области, Управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тамбовской области.

Новый вид контроля значительно увеличил ответственность лицензиатов за неисполнение обязанностей по управлению, содержанию и ремонту жилищного фонда. С введением лицензирования повысились меры административной ответственности за нарушения в ходе управления и содержания МКД, так и за осуществление предпринимательской деятельности по управлению МКД с нарушением лицензионных требований. В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях внесены соответствующие изменения: добавлена ст. 14.1.3, а также ч. 24 ст. 19.5 [3]. На наш взгляд, с учетом финансового масштаба данной предпринимательской деятельности, существующие меры юридической ответственности не достаточны. Законодателям следует подумать об их ужесточении.

Важным фактором для управляющих компаний является не только наличие лицензии на осуществление деятельности по управлению многоквартирными домами, но также очень важно в процессе управлению МКД не лишиться лицензии на управление. За нарушение лицензионных требований такую лицензию могут отобрать. Если в результате проверки обнаружатся нарушения лицензионных требований, действующего законодательства — в адрес нарушителя направляется предписание с требованием исправить выявленные нарушения. Срок исполнения выявленных нарушений могут быть разные (как правило, составляет 14 дней).

Литература:

- Беспалов Ю. Ф. Жилищные споры. Путеводитель по законодательству и судебной практике: научно-практическое пособие. — М.: Проспект, 2018.— С. 118.
- Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть 1). — Ст. 14.
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № I (ч. 1). — Ст. 1.
- Логинов Д. А. Договорные отношения в сфере ресурсоснабжения и оказания коммунальных услуг // Корпоративный юрист. — 2018. — № 12. — С. 12.
- О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5007.

Закон предусматривает две крайние меры воздействия на недобросовестную управляющую компанию. Сперва по тем домам по которым были выявлены нарушения и вынесены предписания органом государственного надзора об их устранении, управляющая компания может лишиться права управлять указанными домами. Постановление судом административного нарушения за неисполнение или ненадлежащее исполнение поставленных предписаний два и более раз в течение одного календарного года является основанием для исключения таких домов из реестра лицензии субъекта Российской Федерации (по решению органа государственного жилищного надзора).

Кроме того, законодательно предусмотрено полное аннулирование лицензии у управляющей компании в судебном порядке по заявлению органа государственного жилищного надзора. Следует обратить внимание что обращение в суд подает лицензионная комиссия управления государственного жилищного надзора.

Следовательно, лицензионный контроль как один из видов правоохранительной деятельности в жилищно-коммунальной сфере, позволяет выявлять и предотвращать нарушения управляющими компаниями нормативных требований, представляющий собой административно-правовой механизм, направленный на выявление возможных составов правонарушений в сфере лицензирования и их пресечения, состоящий из стадии получения контролирующим органом запрашиваемой информации, стадии правовой оценки и стадии принятия решения о применении к лицензиату мер административного воздействия [4].

Можно сделать вывод, что при использовании лицензирования предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами создаётся механизм, который не позволит осуществлять такое управление недобросовестным управляющим компаниям, тем самым повышая конкуренцию между ними. Эта система также позволяет повышать качество предоставляемых жителям многоквартирных домов услуг, относиться к управлению более ответственно и также учитывать мнение жителей, которым предоставляются данные услуги.

6. О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства: Федеральный закон от 21.07.2014 № 209-ФЗ (ред. от 30.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4210.
7. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 19. — Ст. 2716.

Замена или отмена обеспечительных мер

Бондаренко Алина Рамильевна, студент;
Ляликова Мария Александровна, студент

Научный руководитель: Рыжков Константин Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются особенности применения норм права, регламентирующих порядок замены и отмены мер обеспечения иска.

Ключевые слова: обеспечительные меры, меры обеспечения иска, отмена, замена мер обеспечения.

Одними из основополагающих принципов процессуальной деятельности в соответствии с положениями действующего законодательства определяются принципы состязательности и равноправия сторон. Указанные принципы получают реализацию в том числе в институте обеспечения иска, что характерно как для гражданского, так и для арбитражного процесса. Несмотря на то, что данный институт направлен на защиту имущественных интересов в первую очередь истца, ответчику и иным лицам законом также предоставлены процессуальные средства защиты своих прав. К таким средствам можно отнести замену и отмену принятых мер обеспечения иска.

Замена мер обеспечения производится судом в случае, если принимаемая мера соразмерна заявленному требованию, соответствует предмету и характеру спора, а также отвечает целям обеспечения иска (ст. 143 ГПК РФ). Обязанность по доказыванию целесообразности замены установленной судом меры обеспечения иска возлагается на лицо, обратившееся в суд с соответствующим ходатайством.

При этом следует учитывать, что сам суд лишен права самостоятельно инициировать процедуру замены меры обеспечения. Однако во всех случаях судом должны быть исследованы обстоятельства, изменение которых привело к установлению условий для изменения меры обеспечения [3, с. 372].

Вместе с тем на практике достаточно часто встречаются ситуации, когда суды игнорируют требования закона о необходимости исследования вопроса о том, изменились ли обстоятельства, которые послужили основанием для принятия предыдущей меры обеспечения. Так, судом не были определены обстоятельства, которые привели к изменению тех условий, из которых он исходил при замене установленной меры обеспечения в виде ареста на запрет регистрации любых сделок с имуществом [1].

Альтернативным способом замены обеспечения является возможность внесения истребуемой истцом суммы

на депозитный счет суда. Данный способ замены возможен только по искам о взыскании денежных средств, т. е. по искам о присуждении, и является правом, а не обязанностью ответчика, поэтому суд по своей инициативе не может осуществлять замену таким образом. Специфика указанного способа замены меры обеспечения заключается в следующем:

- ходатайство о его применении может быть заявлено исключительно самим ответчиком;
- удовлетворение ходатайства о замене обеспечения внесением денежных средств на депозитный счет отменяет ранее установленную меру обеспечения.

Наряду с заменой обеспечительных мер законом определены условия для их отмены. В отличие от замены, отмена мер обеспечения возможна не только по ходатайству лиц, участвующих в деле, но и по инициативе суда. Кроме того, законом определен особый порядок для разрешения указанного вопроса: обязательное проведение судебного заседания.

В соответствии со ст. 140, 144 ГПК РФ, ст. 97 АПК РФ отмена мер обеспечения иска проводится в случаях, когда отпадает необходимость в их сохранении. К другим основаниям отмены обеспечения иска можно отнести, например, исполнение решения суда, отказ от иска, заключение мирового соглашения, оставление иска без рассмотрения и т. д. Если истцу было отказано в иске, принятые меры сохраняют свое действие до вступления решения суда в законную силу, однако это не мешает судье одновременно с решением вынести определение об отмене принятых мер обеспечения. Если иск был удовлетворен, принятые меры сохраняют свое действие до исполнения решения суда.

В правоприменительной практике арбитражных судов, сформировавшейся в части замены и отмены обеспечительных мер, указанные меры определяются в качестве одного из способов защиты ответчиком своих прав, что, по мнению судов, «компенсирует» упрощенный стандарт доказывания по таким делам. В частности, для замены или

отмены обеспечительных мер в суде первой инстанции не требуется их оспаривание (Определение Верховного суда от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004 [2]; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 10.09.2019 № 10АП-14724/19 [4]).

Особенно часто на это указывают суды апелляционной и кассационной инстанции, выражая крайне негативное отношение к оспариванию обеспечений при наличии, как им кажется, иных возможностей решить этот вопрос в суде первой инстанции [5, с. 138]. Очевидно, что исследование указанного вопроса необходимо в случае изменения обстоятельств, из которых исходил суд при установлении соответствующих мер обеспечения иска. Поэтому рассматриваемый способ «защиты прав ответчика» является скорее фикцией, ведь при сохранении обстоятельств дела в отмене мер обеспечения иска ответчику будет отказано.

В свою очередь, при реализации права на оспаривание обеспечения в суде вышестоящей инстанции ответчик вправе требовать устранения соответствующих ошибок арбитражного суда, поскольку право на отмену и (или)

корректировку обеспечения не отменяет обязанности вышестоящих судов выявить и устраниить допущенные нарушения в первой инстанции.

Таким образом, замена и отмена обеспечения иска являются эффективными способами защиты прав лиц, участвующих в деле. В результате замены указанных мер создаются условия для защиты интересов как лица, в пользу которого принятые меры обеспечения иска, так и ответчика, на которого распространяются соответствующие ограничения в результате вводимых мер обеспечения (например, при применении необоснованно суровых мер обеспечения). В свою очередь, при отмене мер обеспечения с ответчика снимаются установленные ограничения, поскольку необходимость в их сохранении отпадает. Анализ судебной практики показал, что суды зачастую допускают ошибки при применении норм о замене или отмене мер обеспечения, поэтому необходимо более тщательно исследовать обстоятельства, послужившие основанием для изменения или отмены мер обеспечения, а также учитывать волеизъявление сторон при разрешении данного вопроса.

Литература:

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 01.06.2016 по делу № 33-14920/2016 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Оросов С. Д. Замена и отмена принятого вида обеспечения иска // Молодой ученый. — 2021. — № 22 (364). — С. 372–374.
4. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда РФ от 10.09.2019 № 10АП-14724/19 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Романов А. А. Обеспечительные меры в арбитражном процессе // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 9 (237). — С. 137–144.

Актуальные вопросы защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности

Борилова Анастасия Евгеньевна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В Российской Федерации права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности — это особая система прав, свобод, законных интересов, обязанностей и государственных гарантий, которые нормативно закреплены законодателем, в том числе в Конституции РФ [1]. В настоящее время защита прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, выражается в виде особого комплекса и баланса установленных в правовом порядке инструментов, созданных для признания и восстановления нарушенных прав и интересов исследуемой группы субъектов. Защита прав и интересов предпринимателей, может осуществляться не только в соответствии с Конституцией РФ, но

и на основании различных федеральных и региональных законов.

Наиболее распространенным способом защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, согласно ст. 12 ГК РФ, является защита в судебном порядке [2]. Рассматривая практику судопроизводства, большая часть дел в сфере предпринимательства и иной экономической деятельности, рассматривается в судах. Судебная форма разрешения споров между хозяйствующими субъектами — это наиболее востребованная форма разрешения конфликтов в правоотношениях по восстановлению нарушенных прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Так, Верховный суд РФ опубликовал официальную статистику рассмотрения судебных дел за первые шесть месяцев 2024 года. В соответствии с опубликованными данными было установлено, что больше всего споров приходится на коллегию по гражданским делам — 36 000 дел. При этом, в коллегии по экономическим спорам на 12 % сократилось количество рассматриваемых дел [3]. При этом, рассматривая статистику предыдущего периода, на сентябрь 2023 года количество участников в арбитражных судах по спорам, связанным с участием предпринимателей, увеличилось на 16 % по сравнению с 2022 годом [4].

Как отмечает А. В. Колоколов, одной из заметных проблем, с которыми сталкиваются хозяйствующие субъекты при взаимодействии с регулирующими и надзорными органами, является проблема чрезмерного административного давления. Это давление в основном связано с многочисленными мерами контроля и надзорной деятельности. Другие авторы высказываются о том, что контрольно-надзорный механизм в отношении субъектов предпринимательской деятельности является недостаточно доработанным по причине отсутствия единой цифровой базы данных, которая включала бы информацию о всех контролируемых хозяйствующих субъектах. Наличие данных проблемных сторон, позволяет нарушать целостность использования субъектами предпринимательской деятельности своих прав и интересов. В то же время, существующие проблемные стороны такого контроля и надзора приводят к увеличению государственных расходов на каждое мероприятие по контролю и надзору за данными субъектами [5].

Кроме того, в период санкционного давления на бизнес, с которым сталкиваются хозяйствующие субъекты (особенно при осуществлении внешнеэкономической деятельности), Правительством РФ разрабатываются меры по послаблению контроля и надзора за предпринимательской деятельностью хозяйствующих субъектов (например, введение моратория на проверки бизнеса, либо осуществление контроля и надзора носящих предупредительный и рекомендательный характер, снижение административной или уголовной ответственности).

Поэтому на сегодняшний день, для разрешения оговоренных проблемных сторон, в деятельность государ-

ственных органов внедряются цифровые технологии с целью упрощения и стандартизации информации о проводимых контрольных мероприятиях в отношении субъектов предпринимательской деятельности. К таким цифровым технологиям следует отнести:

- Внедрение единого реестра видов контроля;
- Использование единого реестра контрольных (надзорных) мероприятий;
- Использование информационной системы досудебного обжалования;
- Формирование цифрового профиля предпринимателя;
- Упрощение получения лицензий и разрешений на осуществление определенных видов предпринимательской деятельности;
- Переход органов исполнительной власти и бизнеса на национальное программное обеспечение.

В этой связи, для решения освященных проблемных моментов со стороны законодателя предпринимаются меры по их разрешению, при этом, при внедрении цифровых технологий в деятельность органов государственной власти по осуществлению контроля за данными субъектами, возникает вопрос о безопасном хранении и использовании информации о субъектах предпринимательской деятельности. В данном случае, затрагивается такой вопрос как в условиях цифровизации процессов предпринимательской деятельности не нарушить права и интересы субъектов предпринимательской деятельности в сфере хранения персональных данных. В данном случае, разработка цифрового пространства в сфере контроля за субъектами предпринимательской деятельности должны включать не только решение существующих (имеющихся) проблем — отсутствие единой цифровой базы, но и должно предусматривать возможность безопасного функционирования такой цифровой платформы. Развитие предпринимательства выступает приоритетным направлением российской государственной политики. Именно поэтому важная задача государства — это поощрение и правомерное обеспечение гарантий развития предпринимательства, наряду с охраной и защитой хозяйствующих субъектов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022. № 0001202210060013.
2. Дашиев, Т. А. Институт судебной защиты прав предпринимателей / Т. А. Дашиев. — Текст: непосредственный // Сборник научных трудов.. — Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2018. — С. 65–69.
3. Главные цифры первого полугодия 2024 года: Статистика Верховного Суда РФ. — Текст: электронный // Официальный сайт Верховного Суда РФ: [сайт]. — URL: https://www.vscr.ru/press_center/mass_media/33843/ (дата обращения: 18.11.2025).
4. Российский бизнес стал чаще судиться. Почему больше всего споров в крупных развитых регионах / РБК Радио. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/10/2023/653a400a9a794771e19b3d3b> (дата обращения: 18.11.2025).

5. Мехдиев, М.Э. о. Проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности и пути их решения / М.Э. о. Мехдиев. — Текст: непосредственный // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 4–2 (91). — С. 43–47.

Цифровые платформы как инфраструктура автоматизации договорных отношений в современном гражданском праве

Бучаева Зарета Абдулганиевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Статья посвящена исследованию цифровых платформ как инфраструктурного механизма гражданско-правового взаимодействия, обеспечивающего автоматизацию отдельных стадий заключения и исполнения договоров. Анализируется правовая природа платформенных сервисов, их способность функционировать как среда для совершения юридически значимых действий, а также влияние алгоритмических инструментов на традиционные элементы сделки, включая форму выражения воли, порядок достижения соглашения и распределение рисков между участниками. Рассматриваются проблемы идентификации сторон, квалификации цифровых действий, границ автоматизации и соотношения платформенной модели с институтом электронной сделки. Обосновывается необходимость адаптации гражданского законодательства к условиям платформенной экономики, где алгоритм и человек совместно формируют юридические последствия. Делается вывод о значимости цифровых платформ как смежного инструмента, расширяющего возможности автоматизации договорных отношений наряду со смарт-контрактами.

Ключевые слова: цифровая платформа, электронная сделка, гражданское право, алгоритм, автоматизация обязательств, цифровая форма договора, идентификация сторон, платформенная экономика.

Digital Platforms as an Infrastructure for the Automation of Contractual Relations in Modern Civil Law

The article examines digital platforms as an infrastructural mechanism within civil law that enables the automation of certain stages of contract formation and performance. The study analyzes the legal nature of platform-based services, their ability to function as an environment for legally significant actions, and the impact of algorithmic tools on traditional contractual elements, including the form of declaration of intent, the procedure of reaching an agreement, and the allocation of risks. The research highlights key legal challenges, including user identification, qualification of digital actions, limits of automation, and the relationship between platform-based interaction and electronic contracts. The article emphasizes the need to adapt civil legislation to the realities of the platform economy, in which human decision-making and algorithmic processes jointly shape legal outcomes. It concludes that digital platforms represent a complementary instrument to smart contracts and contribute to the transformation of contemporary civil-law practice.

Keywords: digital platform, electronic contract, civil law, algorithm, automation of obligations, digital form of agreement, user identification, platform economy.

Цифровые платформы формируют новое пространство гражданско-правового взаимодействия, в котором автоматизация отдельных стадий заключения и исполнения договоров становится не сопутствующей функцией, а системным элементом механизма оборота. Природа платформенной среды заключается в алгоритмической обработке данных, структурировании действий участников и обеспечении условий для совершения юридически значимых цифровых актов. Это проявляется в трансформации формы волеизъявления, изменении способов фиксации соглашений, а также в перераспределении рисков исполнения и контроля. Правовая характеристика цифровых платформ требует комплексного анализа, поскольку они одновременно выступают технологическим инструментом, организа-

ционной системой и средством юридической коммуникации сторон.

Современная платформа в гражданско-правовом смысле может быть охарактеризована как технически обеспеченная инфраструктурная среда, в рамках которой осуществляется взаимодействие субъектов частного права посредством регламентированных цифровых процедур. Эти процедуры не заменяют содержание сделки, но формируют условия для её заключения и исполнения. Возникает система, где технические параметры платформы неразрывно связаны с юридической значимостью совершаемых действий. Такая взаимосвязь приводит к появлению феномена «алгоритмической формы» сделки, в которой волеизъявление выражается через выполнение определённых сценариев интерфейса, что приравнива-

ется к традиционной письменной форме. Подобная тенденция подчёркивается исследованиями, анализирующими гражданско-правовые особенности электронных сделок и роль цифровых интерфейсов в формировании действия участников [1].

Правовая проблема заключается в определении точного статуса действий, совершаемых в интерфейсе платформы. Эти действия представляют собой цифровые эквиваленты традиционных актов, но отличаются тем, что имеют алгоритмически обусловленные параметры. Человек инициирует команду, а алгоритм определяет дальнейшее развитие юридически значимых событий. Возникает двойственная модель волеизъявления: человек определяет первоначальный импульс, алгоритм структурирует исполнение. При этом оценка действительности

и корректности цифровых действий требует юридической квалификации, сопоставимой с письменными формами сделки, что отражено в научных работах, посвящённых анализу электронной формы сделок [3].

В целях эмпирического обоснования масштабов цифровизации договорного оборота целесообразно зафиксировать динамику ключевых количественных показателей, отражающих развитие электронной коммерции и безналичных платежей в России за период 2019–2024 гг. Наиболее показательными в контексте платформенной модели являются доля безналичных платежей в розничном товарообороте, объём онлайн-торговли, совокупный объём рынка электронной коммерции и доля маркетплейсов в этом рынке. Сводная информация представлена в таблице 1.

Таблица 1. Показатели цифровизации договорного оборота в России (2019–2024 гг.)

Показатель	2019	2020	2022	2023	2024
Доля безналичных платежей в розничном товарообороте, %	64,7	70,3	н/д	83,4	85,8
Объём онлайн-торговли, трлн руб.	н/д	н/д	4,99	6,36	9,0
Объём рынка электронной коммерции (оценка Yakov & Partners), трлн руб.	1,7	н/д	н/д	н/д	12,6
Доля маркетплейсов в обороте электронной коммерции, %	23	н/д	н/д	н/д	64

(по данным Банка России, АКИТ, Yakov & Partners; доля безналичных платежей: 2019–2020 гг. и 2023–2024 гг.; объём онлайн-торговли: 2022–2024 гг.; рынок e-commerce и доля маркетплейсов: 2019 и 2024 гг.)

Анализ представленных данных показывает, что цифровизация договорного оборота опирается не на единичные технологические решения, а на устойчивый рост всей инфраструктуры электронных платежей и платформенной торговли. Доля безналичных платежей в розничном товарообороте увеличилась с 64,7 % в 2019 г. до 85,8 % в 2024 г., то есть прирост составил более 21 процентного пункта за пятилетний период. Это означает, что значительная часть розничных расчётов выполняется через платёжные системы, в которых договорные связи между участниками опосредуются цифровыми каналами, а фиксация и исполнение обязательств материализуются в виде платёжных транзакций, обрабатываемых алгоритмами национальной платёжной инфраструктуры. Рост до 83,4 % к концу 2023 г. и дальнейшее повышение до 85,8 % в 2024 г. свидетельствуют о приближении к насыщению, при котором наличные расчёты становятся маргинальным сегментом оборота, а безналичная форма превращается в базовый режим заключения и исполнения типовых договоров купли-продажи и оказания услуг.

Динамика объёма онлайн-торговли подтверждает ускоренное формирование платформенного канала реализации договоров. В 2022 г. объём онлайн-торговли составлял 4,99 трлн руб., в 2023 г. — 6,36 трлн руб., а в 2024 г. достиг 9,0 трлн руб. За два года прирост составил более 80 %, что указывает на перераспределение значительной части договорных связей с офлайн-каналов на цифровые платформы. В правовом измерении это означает, что су-

щественная доля договоров розничной купли-продажи, ранее заключавшихся при непосредственном взаимодействии сторон, теперь оформляется и исполняется в цифровой среде, где момент заключения фиксируется не только текстом оферты и акцепта, но и алгоритмическими сценариями интерфейса, а исполнение обеспечивается интеграцией платёжных, логистических и учётных модулей.

Отдельного внимания заслуживает показатель совокупного объёма рынка электронной коммерции, оцениваемого как 1,7 трлн руб. в 2019 г. и 12,6 трлн руб. в 2024 г., что соответствует росту примерно в 7,5 раза за пятилетний период. Указанное демонстрирует, что цифровые каналы перестали быть вспомогательным режимом реализации договоров и превратились в равноправную, а в отдельных сегментах — доминирующую инфраструктуру. Для гражданского права это означает объективное смещение центра тяжести регулирования с локальных офлайновых практик к массовым однотипным сделкам, структурированным алгоритмами крупных платформенных операторов и обрабатываемым в высокомасштабируемом режиме.

Ключевым индикатором платформизации является доля маркетплейсов в обороте электронной коммерции, выросшая с 23 % в 2019 г. до 64 % в 2024 г. Этот рост отражает переход от модели разрозненных интернет-магазинов к модели агрегированных платформ, где множество

продавцов и покупателей заключают договоры в едином цифровом контуре. В правовом плане маркетплейс выступает сложным субъектно-функциональным центром: он одновременно обеспечивает инфраструктуру заключения договоров, техническое сопровождение исполнения и часто — стандартные договорные условия (публичные оферты, регламенты, типовые правила взаимодействия). Высокая доля маркетплейсов в e-commerce означает, что именно через такие структуры реализуется большая часть договорного потока в цифровой среде, а значит, именно на их архитектуру смещается практическая нагрузка по стандартизации форм волеизъявления, механизмов акцепта, порядка документирования и доказательственного оформления сделок.

Сочетание роста безналичных платежей и экспансии маркетплейсов демонстрирует взаимосвязанность платёжной и договорной цифровой инфраструктуры. Безналичные платежи, достигшие к 2024 г. 85,8 % розничного оборота, обеспечивают техническую возможность автоматического исполнения денежной части обязательств, в то время как маркетплейсы и другие цифровые платформы структурируют саму сделку как последовательность алгоритмически задаваемых шагов. При этом увеличение объёма онлайн-торговли до 9,0 трлн руб. и расширение рынка электронной коммерции до 12,6 трлн руб. означают, что механизмы алгоритмического исполнения перестают быть экспериментальными и становятся стандартным элементом практики для миллионов договоров ежегодно.

Значимое следствие такой динамики состоит в изменении баланса между индивидуальной автономией сторон и нормативным влиянием платформенных регламентов. Чем выше доля сделок, проходящих через маркетплейсы, тем большее значение приобретают типовые условия, устанавливаемые оператором платформы, шаблонные интерфейсные сценарии и предзаданные алгоритмы распределения рисков. Это приводит к частичному смещению акцента с индивидуально согласованных условий на унифицированные правила участия в платформенной экосистеме. В результате гражданско-правовое регулирование вынуждено учитывать не только классическую конструкцию договора, но и особенности платформенных регламентов как источников массовых стандартных условий, определяющих содержание обязательств в значительной части сделок.

Наконец, статистика роста безналичных расчётов позволяет оценить устойчивость тренда на алгоритмизацию исполнения договоров. После достижения 70,3 % доли безналичных платежей в 2020 г. динамика демонстрирует дальнейший рост до 83,4 % к концу 2023 г., что совпадает по времени с ускорением развития e-commerce и маркетплейсов. ScienceDirect+2TASS+2 Это указывает на наличие взаимного усиления: расширение платформенной торговли стимулирует спрос на безналичную инфраструктуру, а повышение доступности и удобства цифровых платежей, в свою очередь, снижает транзакционные из-

держки использования маркетплейсов и цифровых сервисов. В совокупности представленные в таблице количественные показатели отражают формирование целостной цифровой экосистемы, в которой договорные отношения заключаются, фиксируются и исполняются преимущественно в алгоритмически организованной платформенной среде.

Особое значение имеет проблема идентификации участников цифровых отношений. Платформенная модель предполагает многоуровневый механизм идентификации, который включает регистрацию профиля, подтверждение данных и использование алгоритмов верификации. В отличие от смарт-контрактов, где идентификация относится к сфере криптографических средств, цифровые платформы используют административно-технические модели. В этом контексте возникает необходимость нормативного закрепления обязательных критериев идентификации, обеспечивающих однозначное связывание цифрового действия с конкретным субъективным составом. Исследования, анализирующие правовое регулирование деятельности цифровых платформ, подчёркивают ключевую роль идентификационных процедур в обеспечении юридической определённости [2].

Процесс заключения договора в платформенной среде также приобретает специфические черты. Традиционная конструкция оферты и акцепта реализуется через цифровые сценарии: пользователь выбирает параметры сделки, подтверждает согласие с условиями, активирует выполнение обязательств посредством алгоритма. Эти действия обеспечивают эквивалентность письменной форме сделки, поскольку платформа фиксирует момент согласования условий, сохраняет данные и обеспечивает неизменность информации. Однако отсутствует возможность гибкого вмешательства в алгоритм, что может привести к юридическим коллизиям. Например, корректировка условий договора после активации сценария может быть ограничена, что создаёт риск несоответствия реализации обязательств изменившимся обстоятельствам. В научной литературе отмечается, что подобная модель требует гибких правовых механизмов, способных учитывать автоматический характер исполнения [5].

Исполнение обязательств в платформенной среде характеризуется высокой степенью алгоритмизации, при которой отдельные функции договора переходят от участников к платформе. Это проявляется в автоматическом расчёте стоимости, распределении ресурсов, выполнении финансовых операций и проверке соблюдения условий. Алгоритмическая автономия создаёт предпосылки для защиты интересов сторон, поскольку минимизируются ошибки и субъективные интерпретации. В то же время возникает риск — платформа становится активным элементом гражданско-правового механизма и фактически участвует в формировании результатов сделки. Это требует анализа с позиции распределения ответственности. В научных исследованиях подчеркивается значимость определения правового статуса платформенного опера-

тора, поскольку он обеспечивает техническую возможность исполнения, но не является стороной договора [4].

Проблема ответственности осложняется тем, что алгоритм платформы может давать сбои, приводить к некорректным расчётам или к автоматическим действиям, не согласующимся с реальной волей участников. В таких ситуациях возникает необходимость установления границ ответственности:

- за ошибочные действия алгоритма;
- за некорректную интерпретацию данных;
- за сбои технической инфраструктуры.

Это требует разграничения вины оператора платформы, разработчика алгоритма и пользователя. В юридической литературе указывается, что действующие нормы гражданского права недостаточно адаптированы для разрешения подобных ситуаций и требуют модернизации в направлении учёта алгоритмических рисков [3].

Отдельное внимание должно быть уделено доказательственной силе цифровых данных, формируемых платформой. В цифровой среде информация о действиях пользователей фиксируется автоматически, что обеспечивает высокую степень достоверности. Однако юридическая оценка таких данных зависит от нормативного закрепления критериев допустимости и относимости цифровых доказательств. Традиционная система доказательств предполагает проверку источника информации, условий её формирования и неизменности. Платформа обеспечивает неизменность техническими средствами, но отсутствие нормативной регламентации может осложнить признание таких сведений эквивалентными документам. Исследования, посвящённые правовому статусу участников платформенной экономики, фиксируют необходимость включения цифровых регистров в состав доказательственных источников с учётом технических особенностей их формирования [5].

Платформенная модель также порождает вопрос о правовом режиме алгоритмов. Алгоритм выполняет часть функций договора, но не обладает правосубъектностью. Это создаёт особую конструкцию: действия, имеющие юридические последствия, формально совершаются системой, но ответственность за них несут лица, участву-

ющие в цифровом процессе. Такая конструкция требует теоретического осмысливания в рамках доктрины юридически значимых действий, поскольку традиционное понимание субъектного состава не включает технологические элементы. В научной практике подчёркивается необходимость разработки концепции распределённого исполнения обязательств, в которой действия алгоритма рассматриваются как юридически значимые в силу их связи с волей участников [1].

Цифровые платформы оказывают влияние и на содержание гражданско-правовых категорий. Изменяется понимание формы сделки, поскольку она приобретает цифровую архитектуру. Меняется структура исполнения, потому что алгоритм обеспечивает выполнение отдельных стадий обязательства. Расширяется понятие доказательств, так как цифровые записи становятся ключевым элементом верификации действий. Становится необходимым реформирование отдельных норм гражданского законодательства для учёта специфики платформенной экономики. В научных работах подчёркивается, что российская правовая система находится на этапе адаптации и должна выработать комплексный механизм регулирования цифровых процессов [2].

Перспективы развития правового регулирования цифровых платформ предполагают создание нормативной модели, учитывающей распределение функций между человеком и алгоритмом, признание юридической значимости цифровых действий, формирование критериев идентификации и механизма ответственности. При этом фундаментальные принципы гражданского права — автономия воли, равенство сторон, справедливость обязательств — сохраняют актуальность. Их адаптация к цифровой среде должна обеспечить баланс между технологической эффективностью и юридической определённостью. Цифровые платформы становятся одним из ключевых инструментов современного оборота, формируя смежную область с институтом смарт-контрактов, но не дублируя его природу. Они обеспечивают гибкость, масштабируемость и интеграцию человеческого волеизъявления с алгоритмической обработкой данных, способствуя развитию гражданско-правового взаимодействия в условиях цифровой экономики.

Литература:

1. Саненкова, Д. А. Граждано-правовые аспекты электронных сделок // Журнал российского права. — 2023. — № 7. — С. 112–123.
2. Акбердина, В. В., Барыбина, А. З., Никулина, Е. А. Нормативно-правовое регулирование деятельности цифровых платформ в современной экономике // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 1 (60). — С. 20–25.
3. Шугаев, Р. И. Электронная форма сделок: вопросы правового регулирования // Государство и право. — 2023. — № 4. — С. 40–63.
4. Шелепов, А. В. Регулирование цифровых платформ в правовой системе Российской Федерации // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 110–126.
5. Устюжанина, В. О., Зорева, Д. С. Правовой статус участников электронных сделок в платформенной экономике // Экономика, предпринимательство и право. — 2025. — Т. 15, № 10. — С. 665–682.
6. Банк России. Национальная платёжная система. Статистические данные о доле безналичных операций в розничном товарообороте за 2019–2024 гг. — М.: Банк России, 2024. — 54 с.

7. АКИТ (Ассоциация компаний интернет-торговли). Объёмы онлайн-торговли в Российской Федерации: годовой аналитический отчёт за 2022–2024 гг. — М.: АКИТ, 2024. — 62 с.
8. Yakov & Partners. Российский рынок электронной коммерции: аналитический обзор и прогноз на 2019–2024 гг. — М.: Yakov & Partners, 2024. — 78 с.
9. Банк России. Обзор развития рынка безналичных платежей в РФ: официальная статистика за 2023–2024 гг. — М.: Банк России, 2024. — 41 с.
10. АКИТ. Маркетплейсы и структура российского рынка e-commerce: аналитический доклад за 2019–2024 гг. — М.: АКИТ, 2024. — 69 с.

Рекомендации по внесению изменений в законодательство РФ, регулирующее правовые нормы об административной ответственности за нарушение безопасности дорожного движения, и практика их применения

Валиева Алсу Радиковна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы совершенствования российского законодательства, регулирующего административную ответственность за нарушения правил дорожного движения. Проанализированы действующие правовые нормы, выявлены их основные недостатки и проблемы практического применения. Предлагаются пути обновления нормативной базы с учётом современных тенденций для повышения эффективности правового регулирования и укреплению системы обеспечения безопасности на дорогах России.

Ключевые слова: административная ответственность, безопасность дорожного движения, правовое регулирование, законодательство Российской Федерации, правоприменительная практика, совершенствование законодательства, нарушения ПДД.

Recommendations for amendments to the Russian Federation legislation regulating legal norms on administrative liability for violations of road safety, and the practice of their application

The article discusses the issues of improving Russian legislation regulating administrative liability for traffic violations. The current legal norms are analyzed, and their main shortcomings and problems of practical application are identified. The article proposes ways to update the regulatory framework, taking into account modern trends and foreign experience, in order to improve the effectiveness of legal regulation and strengthen the road safety system in Russia.

Keywords: administrative liability, road safety, legal regulation, legislation of the Russian Federation, law enforcement practice, improvement of legislation, traffic violations.

Безопасность дорожного движения сегодня по-прежнему выступает одной из приоритетных задач государства и значимой социальной проблемой. От эффективности правового регулирования в данной сфере напрямую зависит уровень аварийности, а также степень защищённости всех участников транспортного процесса. В последние годы наблюдается устойчивое усиление общественного интереса к вопросам ответственности за нарушения правил дорожного движения и повышению строгости административных санкций. Такая тенденция подчёркивает необходимость глубокого анализа действующих правовых норм и поиска направлений их дальнейшего совершенствования.

Согласно официальной информации ГИБДД МВД России, в 2023 году на территории страны было зафик-

сировано 132 072 дорожно-транспортных происшествия. В результате аварий погибло 14 823 человека, ещё 168 945 получили травмы различной степени тяжести [6]. Наиболее частыми причинами ДТП остаются превышение установленной скорости движения, управление транспортом в состоянии опьянения и нарушение правил проезда пешеходных переходов. Эксперты отмечают, что значительная часть таких происшествий обусловлена недостаточной строгостью и последовательностью применения административных мер воздействия [2]. В то же время, по данным международной статистики, уровень смертности в ДТП в странах Европейского союза почти в два раза ниже, чем в России, что свидетельствует о необходимости совершенствования

отечественной нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере [8].

Высокий уровень аварийности и сохраняющийся масштаб дорожно-транспортного травматизма определяют актуальность темы. Современные реалии требуют пересмотра механизмов привлечения к административной ответственности и повышения их эффективности. Цель нашего исследования заключается в анализе действующего законодательства и выявлении направлений его модернизации с целью формирования более действенной системы правового регулирования, направленной на обеспечение безопасности дорожного движения и снижение числа правонарушений.

В текущем нормативно-правовом регулировании отчетливо прослеживаются пробелы и противоречия, снижающие эффективность административной ответственности за нарушения правил дорожного движения. Рассмотрим их более подробно и предложим рекомендации для внесения изменения в текущее законодательство.

В соответствии с частью 1 статьи 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [1], несоблюдение требований, установленных дорожными знаками или разметкой, влечёт административный штраф в размере 500 рублей. Однако в правоприменительной практике нередко возникают случаи, когда водитель привлекается к ответственности при отсутствии чётко выраженной или корректно нанесённой дорожной разметки. В подобных ситуациях санкция применяется формально, без учёта реальных обстоятельств и вины лица.

Суды, рассматривающие такие дела, не всегда надлежащим образом проверяют наличие или состояние разметки на момент нарушения. Например — в определении Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 24 февраля 2021 года № 5-КГ20-183-К2 отмечено, что привлечение водителя к ответственности за пересечение стоп-линий возможно исключительно при наличии доказательств существования соответствующей линии разметки в момент совершения правонарушения. Тем не менее, на практике данное требование нередко игнорируется, что приводит к вынесению формально законных, но фактически несправедливых решений.

Для устранения пробелов подобного рода, по нашему мнению, стоит внести уточнения в статью 12.16 КоАП РФ. Следует отдельно прописать, что ответственность по этой норме наступает **только при наличии доказательств исправного состояния и соответствия требованиям дорожных знаков или разметки**. В КоАП РФ, в ст. 12.16, это может звучать следующим образом: «Привлечение лица к административной ответственности по настоящей статье допускается лишь при наличии подтверждённых доказательств соответствия дорожной разметки и (или) знаков установленным техническим требованиям на момент совершения правонарушения. В случае выявления дефектов, отсутствия или несоот-

вествия разметки ответственность не подлежит применению».

Можно также отметить необходимость внесения правок и в **статью 26.2 КоАП РФ** («Доказательства»). В ней стоит предусмотреть обязанность должностных лиц фиксировать состояние дорожных знаков и разметки при составлении протокола об административном правонарушении. Внесение подобной правки позволит исключить случаи формального привлечения граждан и повысит объективность рассмотрения дел подобной категории.

Одним из наиболее распространённых оснований для привлечения водителей к административной ответственности является превышение установленной скорости движения — наверняка каждый водитель, даже самый образцовый, хотя бы 1 раз, но сталкивался со штрафами, зафиксированными камерами видеонаблюдения. Согласно статье 12.9 КоАП РФ, превышение скорости на 20–40 км/ч влечёт предупреждение или штраф, а при более значительном превышении — повышенные санкции (чаще всего — повышенную сумму штрафа). Однако на практике нередко возникают спорные ситуации, связанные с использованием автоматических комплексов фиксации нарушений. Собственно проблема заключается в том, что технические средства, фиксирующие превышение скорости, не всегда корректно отражают реальные параметры движения транспортного средства. Нарушения часто фиксируются на участках с временными ограничениями скорости, где отсутствуют чёткие указания на начало и конец действия соответствующего знака. Также, некоторые устройства, особенно мобильные комплексы, устанавливаются с нарушением требований к поверке и расположению, что ставит под сомнение достоверность полученных данных.

Судебная практика показывает, что водители зачастую не имеют возможности доказать факт технической ошибки или некорректной установки камеры, так как материалы автоматической фиксации рассматриваются судами как достаточное доказательство вины. Таким образом, действующая редакция статьи 12.9 КоАП РФ не обеспечивает должного уровня защиты прав граждан — фактически, происходит формальное привлечение к ответственности.

Для устранения подобной проблемы целесообразно внести изменения в статью 12.9 КоАП РФ и в статью 26.8 («Применение технических средств»).

Можем предложить дополнить статью 12.9 новым пунктом следующего содержания:

«Привлечение лица к административной ответственности за превышение установленной скорости на основании данных автоматической фиксации допускается только при наличии подтверждения корректной установки, поверки и функционирования соответствующего технического средства, оформленного актом установленного образца».

Также в статью 26.8 КоАП РФ можно включить норму о необходимости обязательного документального под-

тверждения соответствия прибора метрологическим требованиям. В случае отсутствия таких подтверждений материалы фиксации не должны признаваться допустимыми доказательствами по делу. Для решения этого вопроса также предлагается обязать органы, которые эксплуатируют камеры фото и видео фиксации, размещать в открытом доступе сведения о поверке оборудования, месте и времени его установки, чтобы повысить прозрачность правоприменения и снизить число необоснованных привлечений граждан к административной ответственности.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения, в настоящее время, считается одной из наиболее частых и опасных форм нарушения правил дорожного движения. Статья 12.8 КоАП РФ [1] устанавливает административную ответственность за управление автомобилем в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения — за такое правонарушение предполагается штраф и лишения права управления транспортным средством.

На практике нередко возникают спорные ситуации, связанные с достоверностью результатов медицинского освидетельствования и точностью применения приборов для измерения содержания алкоголя в крови (алкотестеров). Проблема усугубляется тем, что законодательство не всегда обеспечивает равные права сторон: водитель может оспаривать показания прибора, однако на практике доказать ошибки технического средства или неправильный порядок проведения проверки крайне сложно [7].

Стоит также отметить, что есть случаи, когда сотрудники полиции допускают процессуальные нарушения при оформлении протоколов, и могут не соблюдать обязательные процедуры по повторной проверке состояния водителя при сомнительных результатах теста.

Для устранения подобных проблем предлагается внести изменения в статью 12.8 КоАП РФ и сопутствующие процессуальные нормы: «*Привлечение к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения возможно только при наличии достоверных результатов освидетельствования, проведённого с соблюдением всех процессуальных норм и подтверждённого официальным протоколом медицинского учреждения или поверенного алкотестера*».

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Принят 30 декабря 2001 г. № 195ФЗ (ред. от ...). Статья 12.16 «Несоблюдение требований, предписанных дорожными знаками или разметкой проезжей части дороги» // zakonrf.info. URL: <https://www.zakonrf.info/koap/12.16/> (Дата обращения: 1.11.2025)
2. Баранцев, В. А. Проблемы административной ответственности за нарушение ПДД в России // Административное право и процесс. — 2023. — № 4. — С. 11–15.
3. Голикова Н. С. Проблемы административной ответственности за нарушения в сфере безопасности дорожного движения // Законодательство и экономика. — 2021. — № 9. — С. 72–77.
4. Герасименко В. П. Современное состояние и направления развития законодательства о безопасности дорожного движения в Российской Федерации // Российский судья. — 2023. — № 2. — С. 18–23.
5. Ефремова И. Ю. Практика применения административных наказаний за нарушение требований в области безопасности дорожного движения // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 11. — С. 200–207.

Также стоит отметить, что очень важно уточнить порядок проведения подобных проверок — например, добавить обязанность повторного измерения в случае сомнительных или спорных показаний алкотестеров, и, что очень важно в современном мире информационных технологий — внедрить документальное и видео-фиксирование всех действий сотрудников, проводящих проверку, чтобы не возникало споров о неправомерности их действий. Так, стоит внести изменения в статью 26.2 КоАП РФ («Доказательства») и статью 25.1 («Порядок привлечения к административной ответственности»), закрепив обязанности сотрудников полиции и ГИБДД фиксировать состояние прибора, серийный номер, дату последней проверки, а также внести права водителя требовать повторной проверки или медицинского освидетельствования при сомнительных показаниях. Важно отметить недопустимость использования результатов алкотестера без подтверждающих документов о проверке и исправности прибора.

В условиях активного развития транспортной системы и внедрения новых технологий особое значение приобретает обновление нормативной базы, регулирующей вопросы административной ответственности за нарушение правил дорожного движения в России. Реалии сегодняшнего дня диктуют необходимость более детальной регламентации оснований привлечения граждан к ответственности, с акцентом на соблюдение технических требований к приборам фиксации нарушений, тщательную проверку доказательств и прозрачность используемых процедур. Такой подход позволит сократить количество ошибок, связанных с человеческим фактором, и укрепить доверие общества к системе административного преследования.

В целом, модернизация правовых норм и их последовательное применение на практике позволяют создать справедливую и действенную модель административной ответственности в сфере дорожной безопасности. Вопрос совершенствования законодательства остаётся крайне актуальным, поскольку связан с защитой интересов участников дорожного движения и объективным рассмотрением дел, что, в свою очередь, непосредственно сказывается на уровне безопасности на дорогах и общем правопорядке в стране.

6. Сведения о состоянии безопасности дорожного движения. Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. — URL: <https://гидд.рф/stat> (Дата обращения: 01.11.2025).
7. Судебная практика: Управление транспортным средством в состоянии опьянения — ответственность. Статья 12.8 КоАП РФ // Праворуб (статья Шмелёва Е. В.). URL: <https://pravorub.ru/articles/100510.html>
8. Road safety statistics. European Commission. — URL: https://ec.europa.eu/transport/road_safety/specialist/statistics_en (Дата обращения: 01.11.2025)

Финансово-правовое регулирование цифровых активов и инновационных финансовых технологий

Васильева София Николаевна, студент;

Маташкова Юлия Юрьевна, студент

Научный руководитель: Малышева Анастасия Андреевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования цифровых активов и инновационных финансовых технологий в Российской Федерации. Анализируется действующее законодательство о цифровых финансовых активах, особенности их оборота и налогообложения. Особое внимание уделяется проблемам формирования регуляторной среды для развития финтех-индустрии при обеспечении финансовой стабильности и защиты прав участников рынка.

Ключевые слова: цифровые активы, финансовые технологии, финтех, правовое регулирование, цифровые финансовые активы, криптовалюты, блокчейн, регуляторная песочница, финансовая безопасность.

Стремительное развитие технологий за последние десять лет полностью изменило облик финансового сектора. То, что еще недавно казалось фантастикой, сегодня становится обычной практикой миллионов пользователей. Цифровые активы и инновационные финансовые технологии уже не просто модный тренд, а реальность, требующая грамотного юридического оформления и продуманного государственного контроля.

Российское законодательство в этой сфере начало активно формироваться сравнительно недавно. Первым серьезным шагом стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Этот нормативный акт заложил фундамент для дальнейшего развития правового поля, определив базовые понятия и установив основные правила игры для участников рынка. Интересно, что законодатель пошел по пути признания цифровых активов как особой категории имущественных прав, что отличается от подходов некоторых зарубежных юрисдикций.

Согласно данным Банка России, уже к концу 2023 года объем операций с цифровыми финансовыми активами в стране превысил 8 миллиардов рублей, причем динамика роста составила более 240 % по сравнению с предыдущим годом. Эти цифры красноречиво говорят о том, насколько быстро развивается рынок и как важно обеспечить его правовую определенность.

Законодательство выделяет два основных типа цифровых объектов. Первый — собственно цифровые финансовые ак-

тивы, которые представляют собой имущественные права, зафиксированные в распределенном реестре. Второй — цифровая валюта, под которой понимается совокупность электронных данных в информационных системах, но при этом российский закон прямо запрещает использовать ее в качестве средства платежа на территории России. Такое разделение создает определенную правовую ясность, хотя и вызывает споры среди экспертов относительно оптимальности выбранной модели регулирования.

Выпуск цифровых финансовых активов возможен только через специализированные информационные системы, операторы которых должны получить соответствующее разрешение Банка России. Это требование направлено на защиту инвесторов и обеспечение прозрачности рынка. К операторам информационных систем предъявляются жесткие требования по капиталу, системе управления рисками и технической инфраструктуре. На начало 2024 года в России действовало лишь несколько операторов, получивших необходимые лицензии, что говорит о высоких барьерах входа на этот рынок.

Налогообложение операций с цифровыми активами представляет отдельную сложную тему. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 265-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» [2] установил особые правила для этой сферы. Доходы от реализации цифровых финансовых активов облагаются налогом на доходы физических лиц по ставке 13 % или 15 % в зависимости от суммы. При этом налогоплательщики обязаны самостоятельно отчитываться о таких операциях, что создает дополнительную

административную нагрузку и требует финансовой грамотности от участников рынка.

Развитие финансовых технологий получило дополнительный импульс благодаря концепции регуляторных песочниц. Банк России запустил этот механизм в 2018 году, позволяя компаниям тестировать инновационные продукты в ограниченных условиях с временными послаблениями регуляторных требований. За прошедшие годы через регуляторную песочницу прошли десятки проектов, связанных с биометрической идентификацией, дистанционным банковским обслуживанием, использованием технологии распределенных реестров. Такой подход помогает балансировать между стимулированием инноваций и поддержанием финансовой стабильности.

Особого внимания заслуживает вопрос защиты прав потребителей финансовых услуг в цифровой среде. Традиционные механизмы не всегда эффективны применительно к новым технологиям. Законодатель это понимает, и в 2023 году были внесены изменения в закон о защите прав потребителей финансовых услуг, расширяющие полномочия финансового уполномоченного на рассмотрение споров, связанных с цифровыми финансовыми активами. Это важный шаг к созданию доступной системы досудебного урегулирования конфликтов в новой цифровой реальности.

Нельзя обойти вниманием и вопросы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [3] постоянно обновляется с учетом новых вызовов. Операторы информационных систем, обменные сервисы и другие участники рынка цифровых активов включены в перечень организаций, обязанных проводить процедуры идентификации клиентов и сообщать о подозрительных операциях в Росфинмониторинг.

Международный опыт показывает разнообразие подходов к регулированию этой сферы. Если Евросоюздви-

жется к созданию единой регуляторной рамки через регламент MiCA, то США пока сохраняют фрагментированное регулирование на уровне штатов. Китай, напротив, выбрал путь жестких ограничений для частных криптовалют при активном развитии государственной цифровой валюты. Российский подход можно назвать взвешенным — государство не запрещает цифровые активы полностью, но устанавливает четкие рамки их обращения и использования.

Сегодня перед законодателем стоят новые вызовы. Развитие искусственного интеллекта в финансовом секторе, появление децентрализованных финансовых систем, рост популярности токенизации активов требуют дальнейшего совершенствования правовой базы. При этом важно сохранить баланс между инновациями и рисками, между свободой предпринимательства и защитой интересов общества.

Практика показывает, что эффективное регулирование должно быть гибким и адаптивным. Технологии развиваются стремительно, и законодательство не может постоянно отставать от реальности. Именно поэтому использование таких инструментов как регуляторные песочницы, принципы пропорционального регулирования и активный диалог между регулятором и индустрией становятся критически важными.

Подводя итог, можно сказать, что Россия находится на пути формирования целостной системы финансово-правового регулирования цифровых активов и инновационных финансовых технологий. Созданная за последние годы законодательная база уже дает результаты, обеспечивая развитие рынка в правовом поле. Однако впереди еще много работы по совершенствованию нормативной базы, устранению пробелов и противоречий, адаптации законодательства к новым технологическим вызовам. От того, насколько грамотно будет выстроена регуляторная политика в этой сфере, во многом зависит конкурентоспособность российской экономики в цифровую эпоху.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5018.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 265-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5024.
3. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 33 (часть I). — Ст. 3418.

Актуальные проблемы квалификации государственной измены и шпионажа

Волженцев Никита Сергеевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Преступления против безопасности государства представляют одну из главных угроз стабильного существования государства. Центральными преступлениями в этой области, безусловно, являются государственная измена и шпионаж, которые являются преступлениями из категории особо тяжких. Актуальность квалификации указанных преступлений значительно увеличилась с 2022 года, поскольку именно в этом году Россия начала проведения специальной военной операции на территории Украины. В связи с этим, появилось довольно большое количество субъектов, желающих причинить вред нашему государству. Соответственно, это привело к числу как совершиенных, так и предотвращённых преступлений, связанных с государственной изменой и шпионажем. В данной статье будут подробно рассмотрены актуальные проблемы, возникающие в ходе квалификации государственной измены, а также шпионажа.

Ключевые слова: государственная измена, шпионаж, преступления против безопасности государства.

Следует начать с того, что уголовным законом нашей страны, то есть Уголовным кодексом Российской Федерации (далее — УК РФ) закреплена в статьях 275 и 276 ответственность за совершение государственной измены и шпионажа, соответственно [1].

Согласно ст. 275 УК РФ, под государственной изменой понимается «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

В свою очередь, исходя из содержания ст. 276 УК РФ, можно отметить, что шпионаж представляет собой «передачу, сбиение, похищение или хранение в целях передачи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, а также передача или сбиение по заданию иностранной разведки или лица, действующего в ее интересах, иных сведений для использования их против безопасности Российской Федерации либо передача, сбиение, похищение или хранение в целях передачи противнику сведений, которые могут быть использованы против Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов Российской Федерации, совершенные в условиях вооруженного конфликта, военных действий или иных действий с применением вооружения и военной техники с участием Российской Федерации, то есть шпионаж, если эти деяния совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства».

Исходя из приведённых определений, можно сделать вывод о том, что шпионаж может являться как самостоя-

тельным преступлением, так и одной из форм совершения государственной измены.

Перед рассмотрением проблем особенностей квалификации государственной измены и шпионажа, следует пройти ограничение двух приведённых составов.

Во-первых, государственная измена намного шире по своей диспозиции. Государственная измена охватывает большое число общественно-опасных деяний, в число которых входит и шпионаж. Шпионаж, в свою очередь, тоже имеет большое количество действий, совершение которых приводит к квалификации этого преступления, однако их число заметно меньше, нежели чем в государственной измене.

И, во-вторых, данные преступления разграничиваются по субъектному составу. Оба преступления имеют определённые особенности субъекта — он является специальным как в государственной измене, так и в шпионаже.

Однако государственную измену может совершить исключительно гражданин нашей страны, в то время как за шпионаж привлекаются исключительно иностранные граждане, либо же лица без гражданства.

Теперь поговорим о некоторых проблемах квалификации указанных преступлений.

Во-первых, государственную измену, помимо шпионажа, следует ограничивать от разглашения государственной тайны, незаконного получения сведений, составляющих государственную тайну, а также от нарушения требований по защите государственной тайны, ответственность за которые закреплена ст. 283, 283.1, а также 283.2 УК РФ, соответственно.

А. А. Устинов считает, что государственная измена ограничивается от приведённых преступлений по субъективной стороне, потому что при совершении государственной измены преступник обладает некой целью, направленной на непосредственную передачу каких-либо сведений, составляющих государственную тайну, конкретным лицам или организациям, в целях причинения вреда безопасности российского государства, в то время как при преступлениях, упомянутых ранее, умысел преступника направлен на разглашение сведений секретного

характера неопределённому кругу лиц, в том числе и тем, кто даже и не задумываются над причинением вреда безопасности России [2].

На сегодняшний день актуальным вопросом является разграничение государственной измены от добровольной сдачи в плен, которая предусмотрена статьёй 352.1 УК РФ.

Начнём с того, что объектом преступления, закреплённым статьёй 352.1 УК РФ, являются общественные отношения в сфере охраны военной службы, а объектом государственной измены выступает безопасность нашей страны.

Кроме того, существует ограничение и по субъективной стороне. При добровольной сдаче в плен, умысел военнослужащего направлен исключительно на его добровольный переход под власть противоборствующей стороны, без совершения каких-либо действий против России, в то время как переход на сторону противника подразумевает непосредственное участие военнослужащего против Вооружённых Сил или иных войск нашего государства.

Что касается ограничений шпионажа от смежных преступлений, то здесь следует сказать о том, что в УК РФ существует только одно преступление, смежное со шпионажем, которым является государственная измена. О критериях ограничения данных преступлений было сказано выше.

Далее следует выделить ещё пару проблем, связанных с квалификаций государственной измены и шпионажа.

Проблема, связанная с субъектом преступления, является актуальной как и для государственной измены, так и для шпионажа. По государственной измене субъектом является гражданин РФ, а по шпионажу — иностранный гражданин или лицо без гражданства. Но что делать в ситуации, когда то или иное преступление совершается лицом, имеющим двойное, тройное и тп гражданство? За что привлекать данное лицо: за государственную измену или шпионаж?

Действующее законодательство, а также судебная практика нашего государства не даёт ответ на указанный вопрос.

Исходя из диспозиций указанных преступлений, а также исходя из логики, можно предположить, что лицо, обладающее двойным гражданством, при совершении шпионажа, должно быть привлечено именно к государственной измене.

Аргументами в пользу данного убеждения характеризуются тем, что лицо, имеющее гражданство России независимо от способа его получения (по рождению или путём его приобретения) обязан считать Россию своей Отчизной, поскольку является её гражданином. Соответственно, не имеет значения, сколько гражданств имеет

такое лицо: одно российское, два, три или более. Если он является гражданином России, он обязан уважать и защищать нашу страну. Соответственно, если он этого не делает или предпринимает меры, направленные против безопасности нашей страны, то его следует привлечь к уголовной ответственности за государственную измену, за которую, следует подчеркнуть, применяются более строгие санкции, нежели за шпионаж.

Потенциальным решением выявленной проблемы может послужить принятие постановления Пленума ВС РФ или внесение поправок в УК РФ, которые бы разъяснили данный вопрос.

Кроме того, существует ещё одна проблема, связанная с государственной изменой. Суть данной проблемы заключается в том, что в статье 275 УК РФ отсутствуют квалифицирующие признаки.

Проблема заключается в следующем: человек, передав незначительную сумму денег или несущественные сведения иностранному государству, рискует подвергнуться строгому наказанию, хотя реальной угрозы интересам России его действия не несут. Между тем, лицо, разглашающее важные государственные секреты, способные нанести существенный ущерб национальной безопасности, например, информацию о новейших видах вооружений, местоположении стратегических объектов или системах противовоздушной или противоракетной обороны, будет нести примерно такое же уголовное наказание, несмотря на значительно большую опасность совершенных действий.

Один из возможных способов решить данную проблему — внесение изменений в законодательство путём дополнения статьи 275 УК РФ квалифицирующими признаками. Например, можно предусмотреть отдельный пункт части второй статьи 275 УК РФ, предусматривающей ответственность за государственную измену, совершенную лицами, занимающими должности в Федеральной службе безопасности, Федеральной службе охраны, Службе внешней разведки, Вооружённых силах, органах внутренних дел, Росгвардии и аналогичных структурах. Другим пунктом части второй той же статьи могло бы стать усиление наказания за государственную измену, связанную с раскрытием информации о важнейших объектах инфраструктуры России, включая объекты атомной промышленности и энергетики.

Таким образом, в настоящее время существует целый ряд актуальных проблем, связанных с особенностями квалификации государственной измены и шпионажа. Все выявленные проблемы крайне важны и значимы, и требуют скорейшего их решения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Устинов А. А. Уголовная ответственность за государственную измену: совершенствование правовой регламентации // Вестник Прикамского социального института. — 2023. — № 1 (94). — С. 95–100.

Основания и условия проведения различных оперативно-розыскных мероприятий: общая характеристика и проблемные вопросы

Волженцев Никита Сергеевич, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Оперативно-розыскная деятельность является крайне важной и значимой в процессе раскрытия того или иного преступления. Именно оперативно-розыскная деятельность, осуществляется соответствующими компетентными субъектами, приводит к установлению различных фактов по совершённому преступлению, а также к непосредственному поиску и задержанию преступника. Оперативно-розыскная деятельность осуществляется в форме проведения самых разнообразных оперативно-розыскных мероприятий. Однако в настоящее время существует ряд проблем, связанных с основаниями и условиями их проведения, которые будут подробным образом рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, розыск, ОРД, ОРМ.

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД), особенно в последние годы, без всяких сомнений, является самым эффективным способом борьбы с преступностью. Именно сотрудники соответствующих органов, уполномоченных осуществлять ОРД, проводят различные оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ), направленного на установление преступного лица, его поиск и последующее задержание такого лица.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ (далее — ФЗ «Об ОРД»), под ОРД следует понимать «вид деятельности, осуществляемой гласно и не-гласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее — органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств» [1].

В свою очередь, ОРМ представляют под собой определённые действия, совершаемые компетентными государственными органами, которым, в силу различных нормативно-правовых актов, предоставлены полномочия на осуществление ОРД, с целью выявления и раскрытия тех или иных преступлений, добычи конкретной информации о совершенных или планируемых к совершению действиях, направленных на причинение вреда обществу и государству, а также в целях поиска скрывающихся от уголовного преследования или без вести пропавших лиц.

Исходя из анализа ФЗ «Об ОРД», можно сделать вывод о том, что проведение любого ОРМ возможно только при наличии оснований, а также при соблюдении условий его проведения.

Кроме того, упомянутый ФЗ не содержит в своих нормах определений понятий «основания проведения ОРМ» и «условия проведения ОРМ», что, на наш взгляд, является проблемой.

Логичным решением обозначенной проблемы является принятие поправок в ст. 7 и 8, посвящённым основа-

ниям и условиям проведения мероприятий оперативного характера.

Так, например, Л. И. Гаманенко считает, что основаниями ОРМ являются те или иные сведения, имеющиеся в распоряжении соответствующих органов государственной власти, которые наделены правом проводить различные ОРМ [2, с. 489].

В свою очередь, условия проведения ОРМ, по мнению В. И. Зуева, представляют под собой установленные нормативно-правовыми актами определённые правила, которые органы, уполномоченные на проведения ОРМ, обязаны безусловно соблюдать [3, с. 241].

Все основания и условия проведения ОРМ закреплены в ст. 7 и 8 ФЗ «Об ОРД», соответственно.

Данные нормы довольно объёмные, что говорит о том, что законодатель приложил немалые усилия для детализации и конкретизации каждого основания и условия проведения ОРМ в целях наиболее эффективного и законного проведения ОРМ.

Исходя из анализа ст. 7 можно отметить, что ОРМ проводятся при наличии различных сведений о признаках подготовленного или совершающегося преступления, о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия или суда, а также о лицах, пропавших без вести. Для осуществления разнообразных действий оперативного характера необходимы обоснованные предположения о преступной деятельности либо получение письменного поручения следователя, органа дознания либо же иного органа, уполномоченного проводить ОРД. Если речь идёт о мероприятиях, ограничивающих конституционные права граждан, требуется судебное решение. Приведённая норма определяет рамки законности действий сотрудников различных правоохранительных органов, которые в силу действующих нормативно-правовых актов, вправе осуществлять ОРД, при проведении ОРМ.

В свою очередь, ст 8 упомянутого закона детальным образом описывает условия и порядок проведения тех или иных ОРМ, которые, безусловно, затрагивают конституционные права граждан. Проведение ОРМ допускаются лишь при наличии веских оснований, предусмотренных нормативно-правовыми актами и подтверждённых судом,

включая подозрения в подготовке или совершении серьёзных преступлений, угрожающих общественной и государственной безопасности. Исключительные ситуации, требующие немедленных действий, возможны по постановлению руководителя органа, осуществляющего ОРД, однако требуют последующего уведомления суда и подтверждения правомерности ОРМ в течение 24 часов. Если по истечении 48 часов с начала проведения ОРМ орган, проводивший такие мероприятия, не получил уведомление суда, то он обязан немедленно прекратить осуществление ОРМ. Кроме того, приведённая норма также регулирует правила прослушивания телефонных разговоров, использования проверочных закупок и внедрения агентов, устанавливая строгие ограничения и требования к процессу фиксации и хранения полученной информации.

Проанализировав ст. 7 и 8 ФЗ «Об ОРД» можно выделить ещё одну актуальную и очень дискуссионную проблему, посвящённая условиям и основаниям проведения ОРМ.

Суть данной проблемы заключается в том, что законодатель, несмотря на подробное описание всех условий и оснований проведения ОРМ, оставляет некоторые нюансы весьма расплывчатыми.

Так, например, в некоторых случаях для начала проведения ОРМ достаточно лишь разрешение начальника органа, проводившего ОРМ.

Это, без всяких сомнений, вызывает целый ряд вопросов о том, что такая проблема приводит к возможности злоупотребления полномочиями со стороны оперативников, которые фактически могут проводить какие-либо ОРМ без законных оснований.

Данная проблема, на наш взгляд, не поддаётся правильному и эффективному решению по некоторым причинам.

В обществе, при обсуждении указанной проблемы, люди разделились на две основные группы. Первая группа считает, что нужно срочно вносить поправки в действующее законодательство в целях избежания «беспредела» со стороны правоохранительных органов.

Вторая группа считает, что законодатель поступил правильно, закрепив именно такие варианты ст. 7 и 8 ФЗ «Об

ОРД», поскольку все тонкие нюансы урегулировать невозможно, и законодатель сделал всё, что было в его силах.

Нам близка именно вторая группа людей, поскольку интересы общества и государства всегда должны быть выше интересов одного человека. Даже если сотрудники оперативных подразделений незаконно получают сведения о частной жизни того или иного человека, и при этом эти сведения не выходят в широкий доступ, то, по нашему мнению, это допустимо. В качестве аргумента в пользу данного мнения можно привести то, что оперативники, получая излишнюю информацию, минимизируют вероятность обнаружения преступников, которые совершили или собираются совершить какое-либо преступление.

Иными словами, для общества и государства будет намного лучше, если компетентные сотрудники будут проверять каждого человека, что позволит практически полностью исключить совершение каких-либо крупных и опасных преступлений по типу террористического акта, диверсий, шпионажа, государственной измены и т. д., нежели будут обладать слишком узкими полномочиями на проведения ОРМ, что приведёт к тому, что хотя оперативники и перестанут негласно нарушать конституционные права граждан, рано или поздно такие сотрудники не обнаружат готовящееся преступление, которые в последующем совершился и приведёт к большим жертвам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в нормах, касающихся оснований и условий проведения ОРМ, есть определённые проблемы, некоторые из которых подлежат разрешению, а некоторые нет. Так, например, проблема, связанная с отсутствием на законодательном уровне таких понятий, как «основания проведения ОРМ» и «условия проведения ОРМ», решается относительно просто путём внесения поправок в ст. 7 и 8 ФЗ «Об ОРД», в то время как проблема, связанная с негласным нарушением оперативниками конституционных прав граждан, связанных с личной, семейной и иной тайной, не подлежит эффективному разрешению без нанесения вреда интересам общества и государству.

Литература:

1. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон [от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1995. — № 33. — Ст. 3349.
2. Гавриков Е. В. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 2. — С. 488–490.
3. Зуев В. И. Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2011. — № 1. — С. 241–244.

Особенности тактики допроса матери новорожденного ребенка

Гурина Дарья Евгеньевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются особенности проведения допроса матери новорожденного ребенка, подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ.

Ключевые слова: убийство матерью новорожденного ребенка, новорожденный ребенок, тактика допроса матери новорожденного ребенка

Тактика допроса женщины, подозреваемой в совершении убийства своего новорождённого ребенка, обладает ярко выраженной спецификой, обусловленной особым психофизическим и эмоциональным состоянием допрашиваемой, а также сложностью доказывания субъективной стороны преступления.

Допрос на первоначальном этапе часто является важным следственным действием, результаты которого определяют дальнейшее направление расследования. Его основными задачами являются: установление всех обстоятельств произошедшего, включая мотивы, условия и способ совершения деяния; получение информации, позволяющей проверить причастность женщины к преступлению; а также закрепление и уточнение данных, добытых иными процессуальными и оперативно-розыскными способами.

В юридической науке представлено множество классификаций следственных ситуаций, возникающих в процессе допроса. Среди них наиболее рациональной и объективной представляется типология, разработанная Н. И. Порубовым. Согласно его подходу, все ситуации подразделяются на две основные категории:

1) бесконфликтная ситуация — когда задержанный признаёт свою вину и предоставляет правдивые показания;

2) конфликтная ситуация — когда задержанный отрицает причастность к преступлению [3, с. 43].

Часто задержанные матери признают свою вину и идут на сотрудничество со следствием, однако в практике встречаются и иные случаи.

При расследовании данной категории преступлений допрос подозреваемых должен осуществляться немедленно [1, с. 84].

Как и любое следственное действие, подготовка к допросу имеет важное тактическое значение. Следователь обязан до его начала собрать максимально возможный объем информации о личности подозреваемой (возраст, социальное положение, состояние психического и физического здоровья, особенности характера, отношение к беременности), а также располагать результатами осмотра места происшествия, заключением судебно-медицинской экспертизы трупа ребенка и, если она проводилась, освидетельствования самой женщины. Целесообразно заранее подготовить вещественные доказательства (предметы одежды, постельное белье, орудие преступления), которые могут быть предъявлены в ходе допроса.

Рабочий этап допроса условно можно разделить на несколько этапов:

1. Установление психологического контакта. Необходимо расположить допрашиваемую к себе, подтолкнуть ее к диалогу.

2. Стадия свободного рассказа. На этой стадии необходимо дать женщине возможность изложить свою версию событий в свободной форме, не прерывая ее. Это позволяет оценить степень ее искренности, выявить противоречия и заготовленную легенду. Следователь должен демонстрировать спокойствие и объективность, избегая как обвинительного уклона, так и излишнего сочувствия, которое может быть воспринято как манипуляция.

3. В процессе допроса после свободного изложения событий следователь переходит к уточняющим вопросам, охватывающим весь временной промежуток — от беременности до последующих событий. Основное внимание уделяется следующим аспектам:

- осознание наступления беременности;
- попытки её скрытия;
- обстоятельства родов (место, время, интенсивность болевых ощущений);
- состояние новорождённого после появления на свет (наличие признаков жизни: крик, движения);
- действия в отношении тела ребёнка и плаценты;
- мотивы, побудившие скрыть факт родов.

4. Заключительная стадия допроса, в ходе которой завершается оформление протокола допроса.

В ходе допроса для обеспечения полноты и объективности получаемых показаний, а также фиксации эмоционального состояния допрашиваемой целесообразно использовать средства аудио и видеозаписи.

По делам данной категории крайне важно установить подлинный мотив преступления, который может варьироваться от страха перед осуждением, материальными трудностями до психопатологических расстройств или влияния третьих лиц. Необходимо тщательно выяснить обстоятельства, которые могут свидетельствовать о нахождении в состоянии психофизиологического аффекта, вызванного родами.

Как показывает практика, женщины, подозреваемые в убийстве новорождённого ребёнка, чаще имеют среднее либо неоконченное высшее образование. Данный фактор может быть учтён следователем при планировании до-

проса и использован для разрешения конфликтных ситуаций в ходе следственных действий.

А. А. Закатов выделяет ряд приёмов психологического воздействия на подозреваемых с невысоким уровнем образования:

1. Разрушение иллюзии о недостаточности доказательной базы против допрашиваемого.
2. Аргументация в пользу того, что правдивые показания способны смягчить наказание, а не усугубить положение.
3. Убеждение в отсутствии необходимости скрывать информацию о соучастниках, поскольку следствие располагает достаточными данными.
4. Разъяснение, что откровенные показания не приведут к разглашению личной информации и не причинят вреда близким [2, 51].

Одним из ключевых тактических приёмов в подобной ситуации выступает формирование у подозреваемой представления о высокой информированности следователя. Этого можно достичь следующими способами:

- демонстрация осведомлённости о круге общения и образе жизни подозреваемой;
- предъявление доказательств;
- оглашение показаний иных лиц.

Подобные действия создают у допрашиваемой впечатление, что следствие располагает исчерпывающей информацией о её противоправных действиях.

Перечисленные тактические приёмы представляют собой лишь часть арсенала криминалистической тактики. Их применение должно быть обусловлено конкретными обстоятельствами дела, а выбор определяться особенностями каждой следственной ситуации.

Таким образом, правильно организованный допрос матери новорождённого ребёнка выполняет не только функцию доказательственного инструмента, но и обладает существенным криминалистическим потенциалом: способствует выявлению возможных соучастников, обнаружению новых вещественных доказательств и воссозданию целостной картины совершенного преступления.

Литература:

1. Антощук, А. А. Особенности допроса женщины, подозреваемой в убийстве новорожденного. Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54).
2. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984.
3. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: учеб. пособие. М., 1998.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

Карл Маркс и его концепция гражданского общества: теоретическое наследие

Драчук Роман Вячеславович, студент магистратуры

Научный руководитель: Резванова Лариса Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Сочинский филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В данной статье рассматривается теоретическое наследие Карла Маркса в области исследования феномена гражданского общества. Авторы акцентируют внимание на марксистской трактовке гражданского общества как исторически сформировавшегося, а не естественного образования, детерминированного конкретными экономическими отношениями. Подчёркивается взаимосвязь буржуазного гражданского общества и государства, где последнее служит инструментом защиты интересов доминирующего класса. Раскрывается роль классовой борьбы пролетариата как движущей силы, ведущей к преодолению классовых антагонизмов, отмиранию государства и снятию противоречий между обществом и политической властью. Делается вывод о исторической изменчивости институтов гражданского общества и сохраняющейся эвристической ценности марксистского подхода для анализа современных политических и социальных процессов.

Ключевые слова: Карл Маркс, гражданское общество, государство, буржуазия, пролетариат, классовая борьба, отмирание государства, экономический базис, исторический материализм, политическая теория.

Проблема генезиса гражданского общества как специфического социального феномена, а также происхождения самого понятия, его обозначающего, занимает

важное место в философской мысли. В научной литературе неизменно анализируются взгляды Т. Гоббса и Ж.-Ж. Руссо, а также проводится ретроспективный анализ

трудов античных философов — Платона и Аристотеля. В данном исследовании фокус внимания сосредоточен на концепции немецкого философа Карла Маркса.

В XIX столетии научные дискуссии о природе гражданского общества и его взаимоотношениях с государством достигли своего апогея. В контексте вопроса о допустимости государственного вмешательства в частную сферу особое значение придавалось социальным институтам, выполняющим роль посредников между индивидом и государственным аппаратом.

Со второй половины XIX века в европейской общественно-политической мысли утвердилась концепция социализма как формы социального устройства, основанной на коллективной собственности, общественном планировании и рациональном регулировании человеческих взаимодействий.

Именно с этих методологических позиций Маркс подходил и к теории гражданского общества. Разделяя важность разграничения гражданского общества и государства, он наследует традиции эпохи Просвещения. При этом Маркс рассматривает гражданское общество не как естественное состояние, а как исторический продукт развития. Гражданские общества представляют собой исторические образования, для которых характерны специфические формы производства, соответствующие им производственные отношения, классовая структура и классовая борьба, а также адекватные механизмы защиты. С точки зрения Маркса, современные ему гражданские общества, будучи историческими явлениями, имеют не только своё начало, но и свой конец. Они порождают пролетариат — класс, который, будучи порождён в недрах гражданского общества, фактически исключён из него; класс, который, по замыслу Маркса, должен положить конец существованию всех классов, а следовательно, и буржуазного гражданского общества.

Специфика буржуазной эпохи, по Марксу, заключается в том, что впервые в истории общественные классы стали формироваться на сугубо экономической основе. В феодальном обществе ключевые элементы социальной жизни (собственность, семья, труд) были воплощены в институтах лендлордизма, сословий и корпораций. Частная сфера в её современном понимании отсутствовала, а судьба индивида была неразрывно связана с организацией, к которой он принадлежал.

Маркс неоднократно подчёркивает исторический характер гражданских обществ, видя в них экономическую форму, в рамках которой буржуазия созидаёт мир по своему образу и подобию. В этой системе государство становится сугубо политическим институтом, а гражданское общество — сугубо экономическим. В отличие от Гегеля, Маркс никогда не наделял государство характеристикой «всеобщего». Государство, в его понимании, всегда является выразителем интересов господствующего класса. В условиях капитализма государство превращается в инструмент обслуживания интересов буржуазии, в средство её защиты от растущей угрозы со стороны пролетариата. Армия и по-

лиция становятся оплотом защиты этих интересов. Подобное буржуазное государство, как отмечал Маркс на примере Франции 1848 года, легко эволюционирует от представительского строя к режиму военной диктатуры [1].

По сути, государство, по мнению К. Маркса, представляет собой институт насилия, который не только отражает, но и закрепляет частные, партикулярные интересы гражданского общества. «Правовые отношения, так же точно, как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа... они коренятся в материальных жизненных условиях, совокупность которых Г. Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом»» [2].

Как уже отмечалось, сущность гражданских отношений и государственного устройства Маркс выводит из исторически конкретных экономических форм. Он полагает, что в Новое время экономическое развитие привело к разделению государства и гражданского общества, однако рассматривает это как явление переходное. Государство этого периода — это отчуждённая социальная власть, а борьба за преодоление этого отчуждения закономерно ведёт к отмиранию государства. Гражданское общество порождает универсальный класс — пролетариат, сопротивление которого капиталистическому способу производства представляет собой не «войну всех против всех», а борьбу между общественными классами.

К. Маркс был убеждён, что борьба пролетариата приведёт к упразднению государственных структур буржуазного строя, экспроприации эксплуататоров и переходу средств производства под контроль ассоциированных производителей. В процессе этой классовой борьбы будет снято противоречие между гражданским обществом и государством. Пролетариат реализует своё стремление к самоопределению в условиях стабильного и гармоничного строя, где власть будет принадлежать всем или же никому. «Свобода состоит в том, чтобы превратить государство из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный» [3].

К. Маркс считал, что успешная борьба рабочего класса за установление контроля над гражданским обществом создаст предпосылки для упразднения государства. Для обеспечения подлинной свободы индивида необходимо разрушить барьеры, разделяющие различные сферы жизни, и расширить возможности для самореализации. Философ допускал возможность ликвидации традиционного государственного аппарата и замены его простыми административными функциями.

Все члены коммуны смогут принимать решения по общественным вопросам напрямую, без привлечения специализированных политических институтов для достижения консенсуса и урегулирования конфликтов. Правительственные функции трансформируются в простые административные задачи. Исчезнет сама фигура гражданина как субъекта, действующего совместно с другими в поддержку или против определённых политических целей. По сути,

социалистическое гражданское общество более не будет нуждаться в государстве. Какими бы утопичными ни казались сегодня рассуждения К. Маркса о будущем, очевидно, что институты гражданского общества XVIII–XIX веков — это не неизменные, данные от природы структуры, попытка модификации которых сопряжена с риском, а продукт определённых общественных отношений, сложившихся в конкретный исторический период.

Таким образом, проведённый анализ демонстрирует, что проблемы гражданского общества занимали центральное место в трудах ведущих мыслителей прошлого, и это не случайно. Без понимания сущности гражданского общества невозможно постигнуть формы государственного устройства, политическую сферу жизни общества в целом, а также современные процессы, происходящие в гражданском обществе в контексте глобализации.

Литература:

- Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс, К., Энгельс, Ф. Избр. произведения: в 3 т. — М., 1970. — Т. 1. — С. 394–487; Маркс, К. Гражданская война во Франции // Там же. — Т. 2. — С. 219.
- Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — Т. 12. — С. 710.
- Маркс, К. Критика Готской программы // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — Т. 19. — С. 26.

Правовое регулирование агентского договора в РФ

Егорова Анастасия Геннадьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу правового регулирования агентского договора в Российской Федерации. Анализируются предмет и существенные условия договора, требования к форме и оформлению полномочий агента, особенности исполнения обязательств сторон.

Ключевые слова: агентский договор, агентирование, принципал, агент, посреднические обязательства, возмездность, доверенность, субагент, лицензируемая деятельность, недействительность договора, судебная практика.

Агентский договор, закрепленный в главе 52 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [1], является одним из базовых инструментов оформления посреднических отношений в гражданском обороте. Его распространение связано с необходимостью перераспределять между участниками не только имущественные потоки, но и юридические, информационные и организационные функции [5, с. 57].

Регулирование строится на сочетании специальных норм главы 52 ГК РФ и общих положений о сделках и договорах, при этом статья 1011 ГК РФ отсылает к правилам о поручении и комиссии в зависимости от того, от чьего имени действует агент. Существенную роль играют разъяснения Пленума ВАС РФ о свободе договора [3] и Пленума ВС РФ по вопросам недействительности сделок и исковой давности [4], а также практика арбитражных судов и судов общей юрисдикции, формирующая критерии квалификации агентских отношений и пределы договорной свободы.

Согласно пункту 1 статьи 1005 ГК РФ агентский договор — это соглашение, по которому одна сторона (агент) обязуется за вознаграждение совершать по поручению другой стороны (принципала) юридические и иные действия от своего имени, но за счет принципала либо от имени и за счет принципала. В этом определении сконцентрированы ключевые характеристики.

Во-первых, договор имеет посреднический характер: агент действует в интересах и за счет принципала, обеспечивая возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей у принципала либо у себя с последующей передачей результата принципалу. В доктрине обоснованно подчеркивается, что такая модель удобна для структурирования сетевых и платформенных бизнес-схем, когда юридический и фактический компонент обслуживания клиентов концентрируется у агента [5, с. 60].

Во-вторых, агентский договор занимает промежуточное положение между поручением и комиссией. Если агент действует от своего имени, но за счет принципала, применяются положения о комиссии; при действии от имени и за счет принципала — нормы о поручении. В отличие от обоих договоров, предмет агентского договора шире: он охватывает не только заключение сделок, но и фактические действия (поиск клиентов, маркетинг, техническое сопровождение реализации товаров и услуг и т. п.) [6, с. 274].

В-третьих, договор всегда возмездный, что прямо следует из легального определения и системного толкования главы 52 ГК РФ. Условия, фактически лишающие агента права на вознаграждение либо ставящие его произвольную выплату в зависимость от односторонней оценки принципала, в судебной практике нередко призна-

ются недействительными либо приводят к выводу о несоответствии соглашения модели агентского договора.

Существенным условием агентского договора является его предмет — совокупность юридических и иных действий, которые агент обязан совершить по поручению принципала. В учебной литературе подчеркивается необходимость такой конкретизации предмета, которая позволяет идентифицировать тип поручаемых действий и хозяйственный результат, но не требует исчерпывающего перечисления каждой возможной операции [6, с. 275].

Доктрина и практика исходят из того, что допустимо как детальное описание поручения, так и формулировка предмета через общие полномочия агента (например, организация сбыта товара принципала на определенной территории) [6, с. 276].

К агентскому договору применяется простая письменная форма, обязательная для сделок между юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Она может выражаться как в едином документе, подписанным сторонами, так и в совокупности связанных документов (договор, приложения, спецификации, переписка) [5, с. 55]. Несоблюдение письменной формы не влечет недействительности договора, если такое последствие прямо не установлено законом или соглашением сторон, но ограничивает допустимые средства доказывания.

Особое значение имеет оформление полномочий агента. Если агент действует от своего имени, представительства не возникает и доверенность от принципала не требуется. Если же агент совершает сделки от имени принципала, он должен быть наделен надлежащими полномочиями. Они могут вытекать как из отдельной доверенности, так и из текста письменно заключенного агентского договора, где прямо определен объем полномочий.

Исполнение агентского договора заключается в совершении агентом комплекса действий, направленных на достижение предусмотренного договором результата для принципала. На агента возлагается обязанность действовать добросовестно, в пределах предоставленных полномочий, предоставлять отчеты с приложением подтверждающих документов. Принципал обязан предоставить необходимую информацию и документы, своевременно принять исполненное, возместить расходы и уплатить вознаграждение.

Судебная практика последовательно требует документального подтверждения исполнения: отчеты агента, акты, реестры заключенных сделок, платежные документы. В одном из дел АС Уральского округа, оценивая спор о взыскании вознаграждения, указал, что отсутствие отчетов и первичных документов, подтверждающих сделки, не позволяет признать факт исполнения доказанным [14].

Разграничение агентского договора с подрядами и договорами возмездного оказания услуг проводится по характеру результата и по участию третьих лиц. Предметом подряда является выполнение работы с материальным результатом, а не совершение действий в чужих интересах;

соответствующую позицию занимал АС Северо-Кавказского округа, квалифицируя отношения как подряд, а не агентирование [8]. В другом деле АС г. Москвы обратил внимание, что при отсутствии взаимодействия с третьими лицами и ориентации на нематериальный результат отношения сторон ближе к договору возмездного оказания услуг, а не к агентскому [9].

Значимый блок споров связан с разграничением агентского договора и трудового договора. Судебные органы сопоставляют подчиненность внутреннему распорядку, характер контроля, регулярность и порядок выплат. Так, Верховный Суд Республики Коми, анализируя отношения с «агентом по продажам», учел фактическую включенность лица в кадровую структуру и режим работы организации и пришел к выводу о наличии трудовых, а не агентских отношений [11]. АС Поволжского округа в аналогичной ситуации квалифицировал формальный агентский договор как способ обхода трудового законодательства и страховых взносов [15]. Эти дела демонстрируют, что одной лишь ссылкой на «агентский договор» стороны не могут изменить публично-правовую оценку их фактических отношений [2], [10], [14].

Статья 1007 ГК РФ допускает включение в агентский договор ограничений прав сторон: принципал может обязаться не заключать аналогичных договоров с другими агентами или воздерживаться от самостоятельной деятельности аналогичного профиля; агент может взять на себя обязательство не работать с конкурентами принципала на определенной территории. В литературе такие условия рассматриваются как элемент согласования коммерческих интересов сторон.

Судебная практика в целом признает допустимость договорной эксклюзивности при условии соблюдения антимонопольного законодательства. Вместе с тем суды негативно относятся к попыткам распространить ограничения на круг третьих лиц. АС Дальневосточного округа указал, что запрет агенту реализовывать товары принципала определенным категориям покупателей нарушает базовые принципы гражданского оборота и подлежит квалификации как ничтожное условие [17]. Девятый арбитражный апелляционный суд признал недействительным условие, фактически исключавшее конкурентов принципала с рынка путем навязывания агенту дискриминационных обязанностей [18]. Санкт-Петербургский городской суд критически оценил попытку ограничить списком лиц круг потенциальных контрагентов, указав, что такие положения не могут затрагивать правосубъектность третьих лиц [21].

Особый пласт проблем связан с участием агента в лицензируемых видах деятельности. При исполнении агентского договора агент не освобождается от обязанности иметь лицензию на те виды деятельности, которые в соответствии с законом подлежат лицензированию. В постановлении Третьего арбитражного апелляционного суда указано, что агент, фактически осуществлявший деятельность в сфере азартных игр без лицензии, подлежит при-

влечению к ответственности независимо от наличия лицензии у принципала [12]. ФАС Восточно-Сибирского округа подчеркнул, что лицензиат не вправе «делегировать» разрешение на осуществление лицензируемой деятельности агенту: каждый участник, выполняющий лицензируемые операции, должен иметь собственную лицензию [13].

Недействительность агентского договора оценивается с учетом общих оснований главы 9 ГК РФ и специальных императивов главы 52. По общим правилам ничтожные сделки не порождают правовых последствий, за исключением связанных с их недействительностью, а последствия выражаются преимущественно в двусторонней реституции и взыскании необоснованного обогащения [4]. Пленум ВС РФ обращает внимание на специфику исчисления исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожных и оспоримых сделок, что распространяется и на агентские договоры [4].

Суды отдельно рассматривают ситуации, когда недействительность агентского договора не должна «обрушить» заключенные в его исполнение сделки с третьими лицами. В одном из дел АС Западно-Сибирского округа, признавая агентский договор недействительным, сохранил силу договора купли-продажи, заключенного агентом с третьим лицом, указав, что для оценки действительности внешней сделки решающим является соответствие закону и наличие полномочий агента, а не судьба внутреннего посреднического соглашения [19].

Наконец, важен вопрос о договорных условиях, противоречащих императивам главы 52. АС Северо-Кавказского округа признал ничтожным условие, фактически исключавшее возможность получения агентом вознаграждения, расценив его как подрывающее саму природу агентского договора [20]. Аналогичный подход прослеживается и в делах, где агент фактически лишен экономического интереса к исполнению, что приводит либо

к частичной недействительности условий, либо к выводу о несоответствии соглашения модели агентирования [16], [17], [18].

Агентский договор в российском праве выступает универсальным инструментом структурирования посреднических отношений, сочетающим гибкость договорного содержания с наличием ключевых императивов, обеспечивающих защиту интересов принципала, агента и третьих лиц. Нормы главы 52 ГК РФ в сочетании с отсылкой к поручению и комиссии позволяют адаптировать модель к различным экономическим задачам, не дробя регулирование на множество узко специализированных договорных типов.

Анализ законодательства, доктрины и судебной практики показывает, что наиболее проблемными остаются вопросы: определения и достаточной конкретизации предмета агентского договора, документального подтверждения исполнения, разграничения агентских и трудовых отношений, допустимости договорной эксклюзивности и иных ограничений, участия агента в лицензируемых видах деятельности, а также последствий недействительности посреднического соглашения. В этих сегментах решающую роль играют правовые позиции судов, конкретизирующие абстрактные нормы ГК РФ и фактически задающие стандарты поведения для участников оборота.

В целом действующая нормативная модель может быть признана концептуально устойчивой, однако сохраняет значительное пространство для дальнейшей доктринальной проработки. Наиболее перспективными представляются исследования, посвященные влиянию цифровых платформ на содержание агентских отношений, уточнению критериев разграничения агентских договоров с иными гражданско-правовыми и трудовыми конструкциями, а также выработке единых подходов к оценке недействительности и последствий дефектных агентских соглашений.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. N 14-ФЗ (часть вторая) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 3.
3. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС Гарант.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Бычков А. И. Договорные конструкции, используемые при построении бизнеса. М.: Инфотропик Медиа, 2024. — 112 с.
6. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Гражданское право: отдельные виды договоров: учебник. М.: Юстицинформ, 2017. — 380 с.
7. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.01.2021 № 17АП-7535/20 // СПС Гарант.
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16.02.2016 № Ф08-312/16 // СПС Гарант.
9. Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 04.10.2018 по делу № А40-154966/2018 // СПС Гарант.
10. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.06.2015 № 19АП-1370/15 // СПС Гарант.
11. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 24.07.2017 по делу № 33-4981/2017 // СПС Гарант.

12. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 26.01.2021 № 03АП-7301/20 // СПС Гарант.
13. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22.07.2013 № Ф02-2939/13 // СПС Гарант.
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.09.2016 № Ф09-8301/16 // СПС Гарант.
15. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.06.2017 № Ф06-20744/17 // СПС Гарант.
16. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2019 № 17АП-11688/19 // СПС Гарант.
17. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.11.2018 № Ф03-4731/18 // СПС Гарант.
18. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.07.2022 № 09АП-37296/22 // СПС Гарант.
19. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.03.2022 № Ф04-8378/21 // СПС Гарант.
20. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 22.11.2010 по делу № А53-867/2010 // СПС Гарант.
21. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 03.11.2016 по делу № 33-21896/2016 // СПС Гарант.

Проблемы правового регулирования агентского договора в российском правопорядке: квалификация и прекращение

Егорова Анастасия Геннадьевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются две ключевые проблемы правового регулирования агентского договора (Глава 52 ГК РФ), создающие риски для правового обеспечения бизнеса. Первая проблема — квалификация предмета договора, а именно «иных» (фактических) действий, и его разграничение с договором возмездного оказания услуг. Вторая, центральная проблема — законодательный пробел в статье 1010 ГК РФ и вызванная им коллизия судебной практики по вопросу о возможности досрочного одностороннего отказа от срочного агентского договора. Автор анализирует существующие в правоприменении подходы и предлагает направления совершенствования Гражданского кодекса РФ.

Ключевые слова: агентский договор, договор комиссии, договор поручения, прекращение договора, односторонний отказ, статья 1010 ГК РФ, статья 1011 ГК РФ, пробел в праве, правовая коллизия, маркетплейс.

Актуальность агентского договора (Глава 52 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]) в современном российском обороте трудно переоценить. Он стал де-факто основной правовой моделью для целых отраслей новой экономики, включая деятельность маркетплейсов, туристический и рекламный бизнес. Причина такой популярности — в гибкости конструкции, позволяющей сочетать в одном договоре функции представителя (поручение) или комиссionера (комиссия) с оказанием широкого спектра «иных», то есть фактических, услуг. Однако, правовое регулирование агентирования страдает от существенных пробелов и внутренней противоречивости, что порождает конфликты судебных позиций и снижает правовую определенность для бизнеса.

1. Проблема квалификации предмета договора.

Определяющее отличие агентирования от классических поручения и комиссии — его предмет. Статья 1005 ГК РФ определяет его как «юридические и иные действия». Если предмет комиссии — только сделки, то предмет агентирования шире.

Проблема возникает при разграничении агентирования и договора возмездного оказания услуг (ДВОУ, Глава 39 ГК РФ). Судебная практика выработала четкий

критерий: для квалификации договора как агентского по Главе 52 необходимо наличие в предмете как юридических, так и фактических («иных») действий. Если договор предусматривает только фактические действия (поиск клиентов, маркетинг, сбор информации) без совершения сделок, он должен квалифицироваться как ДВОУ. Если же он предусматривает только совершение сделок — это комиссия или поручение.

Этот дуализм предмета создает удобство для бизнеса (например, маркетплейс не только заключает ДКП от имени селлера, но и хранит, рекламирует, доставляет товар), но и сложности в регулировании. Главная сложность — применение к этим «фактическим» действиям норм о посредничестве.

2. Критический анализ коллизии при прекращении срочных агентских договоров.

Центральной проблемой Главы 52 ГК РФ является правовая неопределенность в вопросе досрочного прекращения срочных договоров по инициативе принципала.

2.1. Законодательный пробел.

Статья 1010 ГК РФ, посвященная прекращению агентского договора, детально перечисляет основания. В их числе — отказ одной из сторон от исполнения договора,

заключенного без определения срока. О праве на отказ от срочного договора статья умалчивает.

При этом статья 1011 ГК РФ предписывает субсидиарно применять к агентированию нормы о поручении (Глава 49 ГК РФ) или комиссии (Глава 51 ГК РФ), если это не противоречит Главе 52 или существу агентского договора. Обе главы (статья 977 ГК РФ — поручение, и статья 1003 ГК РФ — комиссия) разрешают принципалу (доверителю/комитенту) отказ от договора «в любое время», то есть и от срочного.

Это породило фундаментальный конфликт в судебной практике¹, которая разделилась на несколько подходов.

2.2. Анализ конфликтующих судебных позиций.

Позиция 1 (Подход А). Отказ от срочного договора запрещен (статья 1010 ГК РФ — *lex specialis*).

Суды, придерживающиеся этой позиции, считают, что статья 1010 ГК РФ является специальной нормой, которая исчерпывающе регулирует основания прекращения [2]. Раз она разрешает отказ только от бессрочного договора, она *a contrario* (от противного) запрещает отказ от срочного. Применение по аналогии статьи 1003/977 (через статью 1011 ГК РФ) прямо «противоречит существу» агентского договора. Аргумент: агентский договор — коммерческий, стабильный, часто инвестиционный, а не фидуциарный, как поручение. Поэтому здесь действует общий запрет статьи 310 ГК РФ на односторонний отказ от срочного предпринимательского договора.

Позиция 2 (Подход Б). Отказ от срочного договора разрешен (статья 1010 ГК РФ — пробел). В рамках этого подхода суды видят в статье 1010 ГК РФ пробел, который необходимо восполнить по прямому указанию статьи 1011 ГК РФ [3].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Постановление ФАС Московского округа от 30.07.2014 N Ф05-6455/2014 // СПС Гарант.
3. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.02.2012 N А56-8197/2011 // СПС Гарант.
4. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 03.11.2017 N Ф10-4467/2017 // СПС Гарант.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2015 N Ф05-10812/2015 // СПС Гарант.

Если агент действует по модели комиссии (от своего имени), применяется статья 1003 ГК РФ, разрешающая отказ комитента (принципала).

Если агент действует по модели поручения (от имени принципала), применяется статья 977 ГК РФ, разрешающая отказ доверителя (принципала).

Позиция 3 (Свобода договора). Отказ разрешен, если он предусмотрен договором. Эта позиция обходит коллизию, ссылаясь на статьи 310 и 421 ГК РФ: поскольку статья 1010 ГК РФ прямо не запрещает отказ, стороны вправе сами его предусмотреть в срочном договоре [4, 5].

Существующий дуализм в практике и доктрине недопустим. Позиция 1 (Запрет) лучше отражает экономическое существование современного агентского договора, который в статье 1010 ГК РФ (в отличие от статей 1002 и 977 ГК РФ) даже не прекращается смертью принципала, что подчеркивает его не-личный, стабильный характер. Однако Позиция 2 (Разрешение) более корректна с точки зрения формально-юридической техники из-за прямой ссылки в статье 1011 ГК РФ.

Для устранения этой коллизии необходимо прямое вмешательство законодателя. Предлагается: дополнить статью 1010 ГК РФ нормой, прямо регулирующей отказ от срочного договора (например, разрешив его, но обусловив выплатой неустойки или полным возмещением убытков); уточнить статью 1011 ГК РФ, исключив субсидиарное применение норм о прекращении (статьи 977–978, 1002–1004 ГК РФ), как противоречащих существу агентирования.

Это вернет в коммерческий оборот правовую определенность, критически важную для правового обеспечения бизнеса.

Влияние технологического развития и цифровизации на административное право

Есин Никита Михайлович, студент;
Торба Анастасия Александровна, студент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье рассматриваются основные изменения в системе административного права под влиянием технологического развития и цифровизации. Анализируются новые формы административных процедур, цифровые платформы оказания государственных услуг, проблемы защиты персональных данных и кибербезопасности. Предложены направления дальнейшего совершенствования административного права в контексте цифровизации.

ления совершенствования административного законодательства в условиях цифровой трансформации. Сделан вывод о необходимости адаптации административно-правовых механизмов к вызовам современности.

Ключевые слова: административное право, цифровизация, государственные услуги, электронное правительство, персональные данные, искусственный интеллект, регулирование, административные процедуры.

Impact of technological development and digitalization on administrative law

The article examines the main changes in the administrative law system under the influence of technological development and digitalization. It analyzes new forms of administrative procedures, digital platforms for providing public services, and the problems of personal data protection and cybersecurity. The article proposes ways to improve administrative legislation in the context of digital transformation. It concludes that it is necessary to adapt administrative and legal mechanisms to the challenges of the modern world.

Keywords: administrative law, digitalization, public services, e-government, personal data, artificial intelligence, regulation, administrative procedures.

Введение

Россия занимает важное место в современном мире благодаря своему геополитическому положению и способности адаптироваться к глобальным технологическим изменениям. Цифровая трансформация, охватывающая все аспекты общественной жизни, оказывает значительное влияние на систему государственного управления и правовую сферу в целом.

Тенденции и угрозы, связанные с развитием технологий, отражены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и программе «Цифровая экономика». В XXI веке эффективность государственного управления напрямую зависит от внедрения цифровых технологий, что требует соответствующего правового регулирования.

Административное право, регулирующее деятельность органов исполнительной власти, находится на переднем крае этих изменений. Традиционные административные процедуры, формы контроля и надзора, а также способы взаимодействия государства и граждан трансформируются под воздействием цифровизации, искусственного интеллекта и анализа больших данных.

Актуальность темы исследования обусловлена:

- 1) необходимостью теоретического осмысливания новых цифровых реалий в административно-правовой науке;
- 2) потребностью в совершенствовании административного законодательства для эффективного регулирования цифровой среды;
- 3) возможностью повышения качества государственных услуг и прозрачности управления за счет внедрения современных технологий.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного управления в условиях цифровой трансформации.

Предмет исследования — нормы административного права и практика их применения, требующие адаптации к технологическому развитию и цифровизации.

Основные положения

Современное состояние цифровизации административных процессов

Анализ существующей системы государственного управления свидетельствует о активном внедрении цифровых платформ, таких как «Госуслуги», Единая система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и др. Однако нормативная база, регулирующая их использование, зачастую отстает от темпов технологического развития.

Так, многие административные регламенты не учитывают возможность полностью автоматизированного принятия решений, что создает правовые пробелы и ограничивает потенциал цифровизации.

Данные недостатки усугубляются рядом противоречий:

1) между объективной необходимостью использования больших данных и искусственного интеллекта (ИИ) в государственном управлении и отсутствием адекватных административно-правовых механизмов, обеспечивающих права граждан;

2) между стремлением к повышению эффективности управления через автоматизацию и требованием сохранения человеческого контроля за принятием юридически значимых решений.

Методология и организация исследования

В ходе исследования была выдвинута рабочая гипотеза, согласно которой разработка и внедрение специального цифрового административного регламента, основанного на рискориентированном подходе и использовании данных, позволяют повысить эффективность предоставления государственных услуг без снижения уровня защиты прав граждан.

Задачи исследования:

- 1) выявить современное состояние и проблемы цифровизации в деятельности органов исполнительной власти;

- 2) разработать и обосновать модель цифрового административного регламента на примере предоставления отдельных государственных услуг;
- 3) провести экспериментальную апробацию разработанной модели в pilotных органах власти;
- 4) разработать практические рекомендации по совершенствованию административного законодательства.

Экспериментальная часть и результаты

На первом этапе был проведен анализ нормативно-правовой базы и опрос 50 государственных служащих из двух试点ных регионов. Результаты показали, что 78 % респондентов сталкиваются с проблемами правового характера при использовании цифровых систем.

На втором этапе был разработан цифровой административный регламент для услуги «Постановка на кадастровый учет недвижимости», предусматривающий

использование элементов ИИ для предварительной проверки документов и рискориентированного подхода для определения интенсивности последующего контроля.

На третьем этапе был проведен эксперимент. Сотрудники Управления Росреестра по N-ской области были разделены на две группы:

1. Экспериментальная группа — 15 человек: работала по новому цифровому регламенту с использованием системы анализа данных.

2. Контрольная группа — 15 человек: продолжала работать по стандартному регламенту.

Критериями эффективности были выбраны:

- 1) срок оказания услуги (в рабочих днях);
- 2) количество отказов в предоставлении услуги из-за неполного пакета документов;
- 3) удовлетворенность граждан качеством услуги (по 5-балльной шкале).

Показатель	Контрольная группа	Экспериментальная группа
Срок оказания услуги, дни	9,5	6,2
Количество отказов из-за неполного пакета документов, %	12	4
Удовлетворенность граждан, баллы	3,8	4,5

Заключение

По итогам исследования были сделаны выводы о том, что основными направлениями совершенствования административного права в условиях цифровизации являются:

- 1) разработка и внедрение цифровых административных регламентов, которые предусматривают использование больших данных, искусственного интеллекта и рискориентированного подхода;
- 2) создание гибкой нормативной базы для регулирования алгоритмов и ИИ, включая вопросы ответственности за автоматически принимаемые решения;
- 3) усиление защиты персональных данных и повышение киберустойчивости государственных информационных систем;
- 4) развитие цифровых компетенций государственных служащих для эффективной работы в новых условиях;

5) обеспечение принципа прозрачности (транспарентности) при использовании алгоритмических систем для принятия решений.

Результаты проведенного эксперимента подтвердили рабочую гипотезу: внедрение разработанного цифрового регламента позволило повысить эффективность предоставления государственной услуги в среднем на 30 % без увеличения рисков и с соблюдением прав граждан.

В целом совершенствование административного законодательства с учетом технологического развития позволит:

- 1) повысить качество и доступность государственных услуг;
- 2) оптимизировать административные процедуры и снизить нагрузку на органы власти;
- 3) создать благоприятные условия для дальнейшей цифровой трансформации государственного управления.

Тем самым будет обеспечено соответствие административно-правового регулирования современным вызовам и потребностям общества.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500166&dst=100001#7Cqcu2VUUlacDOcm>
2. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=503689&cacheid=2A2ADB74B57DB5D185C3CA2A0ED6991E&mode=splus&rnd=2LrnQ#ziCfu2VKJQg7vrz7>
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>

4. White Paper on Artificial Intelligence: a European Approach to Excellence and Trust / European Commission. — 2020. — URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-02/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf
5. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утратил силу). — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391>
6. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=518041#Z2ihu2Vu4IXUiPw41>
8. Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422007&dst=1000000001&cacheid=CE5531FEB3CDCFC4B41C653E62D68F7&mode=splus&rnd=2LrnQ#5t4iu2VzUDYcgwgT>
9. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных». — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=1000000001&cacheid=12D059E971EB757C578DEEAD12A75E1F&mode=splus&rnd=2LrnQ#jldiu2Vo0va3REoI>

Меры процессуальной ответственности за нарушения, допускаемые присяжными заседателями

Загалаева Сабина Загалавовна, студент магистратуры

Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск)

В статье автор анализирует уголовно-правовое законодательство, регулирующее ответственность присяжных заседателей, исследует судебную практику по вопросам, связанным с отменой приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных. Автором приводятся примеры допущения существенных нарушений присяжными заседателями во время рассмотрения уголовного дела. Автор разработал положения, которые, возможно, помогут снизить количество нарушений требований законодательства, которые установлены для присяжных заседателей.

Ключевые слова: ответственность, законодательство, присяжный заседатель, суд, вердикт, приговор, нарушения, денежное взыскание.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации присяжные заседатели обладают особыми полномочиями. Их задача — устанавливать доказанность или недоказанность инкриминируемого подсудимому деяния, причастность подсудимого к этому деянию и его виновность в совершении вмененного деяния. Закон закрепляет определенный процессуальный статус присяжного заседателя, который способствует реализации возложенных на него полномочий.

В настоящий момент ч.3, 4 ст.333 УПК РФ в отношении присяжного заседателя предусмотрено две меры уголовно-процессуального принуждения: денежное взыскание за неявку в суд без уважительных причин и отстранение от участия в рассмотрении уголовного дела в случае нарушения требований, определенных ч.2 ст.333 УПК РФ [1].

Исходя из смысла законодательства и судебной практики, указанные санкции возможно применить только на стадии рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции.

В судебной практике есть множество случаев, когда приговоры, вынесенные на основании решений при-

сяжных, отменяются. Причиной для отмены становятся нарушения, допущенные присяжными при вынесении вердикта, которые противоречат части 2 статьи 333 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанная проблема, на наш взгляд, имеет систематический характер, поскольку влечет за собой отмену приговора. Отмена приговора предусматривает рассмотрение дела заново в другом составе суда. В судебной практике имеются примеры, когда одно и то же дело пересматривалось более 2-х раз. Направление дела на новое рассмотрение снова и снова влечет нарушение принципа разумных сроков уголовного судопроизводства, возникают затруднения в представлении имеющихся в деле доказательств ввиду объективных причин, падает авторитет органов расследования, прокуратуры, суда, кроме того, это довольно материально затратный процесс.

На наш взгляд, введение новых мер ответственности присяжных заседателей позволит значительно уменьшить количество приговоров, отменяемых судом вышестоящей инстанции.

Приведем судебную практику по отмене приговоров ввиду нарушения присяжными заседателями требований ч.2 ст.333 УПК РФ.

В Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 N 77-1239/2022 указано на нарушение присяжными заседателями п. 2 ч. 2 ст. 333 УПК РФ. п. 2 ч. 2 ст. 333 УПК РФ. Во время исследования вещественного доказательства, на котором, как указано в протоколе осмотра места происшествия, имелись следы деформации, присяжный заседатель допустил реплику: «Это изгиб просто». Оценка доказательств не допустима до удаления в совещательную комнату для вынесения вердикта. Защитник вступил в прямое общение с присяжными заседателями, дав аналогичную оценку вещественному доказательству, в результате чего недопустимые сведения были доведены до коллегии присяжных заседателей [2]. Приговор Верхнекамского районного суда от 19 августа 2021 года, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда от 26 октября 2021 года отменены.

Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 N 77-605/2020. Коллегия присяжных заседателей после удаления в совещательную комнату в 12 часов 44 минуты возвратилась в зал судебного заседания в 14 часов 14 минут в связи с необходимостью получения от председательствующего дополнительных разъяснений по поставленным вопросам, при этом старшина заявил, что «возник вопрос по 9 вопросу. Мы согласны, что были причинены травмы потерпевшему, а где и когда, как нам указать, есть сомнения. Может, он куда-то уходил, этого мы не можем знать, если непонятно место, то и кто это мог сделать, подсудимый или какие-то другие лица». После получения разъяснения председательствующего коллегия удалилась в совещательную комнату, в 14 часов 18 минут коллегия возвратилась в зал судебного заседания; после замечаний председательствующего, касающихся только ответа на вопрос 12, коллегия вновь вернулась в совещательную комнату, откуда вышла в 14 часов 22 минуты. После изучения вердикта председательствующим и отсутствия замечаний старшина присяжных заседателей произвогласил вердикт, в соответствии с которым на 9 вопрос о доказанности действия дан положительный ответ, за исключением места нанесения травм, а на 10 вопрос о доказанности совершения действия подсудимым В. — отрицательный. Таким образом, еще до вынесения вердикта старшина присяжных заседателей в нарушение п. 5 ч. 2 ст. 333, ст. 341 УПК РФ сообщил свое мнение об ответе на 9

и 10 вопросы, нарушив тайну совещания коллегии присяжных заседателей [3]. Приговор, апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам отменены.

Исследовав судебную практику по рассматриваемой проблеме, мы видим, что нарушения присяжными заседателями требований ч.2 ст.333 УПК РФ признаются вышеупомянутыми инстанциями существенными. Приговоры, апелляционные определения подлежат отмене, дела направляются на новое рассмотрение в ином составе суда.

В приведенных примерах нарушения были выявлены после вынесения приговора, во время рассмотрения жалоб судами вышеупомянутой инстанции. По смыслу закона к присяжным заседателям возможно применение мер уголовно-процессуального принуждения только на стадии рассмотрения дела в суде первой инстанции. На наш взгляд, присяжные заседатели должны нести ответственность независимо от времени выявления несоблюдения ими требований, предусмотренных ч.2 ст.333 УПК РФ.

Предлагается несколько вариантов решения проблемы недостаточной урегулированности ответственности присяжных заседателей:

— наложение денежного взыскания на присяжного заседателя в размере заработка платы или иного дохода присяжного за период от двух недель до двух месяцев.

Действующее законодательство предусматривает наложение денежного взыскания лишь за неявку присяжного заседателя без уважительных причин в судебное заседание (ч.3 ст.333 УПК РФ).

Механизм реализации данного денежного взыскания предусмотрен ст.118 УПК РФ.

— взыскание с присяжного заседателя, допустившего нарушение, процессуальных издержек, понесенных подсудимым (оплата услуг защитника), судом (компенсационное вознаграждение присяжных заседателей, возмещение присяжному заседателю транспортных расходов на проезд к месту нахождения суда и обратно, почтовые расходы, понесенные судом на стадии формирования коллегии присяжных заседателей).

По результатам рассмотрения уголовного дела судья выносит постановление о наложении денежного взыскания.

Предложенные меры, по нашему мнению, повысят уровень соблюдения присяжными заседателями границ дозволенного им законом поведения. Отступление от этих правил считается процессуальным нарушением и может повлечь за собой отмену приговора.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.10.2024)
2. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 N 77-1239/2022
3. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 N 77-605/2020

Квалификация административных правонарушений в области защиты государственной границы РФ

Закураев Марат Абисалович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проведен анализ положений, предусмотренных главой 18 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Анализируются вопросы, связанные с квалификацией противоправных действий в рассматриваемой сфере, рассматриваются разновидности административных правонарушений в области защиты государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: квалификация, административное правонарушение, административная ответственность, государственная граница Российской Федерации.

Qualification of administrative offenses in the field of protection of the state border of the Russian Federation

The article analyzes the provisions provided for in Chapter 18 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. The article analyzes issues related to the qualification of illegal acts in the area under consideration, and examines the types of administrative offenses in the area of protecting the state border of the Russian Federation.

Keywords: qualification, administrative offense, administrative responsibility, state border of the Russian Federation.

Защита и охрана государственной границы — одно из ключевых условий национальной безопасности России. Обеспечение безопасности в пограничном пространстве, которое включает саму границу, приграничную территорию, воздушное пространство, континентальный шельф и исключительную экономическую зону, является важнейшим элементом защиты личности, общества и государства.

Охрана государственной границы России обеспечивает политическую, экономическую и национальную безопасность, защищая страну от внешних угроз и поддерживая стабильность. Эта деятельность формирует основу защищенности государства, предотвращая противоправные действия и обеспечивая соблюдение пограничного режима.

Действующий Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации содержит целую главу под номером 18, в которой представлены статьи, направленные на регламентацию правонарушений в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечение режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Квалификация административных правонарушений в области защиты государственной границы РФ — это процесс определения соответствия совершенного деяния признакам правонарушений, предусмотренных главой 18 КоАП РФ [1]. Правонарушения квалифицируются путем сопоставления фактических обстоятельств с нормами закона, учитывая объект, субъект, объективную и субъективную стороны. Ключевые виды нарушений включают: нарушение режима государственной границы, нарушение правил въезда/выезда, нарушение пограничного режима в пограничной зоне, а также нарушения, связанные с пребыванием иностранных граждан и другие.

Ст.18.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за нарушение режима государственной границы Российской Федерации. Объектом посягательства правонарушений, предусмотренных данной статьей, является установленный порядок управления в виде режима государственной границы РФ.

Объективная сторона рассматриваемых правонарушений проявляется в ряде конкретных юридических составов, связанных с нарушением режима государственной границы РФ: нарушение правил пересечения государственной границы гражданами РФ, иностранными гражданами и лицами без гражданства; нарушение правил пересечения гражданами государственной границы России на автомобилях или других транспортных средствах, нарушение порядка их следования от государственной границы России через пункты пропуска в обе стороны, нарушение установленного порядка в части, касающейся ведения хозяйственной, промысловой и других видов деятельности без уведомления пограничных органов. Правила, касающиеся ведения хозяйственной и иной деятельности на государственной границе или вблизи нее содержатся в федеральных законах, постановлениях Правительства РФ, действующих в данной сфере и в нормативных актах субъектов РФ.

Анализируя содержание статьи 18.1 КоАП РФ, следует отметить, что административные правонарушения, предусмотренные данной статьей необходимо отграничивать от преступлений, рассматриваемых статьей 322 УК РФ [2]. Ответственность за нарушение статьи 322 Уголовного кодекса РФ применяется за незаконное пересечение государственной границы РФ без документов или разрешения.

Заслуживает особого внимания статья 18.2 КоАП РФ, в рамках которой предусматривается административная

ответственность за нарушение пограничного режима в пограничной зоне. Пограничный режим устанавливает правила, регулирующие въезд, пребывание и передвижение в пограничной зоне, а также хозяйственную и иную деятельность на её территории. Нарушения правил пограничного режима включают незаконные действия, такие как незаконный въезд, временное пребывание и передвижение в пограничной зоне без разрешения. Также к ним относятся ведение хозяйственной деятельности, проведение массовых мероприятий в приграничной зоне без разрешения соответствующих органов.

За нарушение пограничного режима в территориальном море и во внутренних морских водах Российской Федерации устанавливается административная ответственность в соответствии со ст. 18.3 КоАП РФ. В данном случае в качестве объекта посягательств выступает неприкосновенность государственной границы РФ, установленный порядок управления на государственной границе РФ через пограничный режим в морских и внутренних водах, а также в пограничных водоемах.

Объективная сторона данных правонарушений выражается в определенных юридических составах: -нарушения правил при использовании российских маломерных судов и средств передвижения по льду; — осуществление промысловой и иной деятельности без разрешения пограничных органов или с нарушением условий разрешения.

Неприкосновенность государственной границы обеспечивается соблюдением установленных правил режима пунктов пропуска, который регулирует въезд и выезд людей, транспортных средств, а также перемещение грузов, товаров и животных. Этот режим устанавливается для создания необходимых условий для пограничного, таможенного и других видов контроля.

Статья 18.4 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение режима в пунктах пропуска через государственную границу России. Объектом посягательств является неукоснительность государственной границы, установленный порядок нахождения в таких пунктах, а также безопасность личности, общества и государства. Правонарушения проявляются в несоблюдении конкретных правил и режима в пунктах пропуска через государственную границу РФ.

Административные правонарушения, посягающие на режим государственной границы, могут быть совершены как в форме активного противоправного действия, так и в форме бездействия. Противоправное виновное действие физических, юридических и должностных лиц заключается в нарушении установленных правил соблюдения режима государственной границы, пограничного режима, режима в пунктах пропуска через государственную границу, в территориальном море и внутренних морских водах РФ, российской части вод пограничных рек, озер и иных водоемов, континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ. В данной форме совершаются административные правонарушения, предусмотренные

статьями 18.1, 18.2, 18.3, 18.4, 18.5, 18.6, 18.7 (в части, касающейся воспрепятствования исполнению военнослужащим обязанностей по защите государственной границы, посягательства на жизнь, здоровье, честь и достоинство, имущество военнослужащего или членов его семьи в связи с выполнением им этих обязанностей).

Противоправное виновное бездействие, выраженное в отказе от исполнения или умышленном невыполнении законных распоряжений, может являться правонарушением и влечь за собой также административную ответственность. Такое бездействие характеризуется как противоправное, так как противоречит правовым нормам, и виновное, поскольку совершено правоспособным лицом с осознанием его противоправности.

За правонарушения, посягающие на режим государственной границы РФ, российским административным законодательством предусмотрена административная ответственность, которая может включать в себя предупреждение или наложение административного штрафа, а также конфискацию орудий совершения правонарушения.

Субъектами административных правонарушений в области защиты государственной границы России могут являться: — граждане, проживающие в России и достигшие 16 лет; — иностранные граждане и лица без гражданства; — сотрудники пограничных служб и вооруженных сил, отвечающие за соблюдение правил на государственной границе России и обеспечивающие порядок на контрольных пунктах при пересечении границы. — должностные лица предприятий, организаций и общественных объединений; — юридические лица, как российские, так и иностранные. Важно отметить особенности правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства как особых субъектов, нарушающих установленный порядок управления в виде режима функционирования государственной границы России.

Иностранные граждане и лица без гражданства, находящиеся на территории России, могут быть привлечены к ответственности за административные правонарушения на тех же условиях, что и российские граждане, за исключением лиц с дипломатическим иммунитетом. Согласно принципу государственного суверенитета, каждое государство имеет право устанавливать собственные правила привлечения к административной ответственности за правонарушения, совершенные на его территории, в том числе и иностранных граждан, как это предусмотрено статьей 2.6 КоАП РФ.

Вопрос об административной ответственности за административные правонарушения, совершенные на территории РФ иностранными гражданами, пользующихся дипломатическим иммунитетом, решается дипломатическим путем, в соответствии с международным правом и международными договорами.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что административные правонарушения, совершаемые в области защиты государственной границы РФ и предусмотренные главой 18 Кодекса Российской Федерации об ад-

административных правонарушениях, в части касающихся субъектов, можно условно разделить на две группы:

— административные правонарушения, за совершение которых к ответственности на общих основаниях привлекаются российские граждане, иностранные граждане и лица без гражданства (сюда можно отнести нарушение режима государственной границы РФ (ст. 18.1 КоАП РФ), нарушение режима в пунктах пропуска через государственную границу РФ (ст. 18.4 КоАП РФ));

— административные правонарушения, которые применимы только к иностранным гражданам и лицам без гражданства, так как они связаны с соблюдением правил их пребывания на территории России. Российские граждане не могут являться субъектами второй категории правонарушений, поскольку на них не распространяются вышеперечисленные требования. Примерами таких противоправных действий могут быть нарушения режима пребывания, правил въезда/выезда или же незаконная трудовая деятельность. Здесь можно согласиться с точкой зрения В. И. Новоселова, согласно которому все составы административных правонарушений в зависимости от субъектного состава (широкий круг лиц, включающий и российских, и иностранных граждан, и лиц без гражданства; только иностранные граждане и лица без гражданства) можно подразделить на общие (предусмотренные ст. 18.1, 18.4 КоАП РФ) и специальные (ст. 18.8 КоАП РФ) [3, с. 160].

Литература:

- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
- Новоселов В. И. Правовое положение граждан в отраслях государственного управления. — Саратов: 1977. — С.160.

Анализируя положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части защиты государственной границы РФ, мы пришли к выводу, что все предусмотренные виды правонарушений в данной области по непосредственному объекту посягательств можно классифицировать на три группы. Первая группа включает нарушения, которые посягают на предусмотренный законом режим границы государства. Вторая группа включает деяния, посягающие на реализацию и обеспечение режима пограничной деятельности. К третьей группе можно отнести деяния, посягающие на миграционные нормы, связанные с нарушением режима пребывания, проживания и транзитного проезда иностранных граждан в России или с незаконной трудовой деятельностью.

Таким образом, правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и ответственность за их совершение представляются очень важным разделом российского административного законодательства, что подтверждается, в частности, повышенным вниманием к проблематике привлечения виновных лиц к ответственности и разнообразием существующих правовых норм. Это говорит о необходимости проведения тщательного анализа в дальнейшем данного вопроса, для более глубокого понимания темы, выявления наиболее сложных аспектов и разработки эффективных решений.

Теоретические аспекты договора аренды в гражданском праве РФ

Захаров Дмитрий Сергеевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются теоретические аспекты договора аренды в российском гражданском праве. Особое внимание уделяется определению сущности договора аренды, его правовой природе и отличиям от смежных договорных форм, таких как лизинг, найм и безвозмездное пользование. Анализируются объекты аренды, включая движимое и недвижимое имущество, а также права и обязанности сторон по договору.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское право, объекты аренды, права и обязанности сторон, теоретические аспекты, цифровизация.

Договор аренды является одним из ключевых институтов гражданского права, обеспечивающим оборот имущества и регулирующим имущественные отношения между сторонами. Аренда способствует оптимальному использованию имущества, стимулирует экономическую активность и формирует основу для долгосрочных правовых отношений между арендодателями и арендаторами [6].

Сущность договора аренды определяется его юридической природой: это возмездное соглашение, по которому арендодатель обязуется предоставить имущество во временное владение и пользование арендатору, а арендатор обязуется своевременно уплачивать арендную плату и использовать имущество в соответствии с целями договора. В отличие от других гражданско-правовых договоров, таких

как безвозмездное пользование или лизинг, договор аренды предполагает обязательную плату за предоставленное имущество, что формирует коммерческий интерес сторон [1].

Объекты аренды могут быть разнообразными: движимыми (транспортные средства, оборудование, инструменты) и недвижимыми (жилые и коммерческие помещения, земельные участки). При этом правовое регулирование аренды недвижимости отличается от аренды движимого имущества, что связано с особенностями владения, государственной регистрации прав и требованиями к заключению договора [3].

Права и обязанности сторон по договору аренды формируют ядро его правовой конструкции. Арендодатель обязан предоставить имущество в состоянии, пригодном для использования, обеспечить возможность фактического пользования, а также не вмешиваться в деятельность арендатора. Арендатор, в свою очередь, обязан использовать имущество строго по назначению, своевременно уплачивать арендную плату и обеспечивать сохранность имущества. Нарушение этих обязанностей может повлечь ответственность в виде возмещения убытков, уплаты штрафов или расторжения договора.

На практике возникает ряд проблем, связанных с регулированием и применением договора аренды. Одной из наиболее острых является разграничение прав арендатора и третьих лиц, особенно в случаях субаренды или совместного пользования имуществом. Недостаточная конкретизация условий договора часто приводит к спорам о сроках передачи имущества, размере арендной платы и порядке расторжения договора.

Современная теория аренды также сталкивается с новыми вызовами. Появление цифровых платформ, позволяющих дистанционно арендовать недвижимость или оборудование, требует адаптации существующих норм гражданского права к новым форматам правоотношений. Кроме того, наблюдается тенденция к использованию гибридных договоров, объединяющих элементы аренды и лизинга, что осложняет квалификацию правоотношений и практическое применение законодательства [2].

Для повышения эффективности правового регулирования договора аренды можно выделить несколько ключевых направлений, каждое из которых требует конкретизации и практической реализации.

Во-первых, необходимо четко разграничить объекты аренды и формы договора. В настоящее время Гражданский кодекс РФ содержит общие положения о движимом и недвижимом имуществе, однако на практике возникает правовая неопределенность в отношении объектов, которые могут выступать в качестве предмета аренды. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере коммерческой недвижимости, где арендуются торговые площади,

офисные помещения, производственные комплексы и земельные участки под строительство. Разграничение должно предусматривать четкие критерии: к какой категории относится конкретное имущество, какие дополнительные требования предъявляются к его передаче в аренду, необходимость государственной регистрации и соблюдение специальных норм (например, пожарной безопасности, санитарных стандартов). Конкретизация этих положений позволит снизить количество споров и судебных разбирательств, связанных с правовым статусом арендуемого имущества.

Во-вторых, следует установить стандартные критерии определения обязанностей сторон. Сейчас договор аренды часто содержит формулировки типа «арендатор обязан использовать имущество по назначению» или «арендная плата выплачивается своевременно», которые оставляют широкое поле для интерпретаций и споров. Введение стандартизованных правил, регулирующих, например, порядок оплаты (дата, форма, возможность отсрочки), ответственность за просрочку, порядок передачи имущества и возврата при окончании аренды, а также степень допустимого износа имущества, позволит повысить юридическую предсказуемость и снизить риски конфликтов. Кроме того, следует конкретизировать механизмы ответственности за повреждение имущества, включая формирование шкалы ущерба и дифференциацию ответственности в зависимости от степени вины арендатора.

В-третьих, актуально внедрение электронного документооборота и цифровой регистрации договоров аренды. В современных условиях значительная часть сделок с недвижимостью и движимым имуществом осуществляется дистанционно через интернет-платформы и специализированные сервисы. Нормативное закрепление возможности заключения, подписания и хранения договоров аренды в электронном виде, а также их обязательная регистрация в цифровых реестрах позволит исключить недобросовестные практики, обеспечить прозрачность сделок и ускорить процесс передачи имущества. Кроме того, внедрение цифровых инструментов позволит автоматизировать контроль за соблюдением условий договора, своевременной уплатой арендной платы и состоянием имущества, что существенно снизит нагрузку на судебные органы и упростит урегулирование споров.

Таким образом, договор аренды в гражданском праве РФ является сложным правовым институтом, требующим дальнейшего теоретического осмысления и практического совершенствования. Выявленные проблемные моменты и предложенные меры могут способствовать формированию более стабильной правоприменительной практики, снижению количества споров и обеспечению баланса интересов арендодателей и арендаторов.

Литература:

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями)// СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, часть вторая, часть третья) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Шукшин Д. А. Особенности заключения договора аренды зданий и сооружений // Вестник науки. — 2025. — № 11 (92). — С. 366376.

Правоприменительная практика договора аренды: проблемы и тенденции

Захаров Дмитрий Сергеевич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу правоприменительной практики договора аренды в гражданском праве Российской Федерации. Рассматриваются ключевые проблемные ситуации, возникающие при реализации арендных правоотношений, включая споры о размере и своевременности уплаты арендной платы, порядке передачи имущества, ответственности сторон за повреждение имущества, а также особенности аренды коммерческой и жилой недвижимости.

Ключевые слова: договор аренды, гражданское право, судебная практика, арендная плата, ответственность сторон, правоприменение, цифровизация.

Договор аренды является важным инструментом гражданского-правового оборота, обеспечивая временное владение и пользование имуществом с целью извлечения экономической выгоды. Несмотря на ясность теоретических положений, на практике арендные правоотношения часто сопровождаются спорами и трудностями при их правоприменении. Особое значение имеет судебная практика, которая формирует единое понимание норм гражданского законодательства и влияет на развитие правового регулирования аренды.

Наиболее распространённые категории споров, связанных с договором аренды, включают: несвоевременную или неполную уплату арендной платы, нарушение правил пользования имуществом, повреждение или порчу имущества, а также споры о расторжении договора. Например, арендодатели нередко сталкиваются с задержками платежей, которые приводят к финансовым убыткам и ставят под угрозу коммерческую деятельность. Суды при этом оценивают не только фактическое нарушение, но и условия договора, что порой вызывает разногласия в правоприменении, особенно при отсутствии четких критериев определения размера и сроков оплаты [3].

Другой распространённой проблемой является передача имущества в ненадлежащем состоянии. Арендатор обязан использовать имущество согласно назначению и возвращать его в том состоянии, которое предусмотрено договором. Однако на практике возникают споры о степени допустимого износа, а также о том, какие дефекты следует считать результатом нормального использования, а какие — нарушением обязательств. Судебная практика показывает, что отсутствие единых стандартов приводит к различной оценке одной и той же ситуации, что снижает предсказуемость решений и увеличивает количество конфликтов.

Особое внимание уделяется аренде коммерческой недвижимости. Здесь споры чаще всего связаны с изменением условий договора, включая размер арендной

платы, необходимость проведения капитального ремонта, а также порядок продления и расторжения договора. В арбитражной практике встречаются случаи, когда арендаторы требуют пересмотра арендной платы в связи с экономическими трудностями, а арендодатели отказываются изменять условия, ссылаясь на фиксацию ставки в договоре. Такие конфликты подчеркивают необходимость более гибкого и сбалансированного регулирования, учитывающего интересы обеих сторон [2].

Анализ судебной практики показывает, что квалификация арендных правоотношений осложняется в двух ключевых ситуациях: субаренда и гибридные договоры.

Согласно статье 619 Гражданского кодекса РФ, арендатор может передать имущество в пользование третьему лицу только с согласия арендодателя, если иное не предусмотрено договором. На практике это приводит к многочисленным спорам. Например, если арендатор без согласия арендодателя передает помещение в субаренду, арендодатель может требовать расторжения договора, возврата имущества и возмещения убытков. Судебные разбирательства часто показывают, что стороны трактуют «согласие» по-разному: одни суды признают устное согласие достаточным, другие — требуют письменного. Кроме того, возникают вопросы распределения ответственности за ущерб: если субарендатор повредил имущество, арендатор отвечает перед арендодателем, а вопросы компенсации с субарендатора часто решаются отдельно, что удлиняет процесс и увеличивает издержки [1].

В последние годы появляются договоры, объединяющие элементы аренды и лизинга. Например, арендатор получает право пользования имуществом и одновременно обязуется выкупить его по окончании срока договора. Такие гибридные формы вызывают правовую неопределенность, так как не всегда ясно, какие нормы применять: статьи 606–625 ГК РФ об аренде или положения о финансовой аренде (лизинге) из главы 34 ГК РФ. На практике

суды подходят к оценке гибридных договоров по-разному: одни квалифицируют сделку как аренду с опцией выкупа, другие — как лизинг, что влияет на сроки исполнения обязательств, порядок начисления арендной платы и ответственность сторон. Отсутствие единообразной судебной практики создает риск правовой неопределенности, повышает вероятность конфликтов и увеличивает судебные издержки для сторон [2].

В результате и субаренда, и гибридные договоры требуют внимательного юридического анализа при заключении договоров аренды. Рекомендуется включать в договор четкие положения о возможности передачи имущества третьим лицам, согласовании условий субаренды, порядке распределения ответственности за повреждения имущества, а также однозначно определять правовую квалификацию сделки (аренда или лизинг) для предотвращения споров в будущем.

Для совершенствования правоприменительной практики можно выделить несколько направлений.

Во-первых, необходима стандартизация условий договора аренды. Важно закрепить типовые положения о размере и сроках уплаты арендной платы, порядке передачи и возврата имущества, ответственности за повреждения и износ. Стандартизация позволит снизить количество конфликтов и повысить предсказуемость судебных решений.

Во-вторых, актуально внедрение цифровых инструментов контроля. Использование электронных платформ

для регистрации договоров аренды, учета платежей и состояния имущества позволит исключить спорные ситуации, снизить нагрузку на суды и повысить прозрачность отношений. Например, цифровой реестр договоров может фиксировать сроки оплаты и факт передачи имущества, что облегчает доказательную базу в случае спора.

В-третьих, следует укреплять практику предварительного урегулирования споров. Введение обязательного досудебного этапа, включающего медиацию или арбитражное согласование условий договора, позволит оперативно разрешать конфликты и снижать нагрузку на суды.

В-четвертых, необходимо повышать квалификацию правоприменителей. Судьи, арбитры и юристы должны обладать единым пониманием специфики арендных правоотношений, включая различия между коммерческой и жилой арендой, а также особенности гибридных договоров. Единая судебная практика и методические рекомендации помогут исключить произвольные решения и укрепят правовую стабильность.

Таким образом, правоприменительная практика договора аренды в РФ характеризуется высокой степенью конфликтности из-за недостаточной конкретизации условий договоров и появления новых форм арендных отношений. Внедрение стандартов, цифровизация, досудебное урегулирование и повышение квалификации специалистов способны повысить эффективность применения закона, защитить права сторон и обеспечить предсказуемость судебных решений.

Литература:

- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями)// С3 РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, часть вторая, часть третья) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)// С3 РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- Оруджова Д. Х. Проблемы гражданско-правового регулирования отношений по аренде нежилой недвижимости // Проблемы экономики и юридической практики. — 2024. — № 2. — С. 4555.

Становление и развитие принципа презумпции невиновности

Казанова Софья Александровна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

Целью данной статьи является всесторонний анализ принципа презумпции невиновности, который занимает центральное место в системе уголовного права и процесса. Будучи фундаментальным элементом правового государства, данный принцип обеспечивает, что каждое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке.

В статье проведено глубокое исследование принципа презумпции невиновности как одного из ключевых принципов уголовно-правовой системы. Рассмотрены исторические предпосылки формирования данного принципа, его нормативно-правовое закрепление и роль в современном правоприменении. Особое внимание уделено анализу практических проблем реализации презумпции невиновности в судебной практике, а также рассмотрению международных стандартов и сравнительному правовому анализу с целью выявления направлений совершенствования национального законодательства.

В статье анализируется историческое развитие данного принципа, его закрепление в международных правовых актах и национальном законодательстве. Особое внимание уделяется правовой природе и значению презумпции невиновности в контексте современного уголовного судопроизводства.

Автор приходит к выводу о необходимости строгого соблюдения принципа презумпции невиновности для обеспечения справедливости и законности в уголовном правосудии, подчеркивая его роль в защите прав и свобод человека.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовное право, уголовный процесс, правовая природа, уголовное судопроизводство, защита прав человека.

Formation and development of the principle of presumption of innocence

This article is dedicated to the study of one of the fundamental principles of criminal law and procedure — the principle of the presumption of innocence. The presumption of innocence, being a cornerstone of the legal system, guarantees that every individual accused of a crime is considered innocent until proven guilty through due legal process.

The article analyzes the historical development of this principle, its enshrinement in international legal instruments, and national legislation. Special attention is given to the legal nature and significance of the presumption of innocence in the context of modern criminal proceedings.

Key aspects of the practical implementation of this principle are examined, along with the problems and contradictions that arise in its application. The author concludes that strict adherence to the presumption of innocence is essential for ensuring fairness and legality in criminal justice, emphasizing its role in protecting human rights and freedoms.

Keywords: presumption of innocence, criminal law, criminal procedure, legal nature, criminal proceedings, protection of human rights.

В современном правовом пространстве обеспечение и защита прав и свобод личности занимают центральное место в функционировании государства, которое признает человека и его неотчуждаемые права высшей ценностью. Принцип презумпции невиновности, закрепленный в международных правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, является одним из ключевых механизмов защиты этих прав в уголовном процессе. Согласно данному принципу, любое лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в ходе справедливого судебного разбирательства, проведенного в соответствии с установленными законом процедурами.

Этот принцип играет фундаментальную роль в обеспечении справедливости и объективности судебных процессов, предотвращая произвольные преследования и защищая индивида от возможных злоупотреблений со стороны государственных органов. Презумпция невиновности не только гарантирует, что обвиняемый получит честный суд, но и устанавливает высокий стандарт доказательств, который необходимо соблюсти для подтверждения вины. Это способствует снижению риска судебных ошибок и укреплению доверия общества к правовой системе.

Кроме того, презумпция невиновности служит основой для соблюдения других прав и свобод человека, таких как право на защиту, право на равенство перед законом и право на уважение личной неприкосновенности. В условиях глобализации и усиления международного сотрудничества в сфере правосудия, данный принцип становится еще более значимым, обеспечивая единство и совместимость правовых систем различных государств.

Таким образом, принцип презумпции невиновности не только защищает права обвиняемых, но и способ-

ствует укреплению правового государства, где закон стоит выше произвола и обеспечивает баланс между интересами общества и защитой прав личности. В условиях современных вызовов, таких как терроризм, организованная преступность и киберугрозы, соблюдение данного принципа остается критически важным для поддержания правопорядка и защиты фундаментальных свобод человека.

Для всестороннего осмыслиения принципа презумпции невиновности необходимо обратиться к его историческим истокам и эволюции в правовой мысли. Многие исследователи считают, что первоначальным прообразом данного принципа служило положение, сформулированное римскими юристами, известное как «*prae sumptio boni viri*», что в переводе означает: «участник судебного процесса предполагается действующим добросовестно, пока не доказано обратное» [1].

Древнеримское правовое положение стало краеугольным камнем для формирования ряда ключевых принципов современной юриспруденции. В частности, оно заложило основу для концепций правовой презумпции и добросовестности участников правовых отношений. «*Praesumptio boni viri*» отражает фундаментальную идею, что человек должен считаться честным и правомерным до тех пор, пока его противоправные действия не будут доказаны соответствующими органами власти в установленном законом порядке.

Развитие данного принципа на протяжении веков свидетельствует о его устойчивости и значимости в правовых системах различных эпох и культур. В Средние века, на основе римского права, европейские государства начали интегрировать принцип презумпции невиновности в свои национальные правовые системы. Данный процесс получил дальнейшее развитие с принятием Всеобщей декларации прав человека в 1948 году и Международного пакта о гражданских и политических правах в 1966 году, где

принцип презумпции невиновности был закреплен как неотъемлемая часть международного правового порядка.

Современная интерпретация презумпции невиновности выходит за рамки простого признания невиновности обвиняемого до доказательства вины. Она включает в себя обеспечение справедливого и объективного судебного разбирательства, установление высокого стандарта доказательств вины и защиту от произвольных преследований. Этот принцип играет ключевую роль в балансировании интересов общества и индивидуальных прав, способствуя укреплению доверия к правовой системе и предотвращению судебных ошибок.

Кроме того, презумпция невиновности способствует соблюдению других фундаментальных прав и свобод человека, таких как право на защиту, право на равенство перед законом и право на уважение личной неприкосновенности. В условиях глобализации и усиления международного сотрудничества в сфере правосудия данный принцип становится еще более значимым, обеспечивая единство и совместимость правовых систем различных государств.

Дальнейшее развитие римского права привело к формулированию еще одного значимого принципа: «*ei incumbit probatio, qui dicit, non qui negat; cum per regum naturam factum, negantis probation nulla sunt*». В переводе с латыни это означает: «обязанность доказывания лежит на том, кто утверждает, а не на том, кто отрицают; поскольку по природе вещей не существует доказательств отрицательного» [2].

Принцип, сохраняющий свою актуальность и в современной правовой системе, отражает фундаментальную идею о том, что бремя доказывания возлагается на сторону, выдвигающую утверждение или обвинение, а не на ту, которая его опровергает. Такое распределение обязанностей в процессе доказывания является ключевым для обеспечения справедливого судебного разбирательства и защиты прав обвиняемого от необоснованных преследований.

Принцип «*ei incumbit probatio*» играет центральную роль в формировании правовых норм, направленных на предотвращение произвольных обвинений и обеспечение объективности судебных процессов. В современной юриспруденции этот принцип закрепляется в национальных законодательствах и международных правовых актах, подчеркивая важность соблюдения справедливости и равенства сторон в процессе доказывания.

Возложение бремени доказательства на сторону, выдвигающую утверждение, способствует снижению риска судебных ошибок и злоупотреблений со стороны обвиняющих органов, что особенно важно в уголовном процессе, где от правильности доказательств напрямую зависит судьба обвиняемого. Принцип также поддерживает идею презумпции невиновности, поскольку требует от обвинителя предоставить убедительные доказательства вины, а не от обвиняемого доказывать свою невиновность.

Кроме того, данный принцип способствует повышению качества правоприменительной практики, сти-

мулируя стороны процесса к тщательному сбору и представлению доказательств. Это, в свою очередь, укрепляет доверие общества к судебной системе и способствует укреплению правового государства, где решения принимаются на основе объективных и достоверных данных.

В условиях глобализации и интеграции правовых систем различных стран, принцип «*ei incumbit probatio*» становится универсальным стандартом, обеспечивающим согласованность и совместимость правовых процедур. Это позволяет эффективно сотрудничать в сфере международного правосудия, обмениваться лучшими практиками и обеспечивать защиту прав человека на глобальном уровне.

В современном уголовном процессе концепция, изложенная ранее, получила широкое распространение, закрепляя принцип о том, что обязанность доказывания вины обвиняемого возлагается исключительно на сторону обвинения. В рамках действующего законодательства данный принцип реализуется через презумпцию невиновности, которая формулируется следующим образом: каждый обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в судебном процессе в соответствии с установленными законом процедурами [3]. Данное положение подчеркивает, что именно обвинение несет ответственность за предоставление исчерпывающих и убедительных доказательств вины, тогда как обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность.

Распределение бремени доказывания имеет несколько важных последствий для правовой системы. Во-первых, оно обеспечивает защиту прав обвиняемого, предотвращая необоснованные преследования и гарантируя, что обвинение не может основываться на слабых или сомнительных доказательствах. Во-вторых, данный принцип способствует объективности и беспристрастности судебного разбирательства, поскольку требует от стороны обвинения предоставить убедительные доказательства вины, а не от обвиняемого доказывать свою невиновность.

Кроме того, соблюдение презумпции невиновности способствует укреплению доверия общества к судебной системе. Когда граждане уверены, что их права защищены и что обвинение должно доказать их вину, это повышает легитимность правосудия и способствует стабильности правового порядка. В условиях глобализации и взаимодействия различных правовых систем принцип презумпции невиновности становится универсальным стандартом, обеспечивающим согласованность и совместимость правовых процедур на международном уровне.

Несмотря на это, ряд советских правоведов выражали сомнения относительно древнеримского происхождения принципа презумпции невиновности. Они полагали, что данное правовое положение применялось исключительно при разрешении имущественных споров и не распространялось на уголовные дела [4, с. 6].

Однако такая точка зрения вызывает определенные возражения. Во-первых, в римском праве презумпция невиновности имелаuniversalный характер и применя-

лась не только в гражданско-правовых отношениях, но и в сфере уголовного права. Во-вторых, такие деяния, как грабеж, кража, оскорблении чести и достоинства, причинение телесных повреждений, постепенно трансформировались из простых имущественных правонарушений в уголовно наказуемые деяния. Это свидетельствует о расширении сферы применения принципа презумпции невиновности и его адаптации к различным правовым контекстам.

Одним из первых мыслителей, кто четко сформулировал и обосновал этот принцип, считается итальянский правовед XVIII века Чезаре Беккариа. В своем выдающемся труде «О преступлениях и наказаниях» он указывал на то, что никто не должен признаваться преступником до вступления в законную силу обвинительного приговора, а государство не вправе лишать обвиняемого своей поддержки до тех пор, пока не будет доказано, что он нарушил условия, на которых такая защита основывалась [5].

Чезаре Беккариа фактически заложил фундамент современной концепции презумпции невиновности как одного из базовых прав человека, подчеркивая при этом важность справедливого суда и права обвиняемого на квалифицированную защиту. Только после официального признания вины человек мог утрачивать поддержку общества [6].

В отечественной правовой истории первые зачатки принципа презумпции невиновности можно обнаружить уже в XVI столетии. К примеру, в Соборном Уложении 1649 года (глава 21, статья 8) указывалось, что если задержанные лица предъявляют встречные обвинения аналогичного характера своим задержавшим, то подобным заявлениям не следует автоматически доверять. Императрица Екатерина II выступала против применения пыток как средства получения показаний и настаивала на том, что лучше освободить нескольких виновных, чем осудить по ошибке невиновного. Она пыталась закрепить принцип презумпции невиновности в ряде законодательных актов, в том числе в «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения», однако общественно-политическая среда ее времени не была готова к столь радикальным изменениям [7].

На международном уровне признание презумпции невиновности было окончательно закреплено в 1940–1950-х годах XX века благодаря принятию ряда важных документов, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948 года. В СССР этот принцип впоследствии был отражен в статье 7 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года и в статье 13 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 года, а позднее — в статье 160 Конституции СССР 1977 года, где указывалось, что «никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом».

В правовой системе современной России принцип презумпции невиновности занимает особое место и за-

креплен на уровне Конституции, что подчеркивает его ключевую роль в защите прав и свобод граждан. В части 1 статьи 49 Конституции Российской Федерации установлено, что «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и подтверждена вступившим в законную силу приговором суда» [8]. По сути, это означает, что окончательное признание лица виновным допускается лишь после прохождения всех предусмотренных законом процедур и официального вступления приговора в силу.

Одно из важных следствий такого подхода — запрет трактовать в качестве подтверждения вины любые промежуточные меры пресечения (например, заключение под стражу), а также обвинительный вердикт, если он еще не вступил в законную силу. Данное требование направлено на обеспечение объективности и справедливости судопроизводства, гарантируя, что обвиняемый не будет преждевременно лишен прав и свобод, пока его вина не будет доказана надлежащим образом.

Наука уголовного права и процессуальная практика едины во мнении, что конституционное закрепление презумпции невиновности выступает фактором, укрепляющим доверие граждан к судебной системе. Как отмечает Григонис В. П., отражение фундаментальных прав человека в Основном законе предполагает, что государство принимает на себя прямую обязанность соблюдать и защищать эти права, включая право на презумпцию невиновности [9]. С позиций правовой теории это формирует своеобразный «щит», который препятствует любым формам произвольных обвинений, возлагая бремя доказывания на соответствующий государственный орган.

В части 3 статьи 49 Конституции России содержится дополнение, развивающее данный принцип: «Неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого». Эта норма служит процессуальной гарантией, исключающей осуждение при неполноте или недостаточной доказанности фактов, лежащих в основе обвинения. Такой подход усиливает смысловую нагрузку принципа презумпции невиновности и подтверждает, что законодатель видит в нем фундамент института защиты прав человека.

Если обратиться к историческому контексту, можно заметить, что идеи о презумпции невиновности постепенно складывались и закреплялись в правовых системах на протяжении веков — от римского права до современных международных документов и национальных законов. В современной России данный принцип получает дополнительное развитие и конкретизацию в уголовно-процессуальном законодательстве, включая досудебные стадии. Как указывает ряд авторов, презумпция невиновности действует с момента возбуждения уголовного дела и остается актуальной до вступления приговора в законную силу, обеспечивая всестороннюю защиту обвиняемого от возможных нарушений его прав.

С научной точки зрения такой режим не только обязывает правоохранительные органы всесторонне изучать все обстоятельства по делу, но и устанавливает процессуальные гарантии, препятствующие предвзятости на любом этапе расследования и судебного разбирательства. Это в том числе стимулирует сбор доказательств должного качества и формирование прозрачной и уравновешенной процедуры оценивания улик. В конечном счете, объективное и непредвзятое применение презумпции невиновности не просто защищает отдельное лицо от возможных ошибок правосудия, но и укрепляет идеалы правового государства, в котором верховенство права служит базисом для стабильного и справедливого развития общества [10].

Таким образом, презумпция невиновности в российском законодательстве — это не только формальный принцип, но и практический инструмент обеспечения справедливости, уважения к личности и доверия к судебной системе. Ее историческое становление, конституционное закрепление и конкретная процессуальная реализация свидетельствуют о том, что данное правовое

предписание занимает одно из центральных мест в современной концепции прав человека и верховенства права.

В настоящее время возникает множество вопросов, связанных с применением на практике принципа презумпции невиновности. Существует мнение, что на стадии судебного разбирательства данный принцип находит свое наиболее полное отражение по сравнению с досудебными стадиями производства по делу. Основные положения законодательства по данному вопросу сводятся к тому, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а отказ от дачи показаний не может служить основанием для предположения о его виновности.

Несмотря на дискуссии и полемики, возникающие у научного сообщества, УПК РФ в статье 14 достаточно четко регулирует содержание принципа презумпции невиновности, раскрывает его конституционно-правовую сущность, другими словами, дает подробное пояснение к норме, закрепленной в Основном законе России.

Наглядно представим содержание принципа презумпции невиновности на рисунке 1.

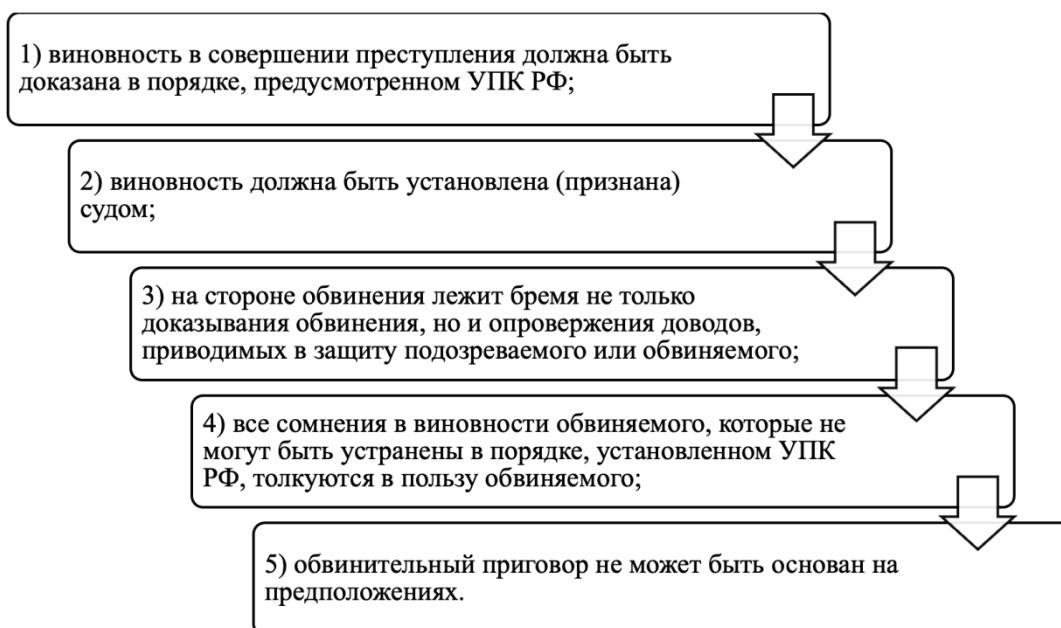

Рис. 1. Содержание принципа презумпции невиновности в соответствии с уголовным-процессуальным законодательством [11]

Таким образом, принцип презумпции невиновности в современном российском уголовном праве и процессе реализуется в строгом, императивном смысле, который предписывает обязательность доказывания вины и опровержения доводов в защиту невиновности обвиняемого всеми предусмотренными УПК РФ средствами. При этом обвинительный приговор не может основываться на предположениях о виновности.

Подводя итоги настоящей статьи, отметим, что в современном мире вопросы обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина неразрывно связаны с построением правового государства, в котором личность, её права и сво-

боды являются высшей ценностью. Принцип презумпции невиновности играет важную роль в обеспечении справедливости в судебной системе любого государства.

Презумпция невиновности как правовой принцип имеет глубокие исторические корни, берущие начало в римском праве. Его развитие и закрепление в различных правовых системах, включая российскую, свидетельствуют о значимости принципа презумпции невиновности для обеспечения справедливого судебного процесса. Важные вехи развития рассматриваемого принципа включают работы Чезаре Беккарии, а также зарождение и развитие их в дореволюционной и советской России.

На сегодняшний день принцип презумпции невиновности в российском уголовном праве и процессе отражает фундаментальную идею о том, что любой обвиняемый считается невиновным, пока его вина не будет доказана в суде.

Принцип презумпции невиновности укрепляет верховенство права и справедливость, являясь основой стабиль-

ного и справедливого общества и государства. Кроме того, данный принцип обеспечивает баланс между государственными интересами и правами человека, поддерживая идеи правового государства и гражданского общества. Историческое развитие данного принципа демонстрирует его важность для современной правовой науки.

Литература:

- Годовалова М. Н. Философско-логические предпосылки исследования презуммирования вины в гражданских отношениях // Вестник Пермского университета. 2020. Вып. 1 (22). С. 74–85.
- Газетдинов Н. И. Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России // Вестн. Моск. ун-та. 2018. № 5. С. 125–128.
- Белкин А. Р. УПК РФ: отменить нельзя поправить? в 2 т. Том 2. Досудебное производство / А. Р. Белкин 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 331 с.
- Булаевский Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве // Журнал российского права. 2010. № 3 (159). С. 63–71.
- Чурикова А. Ю. Презумпция виновности в российском уголовном процессе / А. Ю. Чурикова // Вестник ПАГС. 2020. № 2. — С. 40–46.
- Бабаев В. К. Презумпции в российском праве и юридической практике // Проблемы юридической техники: сб. статей: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 323–330.
- Цуканов Н. Н. Правовые презумпции в административной деятельности милиции: Дис. канд. юрид. наук. Омск, 2001. 120 с.
- Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 04.07.2020.
- Григонис, В. П. Роль Конституционного суда Российской Федерации в системе защиты прав и свобод человека и гражданина // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2020. № 3(48). С. 40–44.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001 г. № 52 (часть I) Ст. 4921.
- Гриненко А. В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов / А. В. Гриненко. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 361 с.

Социальное обеспечение как форма социальной защиты и обеспечения достойного существования граждан в Российской Федерации

Канайкина Татьяна Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор исследует социальное обеспечение как ключевую форму социальной защиты граждан российского государства. Рассматриваются актуальные вопросы социального обеспечения в условиях современных реалий.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная защита, трудная жизненная ситуация.

Система государственного социального обеспечения направлена на защиту наиболее уязвимых слоев населения и обеспечение их минимального уровня жизни.

Социальное обеспечение выполняет две важнейшие функции:

– предоставление поддержки людям, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах, например, потерявшим источник дохода или испытывающим финансовые трудности для удовлетворения основных потребностей;

– предоставление постоянной социальной поддержки тем, кто не способен самостоятельно обеспечивать себя, например, инвалидам с детства, детям-инвалидам и детям-сиротам, а также пожилым людям и лицам, потерявшим кормильца.

Социальное обеспечение может классифицироваться по ряду оснований. Например, по внешнему характеру обеспечения различают денежное и натуральное социальное обеспечение [1, с. 11]. Разновидности социального обеспечения, представляемого наиболее уязвимым категориям населения, представлены в приведенной ниже таблице 1.

Таблица 1. Виды социального обеспечения

Денежные	Натуральные
пенсии, пособия, компенсационные выплаты, субсидии, дотации, страховые выплаты, иные социальные выплаты	предоставление услуг, пищи, жилья, одежды, лекарств и пр.

Указанные виды социального обеспечения являются ключевыми в формировании минимально достойного уровня жизни граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, что позволяет судить о практической реализации конституционных положений относительно социального характера российского государства.

Таким образом, социальное обеспечение не ограничивается лишь передачей финансовых средств или товаров; оно также включает в себя создание необходимых условий для достойного существования, таких как обеспечение жильем и предоставление различных услуг.

Низкий уровень пенсионного обеспечения, который значительно сократил возможности для потребления среди пожилых людей, стал одной из причин увеличения смертности среди этой категории граждан. Кроме того, недостаток действенной системы социальной поддержки для семей с детьми, безусловно, приводит к заметному снижению рождаемости в стране.

В соответствии с перечнем поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, утвержденным Президентом Российской Федерации 26 января 2023 г. № Пр-144, Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и Банком России поручено при реализации мер по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. уделить особое внимание: обеспечению народосбережения, защите материнства и детства, поддержке семей, имеющих детей; опережающему развитию социальной инфраструктуры; повышению благосостояния граждан Российской Федерации.

Например, Правительством Российской Федерации осуществляются мероприятия по поддержке рождаемости, в том числе в молодых семьях и семьях, проживающих в сельской местности, по поддержке многодетных семей, стимулированию рождения детей путем улучшения жилищных условий, по снижению числа абортов и уровня смертности населения.

Так, например, Правительством Российской Федерации реализуется pilotный проект, направленный на стимулирование рождаемости в Новгородской, Пензенской и Тамбовской областях [2].

Пилотным проектом запланированы такие меры, как:

- продление программы материнского (семейного) капитала до 2030 г.;
- увеличение стандартного налогового вычета по налогу на доходы физических лиц: до 2,8 тыс. рублей — на второго ребенка и до 6 тыс. рублей — на третьего и каждого последующего ребенка;
- продление программы семейной ипотеки до 2030 г., при сохранении ставки 6 % для семей с детьми до 6 лет;
- предоставление семьям при рождении третьего ребенка выплаты в 450 тыс. рублей на погашение ипотечного кредита.

С 1 января 2025 г. в законодательстве Российской Федерации вступили в силу значительные изменения, касающиеся социального обеспечения инвалидов, ветеранов, детей и других категорий граждан [3]. Эти нововведения направлены на улучшение мер социальной поддержки, упрощение административных процедур и повышение доступности услуг.

Одним из ключевых аспектов обновлений является изменение порядка обеспечения инвалидов средствами реабилитации, включая технические устройства, такие как протезы и протезно-ортопедические изделия. Изменения коснулись в частности порядка замены указанных технических средств реабилитации, а именно: лица с ограниченными возможностями здоровья за 60 календарных дней до истечения срока использования текущих средств реабилитации вправе в заявительном порядке обратиться за обновлением имеющихся у них специальных устройств, необходимых для обеспечения максимально комфортных условий повседневной жизни таких лиц, наиболее приближенной к жизни обычного человека. Дополнительно введена возможность использования электронных сертификатов для ускорения рассмотренной выше процедуры обновления реабилитационных средств инвалидов.

В подведении итогов рассмотрения социального обеспечения в качестве ключевой формы социальной защиты населения российского государства, отметим, что оно представляет собой комплекс мер (денежных и натуральных), направленных на предоставление минимально гарантированного уровня жизни для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, приобретших особый статус лица с ограниченными возможностями здоровья, то есть наиболее уязвимой категории населения.

Литература:

1. Никифорова, Н. Н. Право социального обеспечения: учебное пособие в схемах, таблицах и определениях. Часть 1 / Н. Н. Никифорова. — СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. — 87 с.

2. О реализации pilotного проекта, направленного на стимулирование рождаемости: постановление Правительства Российской Федерации от 31 августа 2023 г. № 1419 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2023. — № 36. — Ст. 6742.
3. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2024 г. № 1811 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 52. — Ст. 8350.

Благотворительные организации как учреждения социальной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (на примере отделения Российского фонда милосердия и здоровья в Мордовии)

Канайкина Татьяна Сергеевна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

В статье автор проводит анализ организационно-правовых особенностей деятельности благотворительных организаций в качестве учреждений по оказанию социальной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, благотворительная организация, социальная помощь, социальное обеспечение.

Деятельность благотворительных организаций осуществляется в рамках законодательства Российской Федерации, которое определяет законность создания этих организаций, основные положения их деятельности, цели, формы в которых они могут создаваться и процесс их функционирования. Общий перечень целей функционирования благотворительных организаций представлен на рисунке 1.

Раскрываются представленные цели в статье 2 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [1], обобщая которые, можно сделать вывод о том, что деятельность благотворительных организаций направлена на решение социальных, культурных, эколо-

гических и гуманитарных задач, стоящих перед обществом. Так, благотворительные организации нацелены, в том числе на поддержку социально уязвимых групп населения (малообеспеченные, беженцы, сироты и др.). Цели деятельности благотворительных организаций отражают стремление к формированию более справедливого и устойчивого общества [2, с. 210].

Благотворительные организации могут быть созданы в различных формах, которые официально закреплены на законодательном уровне (статья 7 Федерального закона о благотворительной деятельности).

Общероссийский благотворительный общественный фонд «Российский фонд милосердия и здоровья» (далее — Фонд) является добровольным самоуправляемым неком-

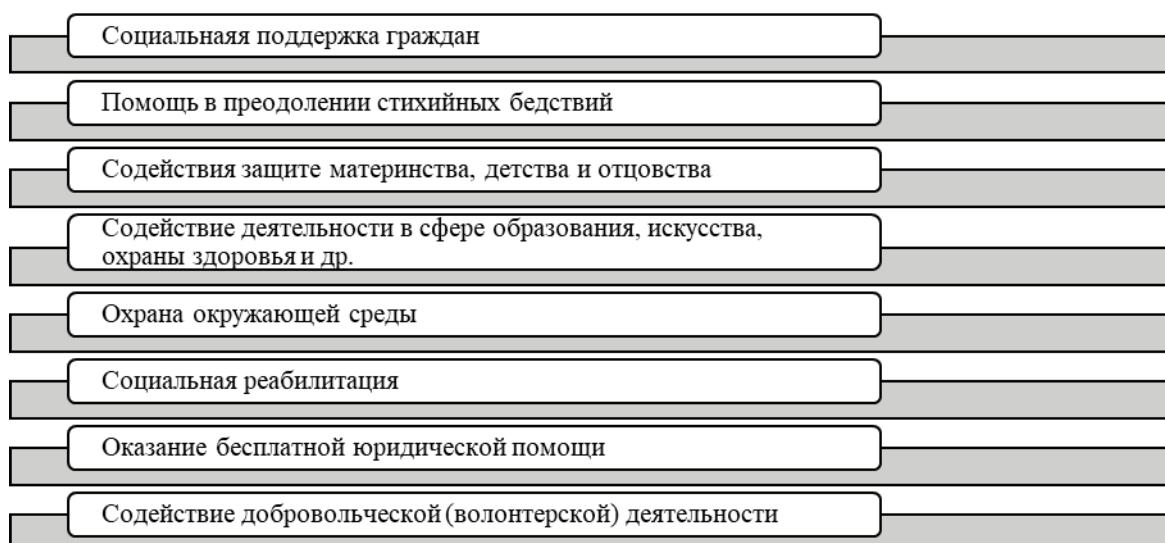

Рис. 1

мерческим формированием, созданным по инициативе общественных объединений, объединившихся на основе общности интересов. Данный Фонд был учрежден 16 сентября 1988 г. в целях социальной поддержки и защиты граждан, оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, содействия разработке и реализации программ, направленных на оказание материальной и медицинской помощи социально-незащищенным слоям населения.

В рамках анализа деятельности Мордовского республиканского отделения Общероссийского благотворительного общественного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья» (далее — МРООБОФ «Российский фонд милосердия и здоровья») определено следующее.

В 2024 году проведено 13 заседаний правления МРООБОФ «Российский фонд милосердия и здоровья», на которых рассмотрены следующие вопросы [3]:

- оказание материальной и натуральной помощи семьям, воспитывающим детей инвалидов, не полным семьям, воспитывающих несовершеннолетних детей — 137;
- оказание материальной помощи людям старшего поколения и инвалидам, попавшим в трудную жизненную ситуацию — 46;
- оказание материальной и натуральной помощи учреждениям здравоохранения, образования и социального обслуживания населения — 37;
- финансово-хозяйственной деятельности и организационно-уставной — 25, проведения благотворительных мероприятий и акций — 13.

В течение года осуществлялся сбор благотворительных средств для оказания материальной помощи малообеспеченным и социально незащищенным гражданам, на лечение онкобольных детей и детей-инвалидов с тяжелой патологией в соответствии с благотворительной программой «Мир меняют люди».

Наиболее активное участие в благотворительной деятельности приняли: Мордовское отделение № 8589 ПАО «Сбербанк России», Федерация профсоюзов РМ, ООО «Сарансккабель-Оптика», АО «Биохимик», ПАО «Электровыпрямитель», ФКП «Саранский механический завод», ЧОУ ДПО «Саранский Дом науки и техники РСНИИОО», АО «Ардатовский светотехнический завод», ГБУЗ РМ «Детская республиканская клиническая больница», Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, депутаты Государственного Собрания Республики Мордовия Чибиркин В. В., Долматова Н. В. и другие.

Активными участниками благотворительной деятельности МРООБОФ «Российский фонд милосердия и здоровья» являются индивидуальные предприниматели. В

2024 г. оказали материальную помощь 34 предпринимателя, некоторые из них оказывают помощь на регулярной основе. Так, ИП Гальцова А. И. ежемесячно перечисляет по 20,0 тысяч рублей, которые МРООБОФ «Российский фонд милосердия и здоровья» направляет на лечение детей с онкологическими заболеваниями и другой тяжелой патологией. Также санаторием «Мокша» и базой отдыха «Сура» завода «Электровыпрямитель» была оказана натуральная помощь в виде путевок (для матери и ребенка) на санаторно-курортное лечение, которые переданы двум семьям участников СВО.

В марте 2024 г. завершена реализация благотворительного проекта «Оптимизм на пенсии», призванного победителем конкурса на предоставление грантов Президента Российской Федерации на развитие общества. 140 граждан пожилого возраста из шести районов Республики Мордовия (Инсарский, Ичалковский, Кочкуровский, Ромодановский, Рузаевский, Старошайговский районы) и трех районов г. о. Саранск активно участвовали в практических и теоретических занятиях по профилактике когнитивных нарушений, сохранению благоприятного психологического самочувствия, физической интеллектуальной активности. Занятия с пенсионерами проводили врачи гериатры, психологи, инструктора ЛФК. Кроме того, для участников проекта были организованы экскурсии в музеи, в театры, посещения святых мест.

Всего на реализацию благотворительных программ, социальных проектов, уставных целей и задач получено денежных средств на сумму 62 964,0 тыс. рублей, в том числе благотворительных пожертвований предприятий, организаций, физических лиц — 12 090,9 тыс. рублей, целевых субсидий — 50 873,1 тыс. рублей, израсходовано за 2024 год — 62 803,5 тыс. рублей.

Материальная помощь, оказываемая в соответствии с благотворительными программами, все выплаты и проводимые акции, на которые направлялись благотворительные средства, соответствуют уставным целям и задачам МРООБОФ «Российский фонд милосердия и здоровья».

Таким образом, предназначением Фонда является осуществление социальной помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а именно инвалидам, гражданам с частичной или полной утратой способности к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом или болезнью, сиротам, малообеспеченным гражданам, безработным, гражданам с отсутствием определенного места жительства, гражданам, столкнувшимся с конфликтами и жестоким обращением в семье, ущербом здоровью, необходимость применения дорогостоящего лечения, ущербом имуществу в результате чрезвычайных ситуаций или стихийных бедствий.

Литература:

1. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. № 33. — Ст. 3340.

2. Шукина Т. В. Благотворительность в России как неотъемлемая компонента российского общества / Т. В. Шукина, А. И. Легкова, А. Д. Кудь // Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: сборник материалов II всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет. — 2023. — С. 209–211.
3. Российский фонд милосердия и здоровья (Мордовское республиканское отделение Общероссийского благотворительного фонда): официальный сайт. — URL: <http://miloserdie.sdnit.ru/home>.

Вещно-правовые способы защиты прав в системе гражданско-правовых способов защиты права собственности

Кецба Виталий Ахраевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Ивнева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский государственный университет

В статье автор исследует группу вещно-правовых способов защиты права как один из основополагающих элементов института гражданско-правовых способов защиты в целом.

Ключевые слова: гражданское право, защита права собственности, виндикационный иск, негаторный иск, иск о признании права.

Вещное право неразрывно связано с теми или иными субъектами-обладателями такого права, которые имеют возможность участия в гражданском обороте путем вступления в различные формы правоотношений, в связи с чем, возникает необходимость определенного механизма защиты таких субъектов. Раскрывая понятие способов защиты обладателей вещных прав, становится возможным определить, что это закрепленные в системе нормативно-правовых актов, средства защиты имущественных прав, подвергнутых нарушению или оспариванию (в результате действий или бездействия иных лиц), направленные на восстановление положения правообладателя, существующее до момента таких притязаний [1].

Система гражданского права предусматривает различные способы и формы защиты субъектов-обладателей вещных прав, которые закреплены на законодательном уровне. К одной из основных групп способов защиты гражданских прав, можно отнести именно вещно-правовые.

Под вещно-правовыми способами защиты права собственности следует понимать комплекс нормативных правовых актов, упорядочивающий систему охраны и восстановления тех или иных прав, носящих абсолютный характер на конкретно определенную вещь.

Ввиду своей абсолютности, основной целью исследуемой группы способов защиты является восстановление прав субъекта на владение, пользование и распоряжение имуществом (вещью). Ничто не должно препятствовать осуществлению данной триады абсолютного права (владение, пользование, распоряжение).

Реализация вещно-правовых способов защиты вещных прав осуществляется посредством обращения в суд с соответствующими требованиями. Основными видами вещно-правовых исков, предъявляемых в защиту имущественного права на конкретную вещь, являются следующие:

– Виндикационный иск (подразумевает истребование вещи из незаконного владения лица, не имеющего титульного права на такую вещь).

Исторический путь формирования такого способа защиты права, как виндикация (vindication), уходит корнями в Древний Рим. Как уже было обозначено в предшествующей главе настоящего научного труда, во все времена, основной миссией виндикации являлось возвращение вещи законному правообладателю из незаконного чужого владения, путем предъявления соответствующей формы заявления. Интерес к истории развития данного института в вещном праве связан также с этапами видоизменения сущности виндикации. Первоначально, стороны возникшего спора считались равноправными участниками, а спорный объект являлся, в некотором смысле, частью личности стороны-инициатора спора. В последующем, стороны спорных правоотношений приобрели более ясный статус (истец и ответчик) с возложением тягот подтверждения правовых оснований владения спорной вещью на сторону истца. Уже спустя длительный период, механизм виндикационного иска сконцентрировал фокус внимания конкретно на спорную вещь, подлежащую истребованию и права на нее (в частности, право владения).

Применяя данный способ защиты права в современных правовых реалиях, инициатору спора о праве важно и нужно представить правовые основания, представляющие правомочие на владение, пользование и распоряжение какой-либо вещью и факт выбытия такой вещи из его владения. По мнению Ю. К. Толстого, общим юридическим основанием виндикационного иска является право (правомочие) владения спорной вещью (истец должен не только указать, что он фактически лишен возможности владеть имуществом, но и доказать, что названная правовая возможность основывается на кон-

крайнем субъективном праве (праве собственности, праве залогодержателя и т. д.) [2].

Как известно, российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, в которой, правоотношения регламентируются согласно нормативным правовым актам, имеющих четкую иерархию и системность. При этом, подобная форма не подразумевает ориентир на судебную практику, что является главным отличительным фактором от англо-саксонской системы права [3]. Однако, несмотря на это, совершенно очевидно, что помимо буквы закона, суды, при вынесении итоговых судебных актов, стали ориентироваться и ссылаться на позиции Высших судов, тем самым, задавая тенденцию к тем или иным направлениям правоприменения, формируя определенную судебную практику в рамках рассматриваемой категории споров [4]. Анализ судебной практики позволяет наиболее четко и ярко выявить наличие или отсутствие пробелов в праве, коллизий или иных проблемных факторов. Данные обстоятельства приводят к усовершенствованию нормативной правовой базы в целом.

– Негаторный иск (направлен на устранение препятствий в пользовании вещью).

Так же, как и виндикационный, негаторный иск своими корнями исходит из права Древнего Рима. По мнению ученых правоведов, негаторный иск сформировался позднее, чем виндикационный на основании сложившихся процессов по преобразованию форм собственности в системе Римского права (абсолютное вещное право стало иметь ограничения). С течением времени, в результате оборотов развития права, механизм негаторной защиты приобрел более четкие границы и правила применения, обогащая вектор в праве, направленный на защиту вещи [5].

Так называемый отрицающий иск (*actio negatoria*) предназначался для охраны правообладателя от различных ограничений в использовании вещи. При этом, важно подчеркнуть, что правообладатель сохранял непосредственное владение спорным имуществом. Однако, при каких-либо препятствиях, у собственника была возможность применения механизма отрицания к ответчику, с целью защиты собственных прав на свою вещь [6].

Ключевым и отличительным фактором исследуемой формы защиты права собственности, относящейся к вещно-правовой, является то, что нарушение проявляется не в выбытии вещи из владения, а в препятствии пользования и распоряжения ею. Кроме того, особенностью негаторного иска становится то, что инициатором таких требований может стать обращаться не только абсолютный правообладатель, но и любое владеющее на каком-либо правовом основании лицо, например, арендатор.

Литература:

1. Азнагулова Г. М., Гаунова Ж. А., Еремина О. Ю. Право как созидатель новой социальной реальности: монография. — М., 2024.

– Исковое заявление о признании права собственности либо иного вещного права.

Такая форма иска предназначена для приобретения документального основания-подтверждения права собственности или иного вещного права конкретного лица на конкретно определенную вещь. Правообладатели, чьи права не зарегистрированы надлежащим образом либо же оспариваются третьими лицами, правомочным заявлять подобные требования в суде, для закрепления своего права и приобретения титула владения вещью.

Признание права, как форма защиты вещи, имеет историю своего становления. Внедрение формы признания права берет свое начало из Римского и Германского права, адаптируясь в последующем под современное нормативно-правовое регулирование исследуемой группы. О существовании концепции заявительной формы в процедуре признания права на вещь в Древнем Риме говорит и российский правовед И. А. Покровский. По мнению ученого, при обнаружении какой-либо формы нарушения или ущемления своего права, заявитель имел возможность обратиться в соответствующий орган с целью защиты своего права, а тот, в свою очередь, рассматривая фабулу, принимал то или иное решение, например, путем признания права лица либо же его восстановления различными методами [7].

Современная правовая система в России предусматривает признание права в рамках рассматриваемых гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по правилам, закрепленным в процессуальных кодексах. Безусловно, свои исковые требования заявителю надлежит строить исходя из наличия материально-правового основания для обращения с соответствующими требованиями в суд к надлежаще избранной стороне участнику-оппоненту (ответчику).

Таким образом, гражданско-правовое способы защиты права нацелены на повышение уровня правосознания и степени доверия социума к правовым механизмам защиты их прав и законных интересов. Реализуя свое право на защиту вещи, общество приходит к согласованности существующей правовой системы и ценностных ориентиров государства в целом, которые закреплены в том числе и в Конституции РФ. Также, обозначенные в исследовании способы защиты направлены на исключение возможного возникновения фактического положения, не соответствующего правовой действительности для участников гражданских правоотношений.

При этом вещно-правовые способы защиты, как основная группа гражданско-правовых способов защиты права, являются фундаментом права собственности. Они обеспечивают не компенсацию, а восстановление — то есть возвращение права в его первоначальном состоянии.

2. Сергеев, А. П., Толстой, Ю. К. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. — М.: Проспект, 2020.
3. Михайлов, А. М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права: учебник. — М.: Юрайт, 2025.
4. Авхадеева, В. Р., Азарова, Е. Г., Андриченко, Л. В. Научные концепции развития российского законодательства: монография. — М.: Норма, 2024.
5. Акимова, М. А., Баринова, М. Н., Демидов, И. А. Римское право: учебно-методическое пособие. — М.: Проспект, 2023.
6. Дождев, Д. В. Римское частное право: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2025.
7. Покровский, И. А. История римского права. — М.: Юрайт, 2025.

Практика применения гражданско-правовых способов защиты права собственности: актуальные вопросы

Кецба Виталий Ахраевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иvnева Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Сочинский государственный университет

В статье автор исследует актуальные вопросы практики применения гражданско-правовых способов защиты права собственности, к которым отнесены, в том числе, проблемы определения добросовестности, открытости, свободы и беспрерывности владения вещью.

Ключевые слова: вещное право, защита права собственности, приобретательная давность, добросовестность, узуокупия.

Право — высшая материя, содержащая в себе множество отраслей и подотраслей, одной из которых является собственность. Ввиду своей безусловности, исключительности и всеобъемлющей исключительности, право собственности нуждается в упорядоченной организации защиты, которая должна базироваться на нормативных основах, закрепленных в структуре законов. Темпы развития вещи, как объекта правоотношений, стремглав с геометрической прогрессией подвергаются эволюционированию и совершенствованию, приобретая новые формы и материю (не всегда осязаемые и ощущаемые). Ввиду обогащения вещи, которая выступает элементом права собственности, расширяется непосредственный комплекс имущественных отношений между субъектами права. Как следствие таким процессам — необходимость непрерывного совершенствования нормативной базы для достижения бесшовного и гладкого применения способов защиты права в зависимости от особенностей сложившегося казуса, нередко обогащенного сложными нюансами. Закон должен отвечать правилам гибкости и обширности применения [1].

Вступая в те или иные правоотношения, его участники приобретают права и обязанности. Учитывая многообразие и сложность структуры таких правоотношений, назревает необходимость правового регламентирования и защиты правовых интересов субъектов-участников. Любое вещное право, в том числе, право собственности, может быть подвержено нарушению либо правопримечанию третьих лиц [2]. Гражданско-правовые способы защиты направлены на восстановление правового положения субъектов правоотношений, существовавшее до его нарушения. Комплекс гражданско-правовых способов

защиты вещного права возможно разделить на определенные группы, к числу которых относятся и вещно-правовые способы. В вопросах защиты нарушенного права собственности, применение вещно-правовой группы механизмов является наиболее эффективным [3].

Зашита права собственности относится к древнейшим институтам, относящимся корнями к Римскому праву. До сегодняшних дней существует две основные формы защиты: виндикационный (не владеющий собственник с требованием вернуть ему вещь обратно); негаторные иски; иски о признании права собственности; иски о признании права собственности в порядке приобретательной давности. При этом, совершенно очевидно, что к защите права собственности стороны прибегают тогда, когда в возникших правоотношениях отсутствует элемент договора, влекущего обязанности.

Закон закрепляет право субъектов на приобретение собственности в отношении вещи при соблюдении ряда условий, к которым относятся: добросовестность, открытость, свобода, беспрерывность. Каждая из данных позиций весьма сложно доказуема и, в некоторой степени, относительна и абстрактна, ввиду чего, на практике, крайне сложно доказать совокупность всех этих факторов одномоментно. Крайне значимо, чтобы владеющий субъект не обладал титулом на вещь и не знал бы и не мог бы знать о том, что у него имеется какое-либо правовое основание для владения ею.

Для применимости механизма приобретательной давности важно соблюдение эффекта комплексности. В историческом и доктринальном смысле, данная ориентация была задана еще классическими и нерушимыми основами юриспруденции, перешедшими в нынешние правовые

реалии из Римского Права, предусматривали институт, именуемый как узукупия (*usucapio*) — приобретательная давность. Более того, часто в правовых системах разных стран, приемлющих возможность приобретения права собственности на вещь через давностное владение, применяют такой критерий, как эксклюзивность использования, под которой понимается невозможность пользоваться имуществом кем-либо другим [4]. Такая риторика имеется, например, в гражданском законодательстве Италии.

Рассматривая казусы института, с которыми сталкиваются правоприменители, возможно выявить сразу несколько, к некоторым из которых относится возможность применения давностного владения к строениям, возведенным до 1995 года, отсутствие упорядоченного подхода к вопросам добросовестности лица, претендующего на приобретение права собственности на основании давности владения вещью, отсутствие понимания о том, с какого момента начинает течь срок такого владения и многие другие вопросы.

Изучение принципов узукупии, как одного из основных групп вещно-правовых способов защиты права, не зря произведено в настоящем параграфе [5]. Как сложившаяся судебная практика, так и бесчисленные взгляды научных деятелей, изложенные во всевозможных научных трудах относительно темы приобретательской давности, говорят о том, что ее применение практически невозможно при настоящих правовых реалиях.

Например, И. Е. Энтельман отмечает, что российская система права во все времена не могла гармонично вплести ветви приобретательной давности. Чаще применялись понятия об исковой давности, что не есть тождественно [6]. Советский и российский правовед Л. В. Щенникова вовсе применяет термин «недееспособность» относительно изучаемого института, что в совокупности приводит к невозможности применения в рамках вещно-правовых механизмов, в частности, и стабилизации гражданского оборота, в общем смысле [7].

До сих пор остается не ясно, на сколько давно и как явно начал свое формирование в доктрине российского права механизм приобретательной давности. По мнению многих ученых-правоведов, к основным паразитическим элементам, препятствующим полноправному применению такого института, помимо выше обозначенных, можно отнести консервативность подходов, нуждающуюся в комплексном реформировании.

Заслуживающим внимание вопросом является также нередкое сравнение с признанием вещи бесхозяйной и приобретательской давностью. Существуют определенные схожие концепции, однако, усматриваются и кардинальные различия. Оба механизма направлены на видоизменение правового статуса на объект, при этом, различны основания для такого изменения. Если в случае приобретательного владения понимается владение лицом, не являющимся де-юре, правообладателем, то, инциденты с бесхозяйными вещами связываются с оставле-

нием вещи ее собственником либо вовсе отсутствие сведений о правообладателе вещи [8]. Причем для признания вещи бесхозяйной достаточным будет являться условие об отсутствии собственника объекта. Доказывание добросовестности для заявителя о признании вещи бесхозяйной не является правоопределяющим критерием.

Резюмируя изложенное, вопросы применения конструкции приобретательской давности в действительности, является в некотором смысле,rudimentом системы гражданско-правовых способов защиты права, применение которого, возможно при одномоментном соблюдении набора принципиальных критериев, сущность которых, на сегодняшний день, раскрыта не в полной мере, противореча друг другу, и делая применение приобретательной давности практически невозможным. Очевидно, напрашивается глобальная реформа нормативной правовой практики исследуемого вопроса, с учетом многочисленных тезисов, существующих в отечественной юридической литературе. Не всегда ясно, в каких случаях и при каких условиях, возможно применить иск о признании права собственности в порядке приобретательной давности. Сложившаяся позиция судов весьма противоречива, что связано с неразрешенными коллизиями и пробелами нормативной базы.

Кроме прочего, к одним из самых актуальных вопросов, относящихся к применению гражданско-правовых способов защиты права, возможно отнести исполнимость решений судов по тем или иным категориям спорных правоотношений. Разумеется, прибегая к судебной мере защиты своего права, заявитель подразумевает результативность, а равно и действенность как следствие удовлетворения заявленных в суде требований. Такое исход возможен при совокупности факторов: верно избранный способ защиты права, правомерная квалификация сложившихся спорных правоотношений, своевременно применимые обеспечительные меры, грамотно изложенные требования.

Прежде всего, отмечается, что принцип исполнимости судебного акта априори должен соблюдаться с целью избежания формально-юридического подхода без достижения реально поставленной цели — наделения/изменения вещи правовым статусом. Социальная значимость соблюдения фундаментальной концепции гражданского права и процесса неоценимо высока. Реальность исполнения судебного акта становится непосредственным источником доверия общества к закону и судебной системе [9]. Результативность процедуры должна мотивировать на повышение правовой грамотности населения и стабилизации гражданского оборота путем легализации объектов или изменения их правового статуса.

Реальная возможность исполнения результатов применения способа защиты права — существующая на сегодняшний день, проблема, связанная сразу с несколькими причинами. К таковым отнесены затягивание стороной процесса, злоупотребление правом, противоправное избежание от исполнения судебного акта, некорректное из-

бранье принудительных мер, стимулирующих реальность исполнения.

Таким образом, восстановление права в его ненарушенном состоянии должно быть реальным, а не формально-фiktивным. Наличие подобных проблем может свидетельствовать о наличии пробелов в праве, требующих незамедлительного устранения. Настоящая негативная тенденция по своей общей направленности и риторике может послужить причиной для общественного недо-

верия и тревожности, нарушению прав и законных интересов человека и государства. Есть необходимость более жестких ограничений и санкций к должникам, а также, интеграции диджитал технологий в части системы исполнительных баз, отражающих в доступе процессуальные документы по стадии исполнения и возможность дистанционного направления каких-либо заявлений в рамках дел. Сочетание и аккумуляция всевозможных способов приведет к наилучшему результату.

Литература:

1. Нудненко Л. А. Конституционное право России: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2025.
2. Бакунов, А. В. Вещное право (курс лекций): учебное пособие: Южно-Сахалинск: 2020.
3. Камышанский, В. П. Гражданское право классический учебник, в 2 томах. — М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2024.
4. Анисимов А. П., Рыженков А. Я. Актуальные проблемы приобретения права частной собственности на земельные участки в силу приобретательной давности: монография. — М., 2020.
5. Рудоквас А. Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности: монография. — М., 2011.
6. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства: Издание третье Учебника русского гражданского судопроизводства исправленное и дополненное. — Юрьев. — 1912.
7. Щенникова Л. В. Проблемы вещного права: монография. — М., 2020.
8. Курбатов А. Я. Проблемы применения норм гражданского права: учебник для вузов. — М.: Юрайт, 2025.
9. Афанасьев, С. Ф., Исаенкова, О. В., Борисова, В. Ф. Филимонова М. В. Исполнительное производство: учебник и практикум для вузов. — М.: Юрайт, 2025.

Современные вызовы и недостатки правового регулирования административной ответственности в дорожном движении

Кирильчук Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются проблемные аспекты законодательства об административной ответственности в сфере дорожного движения. Рассматриваются ключевые недостатки действующего правового регулирования, влияющие на эффективность применения мер административного воздействия к участникам дорожного движения. Особое внимание уделяется вопросам совершенствования законодательства и выработке предложений, направленных на повышение его качества и правоприменимости устойчивости.

Ключевые слова: административная ответственность, дорожное движение, правовое регулирование, правоприменение, пробелы законодательства, правовые коллизии, реформирование.

Развитие законодательства об административной ответственности в сфере дорожного движения невозможно рассматривать вне контекста общей эволюции административно-деликтного права. Для понимания современного состояния правового регулирования необходимо обратиться к анализу становления ответственности в целом. В научной литературе традиционно выделяют несколько этапов формирования административного законодательства. Так, А. П. Шергин предлагает трёхступенчатую периодизацию, охватывающую докодификационный период, время действия КоАП РСФСР и современный этап, начавшийся с принятием КоАП РФ [1].

С момента вступления в силу действующего Кодекса прошло более пятнадцати лет, и изменения, происходившие в политической, социальной и экономической сферах, закономерно отразились на развитии административного законодательства. Нормы, регулирующие ответственность за нарушения, связанные с дорожным движением, неоднократно корректировались, создавая современную модель управления безопасностью на дорогах.

Первый этап, относящийся к докодификационному периоду, характеризовался значительным количеством разрозненных нормативных актов, регулирующих административную ответственность, и отсутствием единого механизма её применения. В сфере дорожного движения

постепенно формировалось стремление к более чёткому регулированию.

Переход ко второму этапу был связан с необходимостью кодификации. Основы законодательства СССР об административных правонарушениях и последующий Указ Президиума Верховного Совета СССР 1983 года создали базу для принятия КоАП РСФСР [2].

Третий этап, завершивший действие КоАП РСФСР, стал периодом активного обновления законодательства о дорожных правонарушениях.

Современный этап развития законодательства связан с принятием КоАП РФ и продолжается по настоящее время. Он отличается значительным укреплением роли судебной власти в обеспечении законности применения административных наказаний. Суды получили расширенные полномочия по рассмотрению дел, включающих новые составы и санкции, которые могут назначаться исключительно судьями. Судебный контроль стал важнейшим элементом системы гарантий прав участников административного процесса.

Существенное внимание законодатель уделяет совершенствованию процессуальных норм. Расширены полномочия защитников, уточнены основания для возбуждения дел, расширены возможности фиксации хода рассмотрения. Появились новые процессуальные документы, в том числе протокол осмотра места совершения административного правонарушения при ДТП с лёгким или средним вредом здоровью. Значительные изменения коснулись и порядка обжалования постановлений, в результате чего процедура пересмотра административных дел стала более детализированной и доступной для участников процесса [3].

Одновременно наблюдается устойчивое ужесточение ответственности за нарушения правил дорожного движения. Существенно увеличены размеры штрафов для граждан, должностных и юридических лиц, расширены сроки лишения права управления транспортным средством, усилены санкции за наиболее опасные виды правонарушений, включая проезд на запрещающий сигнал светофора и незаконное использование спецсигналов.

Особое внимание законодатель уделяет безопасности детей и пешеходов, относящихся к группе наиболее уязвимых участников движения. Ужесточены требования к перевозке детей, повышена ответственность за непредоставление преимущества пешеходам на нерегулируемых переходах. Важным направлением стала борьба с управлением транспортом в состоянии опьянения: ответственность за такие правонарушения усиливается из года в год, вплоть до установления уголовной ответственности за повторные случаи [4].

Наряду с этим усиливается фискальная направленность административных штрафов. Это проявляется в ужесточении санкций за правонарушения, лишь косвенно связанные с безопасностью дорожного движения, внедрении автоматической фиксации нарушений, региональном повышении штрафов, а также введении воз-

можности уплаты половины суммы штрафа при своевременной оплате. Подобные меры, повышая эффективность взыскания, одновременно затрудняют полноценную реализацию профилактической функции административного наказания.

Современная система регулирования административной ответственности в сфере дорожного движения нуждается в дальнейшем комплексном совершенствовании. Темпы развития общества, масштабные преобразования в социально-экономической жизни, изменения в государственном управлении и цифровизация множества сфер деятельности создают новые условия, в которых существующие правовые механизмы уже не всегда способны обеспечить требуемый уровень безопасности и правопорядка.

Одним из ключевых вызовов становится необходимость поиска такой модели регулирования, которая одновременно обеспечивала бы защиту прав и законных интересов граждан, эффективность государственного управления и устойчивость правопорядка. Для достижения этого баланса требуется не только усиление ответственности за наиболее опасные правонарушения, но и создание условий для предупреждения нарушений, формирования правосознания участников дорожного движения и внедрения современных профилактических инструментов.

Важным направлением модернизации является адаптация законодательства к технологическим изменениям. Массовое внедрение автоматических систем фиксации, развитие интеллектуальных транспортных систем, использование беспилотных автомобилей и средств индивидуальной мобильности требуют пересмотра подходов к ответственности, установления понятных правил и новых критериев оценки правонарушений. В условиях, когда фиксация нарушений все чаще осуществляется техническими средствами без участия человека, особенно актуальными становятся вопросы обеспечения точности, надёжности и правовой защищённости процедур, связанных с привлечением к ответственности.

Не менее значимой задачей является корректировка подходов к установлению размеров штрафов. Наблюдаемое повышение санкций за ряд правонарушений, хотя и способствует росту дисциплины, в отдельных случаях приводит к снижению профилактического эффекта, поскольку чрезмерное наказание перестает восприниматься как справедливое. Конституционный Суд неоднократно подчёркивал необходимость соблюдения баланса между целями предупреждения правонарушений и недопустимостью чрезмерного ограничения имущественных прав граждан. Поэтому модернизация системы административной ответственности должна включать научно обоснованное определение оптимального уровня санкций, учитывающего социально-экономические реалии и степень общественной опасности деяния.

Также актуальным остаётся вопрос совершенствования процессуальных гарантий лиц, привлекаемых к ответственности. Участники дорожного движения должны

иметь реальную возможность защищать свои права, оспаривать решения, получать достоверную информацию о фактах нарушения. Повышение открытости и прозрачности административных процедур способствует укреплению доверия к правоприменительной системе и повышает её легитимность в глазах общества.

Таким образом, дальнейшее совершенствование административной ответственности в сфере дорожного движения предполагает системный пересмотр как ма-

териальных, так и процессуальных норм. Оно должно опираться на комплексный анализ социально-правовых факторов, учитывать интересы личности, общества и государства, а также обеспечивать справедливость и эффективность административных мер. Только в условиях продуманной, гибкой и научно обоснованной правовой политики возможно достижение устойчивого снижения количества правонарушений и повышение уровня безопасности дорожного движения в стране.

Литература:

1. Административная ответственность в СССР / Под ред. В. М. Манохина, Ю. С. Адушкина. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1988. 166 с.
2. Красненкова Е. В. Проблемы квалификации правонарушений за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств / Е. В. Красненкова, А. Ю. Гладких // Административное и муниципальное право. 2014. N 5. С. 447–454.
3. Цимбалистов И. Б. Гражданские-правовые аспекты собственности и ответственности владельцев автотранспорта: Учебное пособие / И. Б. Цимбалистов. Домодедово: ВИПК МВД России, 2000. 129 с.
4. Шергин А. П. Тенденции развития российского законодательства об административных правонарушениях / А. П. Шергин // Актуальные вопросы публичного права. 2012. N 8. С. 81–92.

Профилактические меры в административном праве: анализ эффективности на примере дорожного движения

Кирильчук Ирина Дмитриевна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируются проблемы формирования и развития правовых механизмов, обеспечивающих производство по делам об административных правонарушениях. Особое внимание уделено историко-правовому осмыслиению этапов становления этих мер, что позволяет проследить их эволюцию, особенности законодательного оформления, а также тенденции систематизации и последующей кодификации в рамках административно-деликтного законодательства.

Ключевые слова: административно-деликтное законодательство, меры обеспечения, кодификация, систематизация, производство по делам об административных правонарушениях, историческое развитие, эволюция.

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» впервые закрепил единый подход к регулированию отношений, связанных с профилактикой противоправного поведения. Документ определяет правовые и организационные начала функционирования системы профилактики, устанавливает её основные принципы и виды, а также разграничивает полномочия субъектов профилактической деятельности и права лиц, участвующих в её реализации.

Одним из ключевых положений закона стало легальное закрепление понятия профилактики правонарушений. Она рассматривается как комплекс мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, формирующих риски противоправного поведения, а также на воспитательное воздействие, позволяющее

предотвратить нарушения или антиобщественные проявления. Понятие «правонарушения» при этом включает как преступления, так и административные деликты [1].

Закон определяет базовые принципы профилактики: приоритет прав граждан, законность, системность, открытость, научная обоснованность принимаемых мер, компетентность субъектов и их ответственность за соблюдение прав участников профилактической деятельности. Эти принципы задают основу для дальнейшего развития теоретических подходов.

В научной доктрине профилактика традиционно связывается с предупреждением правонарушений. Понимание профилактики может быть широким — как деятельность по недопущению противоправных действий в целом, и узким — как меры, направленные на выявление факторов риска и лиц, склонных к нарушениям, с последующим воздействием, препятствующим их возможному противоправному

поведению. Таким образом, предупреждение невозможно без эффективной профилактической работы, направленной как на социальную среду, так и на конкретных лиц [3].

Закон об основах профилактики выделяет два ключевых вида профилактики: общую и индивидуальную. Общая направлена на устранение причин и условий совершения правонарушений в широком социальном контексте, индивидуальная — на работу с конкретными лицами и ситуациями. Их взаимодействие рассматривается как диалектическое единство: обе преследуют общую цель — снижение правонарушаемости.

Особенности профилактики в сфере дорожного движения определяются спецификой транспортной системы: высокой интенсивностью движения, большим количеством участников, наличием источника повышенной опасности и значительной латентностью нарушений. По этой причине обеспечение безопасности дорожного движения включено в основные направления профилактической деятельности государства.

Нормативная база профилактики правонарушений в целом и в дорожной сфере, в частности, опирается на Конституцию РФ, международные стандарты, федеральное законодательство, акты Президента и Правительства, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти, субъектов РФ и муниципалитетов. В то же время Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» не использует термин «профилактика правонарушений» как самостоятельный элемент, ограничиваясь категориями предупреждения ДТП и профилактики аварийности. Это объяснимо, поскольку ДТП выступают негативным последствием нарушения установленных правил.

К ключевым субъектам профилактики относятся федеральные органы исполнительной власти. Среди них центральную роль играет МВД России, а специализированные меры реализуются Госавтоинспекцией. Полиция обязана выявлять причины административных правонарушений, устранять условия, способствующие их совершению, а также обеспечивать безопасность дорожного движения. В административных регламентах и ведомственных положениях подробно описаны формы профилактической работы — от выявления потенциальных нарушений до устранения факторов риска [2].

Несмотря на широкую нормативную базу, понятие профилактики правонарушений в сфере дорожного движения в действующих актах чётко не определено, что затрудняет реализацию соответствующих полномочий и сознание неопределенность в правоприменении.

Профилактическая деятельность в дорожной сфере включает комплекс правовых, организационных, технических, информационных, пропагандистских и такти-

ческих мер. Правовые акты, регулирующие эту работу, должны соответствовать Конституции РФ, федеральным законам, быть изданы уполномоченными органами в пределах компетенции и обеспечивать соблюдение прав граждан. Важным требованием является также их целесообразность, выражаясь в своевременности, научной обоснованности и актуальности.

Организационно-технические меры охватывают предупреждение нарушений через предостережения, предписания, представления, а также осуществление дорожно-патрульной службы. Последняя играет важную роль, поскольку постоянное присутствие сотрудников Госавтоинспекции оказывает превентивное воздействие на участников движения. Используются и технические средства — системы фото- и видеофиксации, инженерные конструкции, контроль состояния дорожной сети.

Значительную роль играют информационно-пропагандистские и массово-разъяснительные меры: проведение тематических акций, взаимодействие со СМИ, организация социальной рекламы, разработка образовательных программ и формирование устойчивых навыков безопасного поведения на дорогах. Эти задачи детально урегулированы ведомственными инструкциями, включая Наставление по пропаганде безопасности дорожного движения.

К инженерно-техническим мерам относятся надзор за техническим состоянием транспортных средств, обустройство опасных участков, использование передвижных лабораторий, а также внедрение автоматизированных систем фиксации нарушений.

Рассмотренный комплекс мер показывает, что профилактика правонарушений в дорожной сфере представляет собой многогранное и системное явление. Для его полноценного анализа требуется отдельное глубокое исследование.

Обобщая изложенное, можно выделить ключевые условия повышения эффективности профилактики нарушений правил дорожного движения:

- применение комплекса мер общей и индивидуальной профилактики;
- обеспечение принципа неотвратимости ответственности;
- создание оптимального механизма реализации административных санкций;
- систематическое правовое обучение и информирование граждан, начиная со школьного возраста;
- участие не только государственных органов, но и институтов гражданского общества.

Такой подход позволит повысить результативность профилактики и создать более безопасную среду дорожного движения.

Литература:

1. Антонов С. Н. Предписание как форма профилактической деятельности Госавтоинспекции / С. Н. Антонов, Д. В. Горбунов, П. В. Молчанов, М. И. Попов // Безопасность дорожного движения: Сб. науч. тр. Вып. 11 / Ред. В. Д. Кондратьев. М.: НИЦ БДД МВД России, 2011. С. 159–174.

2. Россинский Б. В. Административные наказания в сфере дорожного движения и аварийность на автомобильном транспорте / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. 2014. № 5. С. 8–14.
3. Савченко А. А. Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине / А. А. Савченко // Современное право. 2010. № 3. С. 112–114.

Гарантии и проблемы сохранения адвокатской тайны

Клейменова Вероника Алексеевна, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В данной публикации исследуются отдельные вопросы, связанные с возможностью и необходимостью разглашения адвокатской тайны.

Ключевые слова: адвокат, защитник, юридическая помощь, тайна, гарантия, разглашение.

Адвокатская тайна является важнейшей составляющей в механизме оказания юридической помощи, которая предусмотрена ст. 48 Конституции РФ [1], а также в ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2]. В соответствии с нормативными положениями, к адвокатской тайне относится любая информация (сведения), которую адвокат (защитник, представитель, консультант) получил от своего доверителя в рамках оказания ему юридической помощи.

Вопросы, связанные с режимом адвокатской тайны, ее защитой, всегда выступали предметом оживленных дискуссий практикующих юристов, ученых, а также представителей компетентных органов государственной власти. В настоящее время эти споры ведутся еще в большей степени и основные обсуждаемые вопросы сводятся к следующим: характер и объем ответственности адвоката за разглашение адвокатской тайны [4, с. 110–111], механизм отвода адвоката при выявлении фактов нарушения им конституционных прав доверителя, в том числе связанных с нарушением режима адвокатской тайны [4, с. 161–166]; юридические гарантии (и их практическая реализация) защиты адвокатов от вмешательства государственных служащих (субъектов предварительного расследования, надзорных органов) в профессиональную деятельность адвоката, приводящих к раскрытию сведений, составляющих адвокатскую тайну [3, с. 95–100]; границы адвокатской тайны, то есть характер и объем сведений [5, с. 203–210], составляющих адвокатскую тайну. На последней проблеме акцентируем внимание читателя.

Первый проблемный вопрос, который мы рассмотрим, связан с возможностью или необходимостью разглашения адвокатской тайны адвокатом, связанной с полученными им от своего доверителя сведениями, содержащими информацию о готовящемся, совершающем или совершенном преступлении. Ответ на вопрос о том, как должен поступить адвокат в подобных случаях, не имеет четкого ни законодательного, ни доктринального решения.

Первая группа специалистов, к которой относятся такие ученые, как В. Ф. Анисимов, Н. С. Манова, В. Ю. Панченко, считает, что характер адвокатской тайны является абсолютным, что исключает возможность ее разглашения даже в минимальном (частичном) объеме или при наличии «особых» случаев. Данная позиция звучит однозначно: что бы не произошло, адвокатская тайна должна оставаться тайной и ее разглашение адвокатом возможно исключительно по согласию доверителя.

Вторая группа ученых, напротив, допускает возможность (и даже указывает на необходимость) разглашения адвокатской тайны в определенных случаях, которые следует установить законодательно. Таким образом, позиция данной группы специалистов свидетельствует об определенной относительности адвокатской тайны, то есть возможности ее разглашения (доведения адвокатом до правоохранительных органов), когда адвокату становится известно о подготовке к совершению преступления, а также совершении длящегося преступления.

В этой связи необходимо привести суждения А. Л. Цыпкина о том, что, когда на одной чаше весов находится академическая тайна, а на другой — общественная безопасность (в том числе в масштабах мирового сообщества), однозначно перевес должен идти в сторону последней [7, с. 59–63].

На наш взгляд, данная позиция звучит логично, убедительно и справедливо, так как вопрос жизни человека всегда должен оставаться приоритетным, как для стороны защиты, так и для стороны обвинения в рамках уголовного судопроизводства. Более того, мы убеждены, что, когда адвокатскую тайну составляют сведения о готовящемся или совершающемся преступлении (например, подготовка террористического акта или удержание человека в неволе, соответственно), разглашение адвокатской тайны должно являться не правом адвоката, а его обязанностью, за невыполнение которой он подлежит ответственности, в зависимости от тех последствий, которые наступят от его бездействия (вплоть до уголовной).

Другой неоднозначный вопрос для обсуждения — это ситуация, когда адвокат получает от своего довери-

теля информацию, однозначно свидетельствующую о его виновности в совершении преступления, однако, он выстраивает линию защиты исходя из позиции о полной невиновности своего клиента, предоставляя доказательства, которые его оправдывают, и одновременно с этим не могут быть опровергнуты стороной обвинения, ввиду невозможности доказать обратное (в случае, когда доказательственная база собрана следователем не в полном объеме, то есть не соблюден принцип достаточности), тем самым адвокат искусственно вводит расследование в заблуждение относительно истины по делу.

Считаем, что в данных ситуациях адвокатская тайна должна оставаться абсолютной, а адвокат может и должен любыми законными способами и средствами доказывать

невиновность своего клиента, в том числе и используя ошибки следствия или неполноту расследования (сбора и оценки доказательств). При этом не имеет значения, совершил ли действительно обвиняемый инкриминируемое ему преступление или нет.

В заключение данной статьи отметим, что адвокатская тайна выступает важнейшей гарантией защиты прав доверителей в рамках любых видов оказания юридической помощи. Однако характер адвокатской тайны должен быть относительным, то есть предусматривать необходимость ее доведения адвокатом до компетентных государственных органов и должностных лиц в ситуациях, когда она содержит информацию о готовящемся или совершаемом тяжком или особо тяжком преступлении.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 10.06.2002, № 23, Ст. 2102.
3. Зубарева О. Г., Маевская М. В. К вопросу об ответственности за нарушение режима адвокатской тайны // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. N 4. С. 110–116
4. Таран А. С. Отвод адвоката в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Общество и право. 2015. N 2(52). С. 161–166.
5. Борченко В. А. Проблемные вопросы обеспечения адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве // Вестник СамГУ. 2014. № 11–2(122). С. 95–100.
6. Манова Н. С. Адвокатская тайна в уголовном судопроизводстве: проблемы обеспечения и реализации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2(42). С. 203–210.
7. Цыпкин А. Л. Адвокатская тайна // Вопросы адвокатуры. 2001. N 2(30). С. 55–86.

К вопросу о профилактических мерах прокурорского реагирования в сфере теплоснабжения

Козырев Олег Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Асташкина Елена Николаевна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается вопрос о мерах прокурорского реагирования в сфере теплоснабжения. Автор приводит статистику количества предостережений о недопустимости нарушений закона в Саратовской области в сфере подогревов к отопительному сезону 2025 года. Делается вывод о том, что полномочия прокурора, направленные на предупреждение правонарушений, существенно снижают количество возможных нарушений.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, прокурорский надзор, теплоснабжение, меры прокурорского реагирования.

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее — ЖКХ) есть комплекс объектов инженерной инфраструктуры, зданий и сооружений различного значения, а также система предприятий и учреждений, обеспечивающий гарантированный уровень жилищно-коммунальных услуг [7, с. 13]. Данная сфера общественных

отношений представляет особую важность для государства, так как необходимость в получении воды, тепла, электроэнергии и других видов коммунальных услуг есть не только у граждан, но и государственных и муниципальных органов и предприятий для осуществления своей деятельности.

При наступлении зимнего периода в нашей стране проходит полная активизация такого направления ЖКХ, как теплоснабжение, то есть обеспечение потребителей тепловой энергии тепловой энергией, теплоносителем, в том числе поддержание мощности [3]. Для нормальной жизнедеятельности организма температура окружающей среды составляет от 18 до 24 градусов по Цельсию, ниже данных показателей для человеческого организма будет либо некомфортна, либо непригодна для полноценной жизни [6]. Так, например, по измерениям Гидрометеорологического научно-исследовательский центра Российской Федерации средняя дневная температура в декабре в г. Саратов составляет -3.5 градусов по Цельсию. [11] Такой микроклимат непригоден для человека, поэтому полноценная и качественная работа системы теплоснабжения ложится в основу нормального существования человека в зимний сезон.

Таким образом, мы выяснили, что формирование нормальной температуры в жилище представляет собой важный фактор для жизни здоровья граждан. Однако стоит отметить, что теплоснабжение как часть жилищно-коммунальной сферы представляет собой довольно сложную систему не только с инженерной точки зрения, но со стороны регулирования законом. Именно поэтому, в данной сфере имеют место всевозможные нарушения, связанные как с неосмотрительностью хозяйствующих субъектов, так и с умышленным нарушением закона отдельными должностными лицами. В связи с этим возникает необходимость в грамотном и оперативном надзоре за субъектами ЖКХ.

Так, в соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» [2] прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Прокуратура по своему назначению распространяет свой надзор за огромным количеством правоотношений, к которым как раз таки и относится сфера ЖКХ, включающая теплоснабжение.

Актуальность данной темы подтверждается повышенным вниманием со стороны государственных органов к вопросу качества, подготовленности и нормального функционирования теплоснабжения. Например, председатель Государственной думы Вячеслав Володин после принятия проекта закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения административной ответственности за нарушение законодательства о теплоснабжении) депутатами заявил: «Важно наводить порядок в этой сфере, добиваться устранения нарушений и привлекать виновных к ответственности. В домах, школах, детских садах, больницах должно быть тепло. Для этого ресурсоснабжающим организациям необходимо добро-

совестно и бесперебойно выполнять свои обязательства перед гражданами» [9]. Собственно, само подписание Президентом РФ Владимиром Путиным ФЗ № 389-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части уточнения административной ответственности за нарушение законодательства о теплоснабжении) [4], говорит о том, что вопрос теплоснабжения стоит на контроле на самом высшем уровне.

Для прокуратуры РФ введение положений об ужесточении ответственности в сфере теплоснабжения имеет важное значение, хотя и не будет относиться к их исключительной компетенции, поскольку в соответствии со ст. 28.4 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее, КоАП РФ) [1] предусматривает возможность прокурора возбудить дело о любом другом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена в КоАП РФ. Стоит отметить, что данная мера направлена против «пассивности» контрольно-надзорных органов, которые в каком-либо случае не произвели должные действия по возбуждению дела об административном правонарушении.

Следует рассмотреть наиболее яркую превентивную меру прокурорского реагирования цель, которой направлена не на ликвидацию допущенного правонарушения, а на его устранение на этапе зарождения. Таким полномочием является право прокурора или его заместителя, в случае предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных действиях, направить в письменной форме должностному лицу предостережение о недопустимости нарушения закона. Детальная регламентация данного полномочия происходит в указании Генерального прокурора от 06.07.1999 № 39/7 «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» [5]. В соответствии с ним основанием для предостережения должностного лица могут быть только достоверные сведения о готовящихся противоправных действиях, могущих привести к совершению правонарушения и причинению вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и свободам граждан, не влекущих уголовную ответственность. Предостережение о недопустимости нарушения закона следует применять только к должностным лицам. Применению данной меры реагирования должна в обязательном порядке предшествовать проверка сведений о готовящихся противоправных действиях конкретными должностными лицами с истребованием от них письменных объяснений. Предостережение должностному лицу объявлять под расписку непосредственно в прокуратуре. В целях обеспечения гласности и повышения профилактического воздействия предостережения оно может быть объявлено и по месту работы виновного лица, в том числе в процессе рассмотрения результатов проверки на собрании трудового коллектива либо при рассмотрении коллегиальным органом акта прокурорского реагирования.

Это полномочие прокурора применяется реже относительно других, однако имеет свойство массовости в каких-либо ситуациях, которые происходят из года в год (публикация ежегодной отчетности, наступление заморозков и т. д.), например, прокурорами городов и районов Саратовской области при надзоре за соблюдением законодательства, регламентирующего вопросы подготовки к отопительному сезону, на момент 10 октября 2025 было вынесено свыше 45 предостережений о недопустимости нарушений закона [8]. Редкость данной меры обуславливается тем, что они объявляются при наличии сведений о готовящихся правонарушениях, но в прокуратуру зачастую обращаются только в случаях, когда нарушение закона уже произошло.

Также профилактический характер можно усмотреть в такой мере прокурорского реагирования как представление, поскольку она направлена на устранение не только допущенных правонарушений, но и причин и условий им способствующих. То есть, в случае действительного устранения причин и условий происходит предупреждение возможных нарушений закона, которые могли бы произойти из-за них. Так, например Прокуратура Советского района г. Новосибирская внесла представление ресурсо-

снабжающей организации из-за аварийного отключения отопления более чем в 150 домах [10]. В такой ситуации на ресурсоснабжающую организацию была возложена обязанность в течение месяца со дня внесения представления принять конкретные меры по устраниению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

Таким образом, была рассмотрена существенная роль органов прокуратуры в предупреждении нарушений закона в такой сфере жилищно-коммунального хозяйства, как теплоснабжение. Данная сфера правоотношений имеет первоочередное значение особенно в зимний период в нашей стране, поскольку отсутствие теплоснабжения нарушает право граждан на получение источника жизнеобеспечения. Вниманию были представлены одни из самых действенных и эффективных мер прокурорского реагирования, направленных на профилактику правонарушений в области предоставления услуг теплоснабжения. Меры профилактического характера в силу своего назначения позволяют устранить на этапе формирования возможные противоправные деяния, что ведет к снижению общего количества нарушений.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002, № 1 (ч. 1). — ст. 1.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 — ФЗ (ред. от 30.09.2024) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1995. № 47. — Ст. 4472.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 190-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О теплоснабжении» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. № 31. — Ст. 4159.
4. Федеральный закон от 27.10.2025 N 389-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. — 2025. № 44. — Ст. 6494.
5. Указание Генпрокуратуры РФ «О применении предостережения о недопустимости нарушения закона» от 06.07.1999 № 39/7 (с изм. от 16.10.2000) // Сборник основных организационно-распорядительных документов Генпрокуратуры РФ том 1. — 2004.
6. ГОСТ 30494–2011 Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://protect.gost.ru> (дата обращения: 15.11.2025)
7. Управление жилищно-коммунальным хозяйством: учебник для вузов / под редакцией А. И. Кабалинского, П. И. Бурака, О. В. Паниной. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 124 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18845-5. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568956> (дата обращения: 15.11.2025).
8. На личном контроле прокурора Саратовской области Сергея Филипенко находятся вопросы надлежащего вхождения региона в отопительный сезон. — Текст: электронный // Прокуратура Саратовской области: [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_64/mass-media/news/main/e6240536/ (дата обращения: 15.11.2025).
9. Председатель ГД: закон, повышающий ответственность за подготовку к отопительному сезону, принят. — Текст: электронный // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации: [сайт]. — URL: <http://duma.gov.ru/news/62301/> (дата обращения: 15.11.2025).
10. Прокуратура внесла представление ресурсоснабжающей организации в связи с аварийным прекращением теплоснабжения более чем в 150 домах в Советском районе Новосибирска. — Текст: электронный // Прокуратура Новосибирской области: [сайт]. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_54/mass-media/news/regional/e6348348/?ysclid=mi030h29cy668053133 (дата обращения: 15.11.2025).
11. Среднемесячные климатические данные для г. Саратова. — Текст: электронный // Гидрометцентр России: [сайт]. — URL: https://meteoinfo.ru/?option=com_content&view=article&id=1729 (дата обращения: 15.11.2025).

Реализация воинской обязанности в контексте конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации

Колесников Владислав Алексеевич, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье проводится комплексный анализ реализации воинской обязанности как элемента конституционно-правового статуса гражданина Российской Федерации. Исследуется содержание и структура данного института, выявляется дуализм правового регулирования, сочетающего конституционные и административные правоотношения. Автор предлагает оригинальную классификацию форм и стадий реализации воинской обязанности, а также формулирует конкретные предложения по совершенствованию действующего механизма её осуществления. Особое внимание уделяется дифференцированному подходу к установлению объема обязанностей для различных категорий граждан и разграничению полномочий публичных органов власти в данной сфере.

Ключевые слова: воинская обязанность, конституционно-правовой статус, конституционные обязанности, военная служба, правовое регулирование, механизм реализации, административные правоотношения.

Институт воинской обязанности, будучи закрепленным в ст. 59 Конституции Российской Федерации [1], представляет собой один из фундаментальных элементов правового статуса гражданина. Его реализация сопряжена со значительным ограничением прав и свобод личности в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства. В связи с этим научный анализ содержания, структуры и практических механизмов реализации воинской обязанности в рамках конституционно-правового поля приобретает особую актуальность. Целью настоящего исследования является системное рассмотрение воинской обязанности как комплексного правового явления, выявление её специфических черт и разработка предложений по оптимизации соответствующего правового механизма.

Содержание воинской обязанности раскрывается через совокупность правоотношений, возникающих в связи с необходимостью совершения активных действий либо воздержания от них со стороны обязанных граждан. При этом отмечается дуализм правовой природы данных отношений: изначально закрепленные на конституционном уровне, они в процессе своей реализации детализируются и регулируются нормами административного права. Проведение четкой демаркационной линии между этими двумя уровнями представляет значительную методологическую сложность.

Структура воинской обязанности, по мнению автора, включает три взаимосвязанных элемента:

1. Позитивное обязывание — необходимость совершения определенных действий (явка по повестке, прохождение службы).
2. Негативное обязывание — необходимость воздерживаться от запрещенных действий (уклонение от призыва).
3. Юридическая ответственность — необходимость претерпевать негативные последствия за нарушение установленных предписаний.

Данные структурные элементы наполняются конкретным содержанием в рамках установленных законода-

телем форм реализации воинской обязанности. На основе анализа Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» [2] автор классифицирует эти формы по двум основаниям:

- 1) По характеру осуществления: регулярные (воинский учет, призыв) и экстраординарные (мобилизация).
- 2) По степени значимости: основные (военная служба по призыву) и дополнительные (военные сборы).

Важно отметить, что альтернативная гражданская служба, несмотря на функциональную близость, не может быть признана составной частью воинской обязанности в ее строгом юридическом понимании, поскольку представляет собой самостоятельную форму исполнения конституционного долга по защите Отечества. [5]

Реализация воинской обязанности характеризуется дифференцированным подходом к установлению её объема. Субъектный состав обязанности определяется совокупностью критериев, включающих пол, возраст, состояние здоровья, наличие судимости и постоянное проживание на территории РФ.

Правовой механизм реализации воинской обязанности представляет собой многоуровневую систему, включающую:

- 1) Конституционные основы (ст. 59 Конституции РФ).
- 2) Федеральное законодательство (ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»).
- 3) Подзаконные нормативные акты (указы Президента, постановления Правительства, ведомственные акты Минобороны России) [3, 4].

В процессе реализации воинской обязанности задействованы различные публичные органы власти, наделенные соответствующими полномочиями по организации и осуществлению её отдельных форм.

Автором выделяются четыре последовательные стадии реализации воинской обязанности:

1. Допризывная (воинский учет, подготовка).
2. Основная (призыв на военную службу, прохождение службы).

3. Мобилизационная подготовка (пребывание в запасе, прохождение сборов).

4. Экстраординарная (реализация обязанности в условиях мобилизации, военного положения или в военное время).

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию конституционно-правового механизма реализации воинской обязанности в Российской Федерации.

Представляется целесообразным проведение комплекса мер, направленных, с одной стороны, на гуманизацию процесса исполнения обязанности (улучшение

условий службы по призыву, развитие допризывной подготовки), а с другой — на усиление диспозитивных начал и стимулирующих механизмов (расширение гарантий, поощрение добросовестного исполнения обязанностей).

Дальнейшее развитие законодательства в данной сфере должно быть нацелено на достижение оптимального баланса между публичными интересами государства в области обороны и частными интересами граждан, обеспечивая при этом эффективность функционирования всего механизма реализации конституционной обязанности по защите Отечества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.
3. Указ Президента РФ от 16.09.1999 № 1237 «Вопросы прохождения военной службы» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 38. — Ст. 4534.
4. Постановление Правительства РФ от 11.11.2006 № 663 «Об утверждении Положения о призывае на военную службу граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 47. — Ст. 4910.
5. Дамаскин О. В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности: монография. — М.: Пограничная академия ФСБ России, 2016. — С. 323, 339–340.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (598) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 03.12.2025. Дата выхода в свет: 10.12.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.